

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Т. Ю. Айдунова

**ПЕТР I В РУССКОЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
СЕРЕДИНЫ XIX–НАЧАЛА XX В.**

Монография

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2020

УДК 930.2(091)"18/19"(035)

ББК 63.3(2)6-8Петр 1я73

А 37

*Печатается по решению Комитета по гуманитарному и социально-экономическому направлению при Ученом совете ЮФУ
(протокол № 6 от 3 июня 2020 г.)*

Рецензенты:

доцент кафедры истории Ростовского государственного медицинского университета канд. ист. наук *Е. К. Склярова*; ассистент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета, канд. ист. наук *Н. В. Дмитриева*

Айдунова, Т. Ю.

А 37 Петр I в русской общественно-исторической мысли середины XIX—начала XX в. : монография / Т. Ю. Айдунова ; Южный федеральный университет. — Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2020. — 150 с.

ISBN 978-5-9275-3607-8

DOI 10.18522/801274242

В монографии рассматриваются вопросы образа Петра I в русской общественно-исторической мысли середины XIX—начала XX в. На протяжении XVIII—первой половины XIX в. в русском общественно-историческом сознании сложились устойчивые образы Петра I, апологетические и резко критические, но сходные между собой: в том и в другом случае царь представлялся в виде существа сверхъестественного, способного спасти или погубить Россию. К середине XIX в., по мере развития русской культуры, сформировалась потребность в ином, более четком и точном осмыслении личности и деятельности Петра I, лишенном мифологических наслоений. В общественно-историческом сознании носителей императорской власти XVIII—начала XX в. имело место разное отношение к Петру I, от апологетики до сдержанной критики, тем не менее празднование исторических дат, связанных с этим царем, проходило на уровне мероприятий государственного значения, с использованием их в целях монархической пропаганды. В книге приведен обширный обзор письменных источников различного происхождения.

Монография предназначена для историков, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами исторической памяти и исторических образов русской истории.

ISBN 978-5-9275-3607-8

УДК 930.2(091)"18/19"(035)

ББК 63.3(2)6-8Петр 1я73

© Южный федеральный университет, 2020

© Айдунова Т. Ю., 2020

© Оформление. Макет. Издательство

Южного федерального университета, 2020

Содержание

Пролог. Образ Петра I как один из значимых исторических образов общественно-исторического сознания нового времени	4
Глава 1. Образы Петра I в историческом сознании и идеологии самодержавия и консерваторов.....	15
1.1. Петр I в историческом сознании самодержцев: трансформации образа	15
1.2. Празднование петровских юбилеев в пореформенной России	23
1.3. Образ Петра I в консервативной публицистике	34
1.4. Образ Петра I в державно-националистической публицистике	50
Глава 2. Петр I в русской либеральной общественно-исторической мысли.....	61
2.1. Петр I в либеральном дискурсе как носитель европеизации России.....	61
2.2. Либералы о роли Петра I в создании условий для развития личности, укреплении государства и самодержавия	74
2.3. Научные подходы к оценке личности и деятельности Петра I.....	88
2.4. Противоречия либерального дискурса по вопросу о Петре I	95
Глава 3. Российские демократы и революционеры о Петре I.....	104
3.1. Петр I и Алексей: демократическая историческая мысль и дискуссия по вопросу о гибели царевича.....	104
3.2. «В Петре всегда чувствовался революционер». А. И. Герцен и Н. А. Добролюбов о Петре I.....	113
3.3. «При Петре все лишились свободной жизни»: Петр I и его реформы в оценке А. П. Щапова и Н. Я. Аристова ...	122
Заключение	128
Список источников и литературы	134

ПРОЛОГ

Образ Петра I как один из значимых исторических образов общественно-исторического сознания нового времени

Проблематика общественно-исторической мысли, ее современного состояния и ее прошлого — одна из центральных для современного научного исторического познания. Ее исследование позволяет понять характер и особенности культуры определенного сообщества на определенном историческом этапе его существования и вместе с тем уяснить процессы, происходящие в общественно-политической ситуации государства на разных стадиях его развития. Такое исследование возможно вести на основе анализа конкретно-исторических образов, которые образуют в совокупности единство, выражающееся в национальном общественно-историческом сознании. Прежде всего это относится к наиболее значимым образам, которые передаются из поколения в поколение и не стираются из памяти даже при наличии в истории государств и обществ не менее значимых событий последующего времени. К важнейшим конкретно-историческим образам русского общественно-исторического сознания нового времени относится образ Петра I как монарха и исторической личности, в значительной мере определившей характер и особенности новой России и ее развития на долгое время — по существу, на два столетия. Поскольку образ этот в русской общественно-исторической мысли всегда являлся спорным, то его исследование позволяет понять национальное общественно-историческое сознание русского общества как сложный феномен, сформировавшийся на основе единства противоположностей в подходах к оценке личности и деятельности Петра I.

Актуальность поставленной проблемы состоит еще и в том, что она представляет собой своеобразную инвентаризацию мест исторической памяти. Во Франции под руководством выдающегося историка П. Нора, а также в Германии была проделана большая работа, направленная на такую инвентаризацию мест национальной исторической памяти¹. В соответствии с концепцией французского историка, образ Петра Великого для России также занимает одно из самых значимых мест исторической памяти за разные периоды ее истории. В самом деле, для русской общественно-исторической мысли Петр Великий — «значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти» [Нора, 1999а, с. 79], или место исторической памяти, причем общенационального значения. Вместе с тем выявление отношения в русской общественно-исторической мысли на протяжении пореформенного периода и начала прошлого века к Петру I дает возможность более конкретно понять отношение общества к самодержавию как к политической основе дореволюционной России, поскольку Петр Великий выступал не только как историческая личность, но и как символ самодержавия. Тем самым такое исследование позволяет более полно, точно и глубоко представить идейные основы кризиса самодержавного режима и революционных событий, которые произошли в стране. Оно дает возможность понять причины краха монархического строя, выразившегося, в частности, в

¹ На это указывает современный «Словарь историка», составителями которого были Н. Оффенштадт, Г. Дюфо и Э. Мазурель: «В современных западных обществах, где горизонт ожидания затуманен и организующее влияние коллективных политических проектов ослабло, значение памяти настолько возросло, что, по мнению ряда авторов, появилась новая болезнь — “коммеморит” (так Франсуа Досс назвал страсть к увековечению памяти всего и вся). Пьер Нора, объединив усилия сотни историков в коллективном труде (*Les Lieux de memorie*. P., 1984–1992), попытался собрать и описать французские “места памяти” в широком и символическом смысле этого слова (речь шла о памятниках; исторических деятелях национального масштаба, таких как историк Лависс или Жанна д’Арк; классических литературных произведениях, например, “Путешествие двух детей по Франции”, и т.д.). Недавно появилось подобное немецкое издание (*Deutsche Erinnerungsorte*. München, 2001)» (см.: [Словарь историка..., с. 121]).

том, что в годы революции и гражданской войны сторонников его возрождения и сохранения даже среди противников советской власти оказалось слишком мало.

Историография проблемы места Петра I в русской общественно-исторической мысли представлена неравномерно. Значительно полнее и глубже исследовался период, начинавшийся от времени его царствования вплоть до конца XVIII в., а отчасти до эпохи буржуазных реформ при Александре II. Это не случайно. В XVIII в. Петр Великий был для русского общества современником — или живой историей: сами люди, жившие тогда, или их ближайшие старшие родственники помнили его самого или время его царствования, о его жизни или о событиях того времени можно было услышать их повествования. С первой половины XIX в. положение изменилось. Живая память о Петре Великом и его времени ушла в прошлое. Но при этом сохранялись основы созданной им Российской империи, действовали многие принятые при нем законы, существовали учреждения, весьма успешно развивалась заданная царем европейская направленность культуры русского дворянства. Отсюда интерес к первому императору России был не только академическим или мемориальным. Он имел оттенок живого интереса, поскольку людям того времени напоминало об этом царе слишком многое. Поэтому известный историк М. П. Погодин имел все основания заявлять: «Нынешняя Россия, то есть Россия Европейская — дипломатическая, политическая, военная, Россия коммерческая, мануфактурная, Россия школьная, литературная — есть произведение Петра Великого» [Погодин, 2010, с. 229]. И такое мнение имело в дореформенной России определенную общественную поддержку, тем более что культ Петра Великого был частью идеологии царствования Николая I.

Интерес к теме места Петра I в русской общественно-исторической мысли этого времени дополнительно усиливался в связи с тем, что имело место не только признание выдающихся заслуг царя, но и самая резкая, яростная его критика. Столь крупная личность российской истории не оставляла никого равнодушным. О столь неодинаковом отношении к Петру I в русском обществе, проявлявшемся в XVIII–XIX вв., говорил выдающийся историк С. М. Соловьев в своем лекционном курсе, кото-

рый читался в 1872 г. по случаю двухсотлетнего юбилея со дня рождения монарха. «Долго относились у нас к делу Петра неисторически: как в благоговейном уважении к этому делу, так и в порицании его» [Соловьев, С. М., 1984, с. 10], — указывал он. По существу, ту же самую мысль высказывал Е. Ф. Шмурло: «Поклонники Петра употребляли его божеству (Ломоносов), а противники видели в нем антихриста (раскольники)». «Те и другие, — подчеркивал он, — сходились в одном: фигура Петра “застила собою всю древнюю русскую историю” (Погодин)» [Шмурло, 2005, с. 268]. Неслучайно поэтому Шмурло увидел в отношении к Петру I в русском обществе XVIII в. интересную проблему и посвятил ей специальное исследование [Шмурло, 1912].

На период буржуазных реформ пришлось начало формирования новой общественно-исторической мысли, критической по отношению к Петру I и в то же время вполне академической по своему характеру и особенностям. Роль крупного российского историка М. И. Семевского в этом процессе проследила в посвященной ему книге В. В. Тимощук. Она приводила оценку Семевским значения собственных трудов в таком формировании. По ее данным, Семевский указывал: «Будучи полезны для отрезвления русского общества от устряловщины, мои исторические этюды были в то же время и тем тараном, который пробивал цензурную, все еще плотно сплоченную стену. Десяток таких очерков образовал уже настолько значительную брешь в этой стене, что сквозь нее проходил весьма свободно целый ряд и более серьезных и более научных исследований, но все из области запретной, из области отечественной истории XVIII века» [Тимощук, 1895, с. 108]. Указание на устряловщину не случайно. Под ней имелись в виду ясно выраженные признаки апологетики Петра I в труде Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого», которую решительно отвергал М. И. Семевский.

Между тем вопрос о значении деятельности М. И. Семевского в деле развенчания петровского культа в отечественной исторической мысли и в массовом сознании русского общества вызывал интерес историков и в последующее время. Дискуссия между М. И. Семевским и Н. Г. Устряловым по вопросу о подлинности письма гвардии капитана А. Румянцева с упоми-

нением о приказании Петра I тайно убить в Петропавловской крепости царевича Алексея оказывалась в центре внимания Н. Я. Эйдельмана [Эйдельман, Н. Я., 1973] и В. П. Козлова [Козлов, 1996]. Такое внимание к этой дискуссии было не случайно. Она была не только значимым общественно-политическим явлением сама по себе. Она, кроме того, поднимала дискуссию в русском обществе о Петре Великом на новый уровень. Это была уже не просто констатация позитивных и негативных явлений петровского царствования, но аргументация на уровне обоснования вклада великого монарха и его реформ в формирование государственной и общественной системы, которая в условиях пореформенной модернизации вступала со всей очевидностью в стадию общего и глубокого внутреннего кризиса.

За последнее время тема истории памятников и монументов Петру Великому оказалась в центре внимания К. Г. Сокола, который проделал огромную многолетнюю работу по составлению их каталога. Из сфотографированных и описанных им 46 памятников первому российскому императору к пореформенному периоду и ко времени начала XX в. относятся 30 памятников [Сокол, 2006, с. 35–54]. В их числе, как указывал Сокол, 4 памятника, которые были поставлены в связи с празднованием двухсотлетия со дня рождения царя. Кроме того, 15 памятников, посвященных Северной войне [Сокол, 2006, с. 175–182], было установлено в местах, связанных с ней. Эти памятники также напоминали о Петре I и о его роли в этой войне.

Для характеристики места образа Петра I в русской общественно-исторической мысли представляет значительный интерес исследование юбилейных кампаний в Российской империи на рубеже XIX–XX вв., проделанное К. Н. Цимбаевым. В самом деле, на пореформенный период пришелся двухсотлетний юбилей со дня рождения первого императора России. К. Н. Цимбаев правомерно говорил о развертывании на рубеже веков «юбилеемании», причем сам он характеризовал этот термин как «общеупотребительный в периодической печати» нашего времени, «хотя в научной литературе он пока не получил распространения». По мнению К. Н. Цимбаева, юбилеемания возникла тогда, «когда общество и государство были пронизаны юбилейными настроениями» [Цимбаев, К. Н., 2005, с. 99]. Время, когда

праздновалось двухсотлетие Петра I, К. Н. Цимбаев к периоду распространения юбилеямии еще не относил. Тем не менее, петровское двухсотлетие было одной из тех юбилейных кампаний, без учета которых трудно понять возникновение феномена юбилеямии. При праздновании в России юбилеев К. Н. Цимбаев отметил противоречие между тем, как они были «идеально организованы», и тем, что их идейное наполнение было слабым. «Не было попыток по-новому истолковать роль самодержавия, явно изживавшего себя в радикально изменившихся социальных и политических условиях» [Цимбаев, К. Н., 2005, с. 106], — в этом он видит одну из важнейших причин, по которым юбилейные кампании не могли решить задачу идейного сплочения общества, к которому стремилась власть. Он справедливо указывал, что «выбор юбилеев предопределил исход юбилейной кампании», и отнюдь не случайно современники «констатировали неудачу юбилеев в целом» [Цимбаев, К. Н., 2005, с. 107] в плане попыток обеспечить с их помощью единение общества и самодержавной власти. В связи с этим представляет интерес уяснение степени, в которой петровский юбилей 1872 г. соответствовал идеологическим устремлениям власти и настроениям общества в период буржуазных реформ и накануне хождения революционеров-разночинцев в народ и народовольческого терроризма.

В фундаментальной монографии О. Б. Леонтьевой, содержащей анализ образов прошлого в отечественной исторической памяти и культуре XIX—начала XX в., отмечаются противоречия петровского образа. Само название раздела, посвященного образу этого царя, «Гений-палач», хорошо выражает это противоречие, которое, как показала Леонтьева, бытовало на уровне культурного конфликта. Она выделила четыре образа царя, сложившихся в культуре Просвещения. Это образы «царя-героя», «царя-реформатора», «царя-учителя», «царя-плотника». К этому Леонтьева добавила образ «царя-Антихриста», но с оговоркой, что этот образ имел место «только в неофициальной народной культуре, преимущественно старообрядческой» [Леонтьева, 2011, с. 234]. В пореформенный период, справедливо отмечала она, тема Петра I и его образы становились своего рода «актуальным прошлым». По ее словам, царь и

его реформы в это время были «зеркалом прошедшего времени, в которое охотно смотрелась эпоха Великих реформ» [Леонтьева, 2011, с. 243]. Вместе с тем она отметила новые направления в формировании петровских образов. Так, она указывала, что в общественной мысли периода буржуазных реформ со всей остротой вставала «проблема политической необходимости и моральной оправданности жестоких расправ царя-реформатора над противниками» [Леонтьева, 2011, с. 244]. К этому относилась и «трагическая история конфликта Петра I и его наследника». Благодаря тому, что, по ее словам, «решительный Герцен и осторожный Устрялов сделали общее дело», эта история, «окутанная облаком версий, гипотез и домыслов, стала теперь достоянием общественности» [Леонтьева, 2011, с. 247]. Но при этом запрос на героический образ Петра Великого в эпоху реформ сохранялся в полной мере. В то время «фигура решительного реформатора, смело сокрушавшего пережитки прошлого, не могла не привлекать симпатий общества, жаждавшего перемен» [Леонтьева, 2011, с. 250], — отмечала Леонтьева. Отсюда в отношении Петра Великого «сложилось несколько соперничавших нарративов, каждый из которых обладал своим образно-метафорическим рядом». С одной стороны, это образ «неутомимого труженика, учителя и наставника подданных, великого реформатора». С другой — образ жестокого деспота, хладнокровно терзающего своих близких и свой народ во имя сомнительных политических задач». Но особенностью пореформенного времени стало то, что «контрастирующие образы Петра могли уживаться друг с другом даже в творчестве одного и того же человека» [Леонтьева, 2011, с. 265], что в дореформенный период было исключением и встречалось, пожалуй, только в творчестве А. С. Пушкина.

Дальнейший шаг по пути формирования истории в качестве научной дисциплины происходил в середине — второй половине XIX в. под воздействием философии позитивизма и формирования методологии истории как особой отрасли исторического знания. Теоретические обоснования хода и особенностей исторического процесса в России производились на широкой источниковой базе, при тщательном ее изучении с использованием всего арсенала критических приемов, вырабатывавших-

ся в рамках позитивистского источниковедения. Вместе с тем в дореформенный и даже в пореформенный период отрыв истории как науки от общественно-политической публицистики не произошел. Напротив, выход в свет значимых исторических трудов был событием не только научной, но и общественной жизни. Кроме того, в отдельных случаях авторы сумели изложить положения и выводы научной историографии в живой форме, доступной для непрофессиональной, но образованной аудитории. Так, в 1872 г. С. М. Соловьев в «Публичных чтениях о Петре Великом» излагал для широкой публики свою концепцию истории России, в которой личность и деятельность Петра I занимала исключительно большое место. На широкую читательскую аудиторию был рассчитан труд Д. И. Иловайского «Петр Великий и царевич Алексей», высокий научный уровень которого несомненен. То же самое относится и к очерку В. О. Ключевского «Петр Великий среди своих сотрудников» или демократа Н. Я. Аристова «Разбойники и беглые времен Петра Великого (1682–1725 г.)». По существу, любой исторический труд пореформенного времени, в котором затрагивалась тема Петра I, так или иначе был рассчитан на общественную реакцию и являлся поэтому неотъемлемой частью общественно-исторического дискурса пореформенного периода и начала прошлого века.

Более непосредственно с общественно-историческими и общественно-политическими дискуссиями этого времени связана публицистика. Особенности публицистического жанра позволяли автору более прямо выражать свое отношение и свои предпочтения, относившиеся к первому императору России. Вместе с тем лучшие образцы публицистических произведений отличаются тем, что содержащаяся в них аргументация опирается не только на эмоциональную сферу, неизбежную в общественно-исторической и общественно-политической публицистике, но и на рациональное обоснование. Самой существенной особенностью публицистики этого времени, относившейся к Петру I, была полемичность, свойственная публицистическим дискуссиям между консерваторами и либералами, между славянофилами и западниками, между революционерами-демократами и либералами.

О значительном росте интереса к общественно-исторической и общественно-политической публицистике за последнее время свидетельствует выпуск обширной подборки публицистических произведений, которую осуществило в 2010 г. издательство РОССПЭН.

Тема исследования связана с понятиями об *исторической памяти, историческом сознании и общественно-исторической мысли*. Историческое сознание представляется как часть сознания индивидуального и общественного, обращенного в прошлое. Оно имеет сложную структуру. Определяет его историческая память человека и социума, которая перерабатывается и переосмысливается в соответствии с образом жизни разных общественных слоев, сложившимся в силу особенностей их жизни и быта, системы ценностей и ментальности. Понятие ментальности, которое ввели основоположники школы «Анналов» М. Блок и Л. Февр, было, как справедливо указывал А. Я. Гуревич, очень сложным. Он подчеркивал, что это понятие «действительно трудно перевести однозначно». Ему придавалось немало толкований. К ним относились «и “умонастроение”, и “мыслительные установки”, и “коллективные представления”, и “воображение”, и “склад ума”. Но, вероятно, понятие “видение мира” ближе передает тот смысл, который Блок и Февр вкладывали в этот термин» [Гуревич, 2014, с. 77], — отмечал Гуревич. По словам Д. Тоша, «история ментальностей исследует не формально артикулированные принципы и идеологии, а эмоциональное, инстинктивное и невысказанное восприятие — области мышления, зачастую вообще не находившие прямого выражения» [Тош, 2000, с. 245]. Ментальность представляет собой реакцию на окружающий мир и происходящее в нем на бессознательном уровне, но в рамках сложившейся системы ценностных установок. Впрочем, А. В. Лубский обращал внимание на существование в гуманитарном научном знании такого понимания менталитета, когда его «определяют через категорию сознания», различая «менталитет как “осознанное” и культурный архетип как “неосознанное”» [Лубский, 2005, с. 181–182]. Вместе с тем историческая память не может быть основана исключительно на ментальности или же на началах коллективного бессознательного. В ней присутствуют элемен-

ты рационального осмысления и переосмысления прошлого. Историческая память состоит из отдельных ее мест. Они признаются обществом, к ним прилагается шкала системы ценностей; следовательно, местам памяти придается позитивная или негативная коннотация. В ней присутствует ярко выраженный оценочный подход к прошлому. Историческая память общества, являясь при этом неким единым целым, содержит в себе свои противоположности. «Память порождается той социальной группой, которую она сплавливает», — подчеркивал автор современной концепции исторической памяти П. Нора. По его словам, «существует столько же памятей, сколько и социальных групп» [Нора, 1999, с. 20]. Отсюда в обществе имеет место такое явление, как «войны памятей» [Шнирельман, 2003], как характеризовал его В. А. Шнирельман, который рассматривал эти войны как борьбу этнических памятей. Однако такие войны происходили не только между историческими памятями народов, но не в меньшей степени и между разными наполнениями исторической памяти внутри одного этнического сообщества по отношению к историческим событиям и личностям. «Войны памяти» нередко составляют существенный феномен культуры, поскольку выражаются в формах духовного осмысления прошлого, а иногда и в его материальных образах. Что же касается исторического сознания, то оно было пронизано исторической памятью. Однако в отличие от исторической памяти в историческом сознании в значительно большей степени присутствует рациональное начало, в нем имеет место осмысление прошлого, и особенно наиболее актуальных его сторон, которые нашли свое место в исторической памяти общества. Общественно-историческая мысль основывается на историческом сознании общества и индивида. Вместе с тем это такая часть исторического сознания, которая отрефлексирована, оформлена в образах прошлого (научных или художественных) и представлена обществу. Образы прошлого, сформированные в общественно-исторической мысли, становятся фактором общественного сознания, общественного движения и общественной борьбы и частью духовной культуры своего времени, обращенной в прошлое. Для российского общества нового и новейшего времени Петр Великий всегда был или важнейшим местом исторической памяти, или

одним из наиболее значимых ее мест, начиная со времени его царствования вплоть до современности. Во второй половине XIX—начале XX в. к его образу как к месту исторической памяти отечественная общественно-историческая мысль обращалась неоднократно, с самых разных позиций и при различных, в том числе и противоположных, оценочных суждениях.

Еще в эпоху романтизма в русском обществе сформировалась осознанная и глубокая потребность уяснения личности и деятельности Петра Великого без мифологических наслоений апологетической и критической направленности, которые возникли еще в петровское царствование и в эпоху Просвещения. Поскольку решить эту задачу не удалось, то она сохранялась в пореформенный период, когда образ первого российского императора уже не играл такой роли в идеологическом обосновании самодержавия, как это было хорошо заметно при Николае I. Тем не менее, Петр Великий оставался предметом острых общественных идеологических и политических дискуссий для разных направлений российской общественно-исторической мысли, что служило препятствием для более взвешенного и объективного подхода к характеристике его роли и места в истории страны.

ГЛАВА 1

Образы Петра I в историческом сознании и идеологии самодержавия и консерваторов

1.1. Петр I в историческом сознании самодержцев: трансформации образа

Отношение русских самодержцев к Петру Великому не было одинаковым. Оно в значительной степени зависело от культурно-исторической ситуации определенного времени, от направления внутренней и внешней политики, от характера самих монархов.

Монархи XVIII в. отличались исключительно позитивным отношением к первому российскому императору. Особенно это стало сказываться при вступлении на престол императрицы Елизаветы Петровны и в течение всего времени ее царствования. Вызвано это было несколькими причинами. Первой из них была генеалогия: сама Елизавета ее использовала и перед гвардейцами всегда подчеркивала, что она «дщерь Петрова». Вторая причина состояла в том, что подчеркивать свою прямую генеалогическую связь с императором она могла постольку, поскольку среди гвардейцев лейб-компания была велика популярность Петра, который противопоставлялся существующему правительству, а популярность Петра была одной из причин популярности самой Елизаветы. «Ничтожность Брауншвейгской фамилии как бы подчеркивала в их глазах величие облика Петра» [Анисимов, 1986, с. 28], — подчеркивал Е. В. Анисимов. Поэтому гвардия решительно поддержала ее во время дворцового переворота 25 ноября 1741 г. После вступления Елизаветы на престол не случайно «осуществилась политическая канони-

зация Петра Великого» [Анисимов, 1986, с. 45]. Официальным выражением его культа должен был стать памятник. Выдающимся мастером К. Б. Растрелли была выполнена бронзовая фигура императора в стиле барокко и подготовлен проект конного монумента, с чертежами и глиняной моделью. Бронзовая конная статуя по этой модели была отлита в 1743 г. итальянским мастером А. Мартелли [Петинова, 1979, с. 35, 36]. Однако при Елизавете Петровне памятник так и не был установлен. Не был он установлен и при Екатерине II, когда на смену барокко пришел классицизм и памятник уже не соответствовал искусству времени.

Не менее почтительным, нежели у Елизаветы Петровны, было отношение к Петру I Екатерины II. Она старалась защитить его от обвинения со стороны французского автора «Путешествия в Сибирь» аббата Ж. Шаппа д'Отероса в том, что он, «будучи наисамовластнейшим государем из всех своих предшественников, ... еще туже затянул петлю рабства». Решительно отвергая это обвинение аббата, императрица заявляла, что этого не мог сделать «Петр Великий, учредивший Сенат, давший ему право делать замечания государю» [Екатерина II, 2005, с. 284]. Конечно же, ответ Екатерины II был неточным с исторической точки зрения. Она приписала царю, учредившему в 1711 г. Сенат, политическое мышление века Просвещения, в котором признавалась необходимость учреждений, способных ограничить монархическую власть и при необходимости защитить общество от проявлений тирании и деспотизма. Но в политическом мышлении Петра I такая идея отсутствовала. Екатерина II очень высоко ценила стремление Петра I провести европеизацию внутренней жизни России. В своем наказе Уложенной комиссии 1767 г. она заявляла, что «Россия есть Европейская Держава». «Доказательство» этому она видела такое: «Перемены, которые в России предпринял Петр Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходились с климатом и принесены были к нам смешением разных народов и завоеванием чуждых областей. Петр Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал» [Екатерина II, 2010, с. 115]. Этот вывод, сделанный

императрицей в соответствии с распространенной в то время теорией естественного права, с представлением о природно-географической предопределенности государственного строя и самого характера народа, стал обоснованием для позитивного отношения к Петру I. Он состоял в том, что европеизация страны, которую он проводил, была успешной, соответствовала ее характеру и потребностям и принесла ей в конечном счете пользу. Но при этом по поводу некоторых мероприятий императора Екатерина II готова была делиться своими сомнениями. Это, например, относилось к высказанной ею в «Размышлениях о Петербурге и Москве» оценке переноса столицы государства из Москвы в Санкт-Петербург, что напоминало ей «предприятие Константина, который перенес в Византию престол империи и покинул Рим». В результате, по ее словам, «римляне не знали, где искать свою отчизну, и так как они не видели более всего того, что в Риме воодушевляло их усердие и любовь к отечеству, то их доблести мало по малу падали и, наконец, совершенно уничтожились» [Екатерина II, 2010, с. 811]. Однако и такой перенос, сделанный царем, имел, по словам императрицы, в конечном счете положительные последствия. По ее впечатлениям, «Москва — столица безделья». Но «Петербург в течение сорока лет распространил в империи денег и промышленности более, нежели Москва в течение 500 лет» [Екатерина II, 2010, с. 811, 812].

Об очень высокой оценке Екатериной II всего того, что сделал Петр I, лучше всего свидетельствует установление в Петербурге Медного Всадника.

Свое столь же почтительное отношение к Петру I выразил и Павел I, при котором во дворе Михайловского замка был поставлен памятник императору с надписью «Прадеду. Правнук», с бронзовой фигурой, созданной еще К.Б. Растрелли. Однако при Александре I почитание первого российского императора было несколько менее заметно. В значительной степени это может объясняться особенностями характера самого Александра I, который по своему психологическому типу очень сильно отличался от Петра Великого. Прежде всего, Петр I был тружеником и старался вникать в любое дело — от кораблестроения до реформирования русской азбуки. «То академик, то герой,

То мореплаватель, то плотник, Он всеобъемлющей душой На троне вечный был работник» [Пушкин, 1974, с. 90], — совершенно справедливо отмечал А. С. Пушкин. В такой же степени Александр I был ленив, «враг труда» [Пушкин, 1975а, с. 175], по выражению А. С. Пушкина. Очень различались методы воздействия на окружающих. Петр I полностью опирался на свое самовластье. Как отмечал А. С. Пушкин, «все состояния, окованные без разбора, были равны пред его дубинкою. Все дрожало, все безмолвно повиновалось» [Пушкин, 1976, с. 162]. Александр I был, как и Петр I, абсолютным монархом. Однако между двумя российскими самодержцами лежала эпоха Просвещения. То, что ранее могло казаться нормой в отношениях между властью и обществом, под влиянием идей Просвещения уже расценивалось как прямое проявление тирании и деспотизма. Поэтому общение с окружающими Александр I строил совершенно по-иному, чем Петр I. Он умел очаровывать людей. Не случайно, как указывала О. В. Эйдельман, в своем дневнике цесаревич Николай Павлович «ни разу не называл его ни братом, ни Александром — всегда только ангелом» [Эйдельман, О., 2009, с. 67]. Наконец, если Петр I был совершенно понятен всем, все знали, что он ждет от своих подданных, то Александр I был нередко просто непонятен. Так, М. М. Сперанский слишком напрямую понял его конституционные мечтания и составил свой конституционный проект с выборной законосовещательной Думой. (Отсюда его репутация «византийца», сфинкса, лукавого и хитрого, неразгаданного). Есть еще одна причина отчуждения Александра I от Петра Великого. А. Архангельский приводит дворцовую легенду, согласно которой Павел I увидел на столе сына, цесаревича Александра, книгу о Бруте, после чего дал ему книгу о царевиче Алексее [Архангельский, 2005]. Намек совершенно очевиден. В определенном случае царь мог поступить с сыном-наследником, особенно если он увлекается Брутом, точно так же, как поступил с сыном Петр I, допустивший его гибель. Тем не менее, общую тенденцию идеологии династии Романовых, в которой почитание Петра Великого занимало очень большое место, Александр I переломить не мог. Да и не желал, поскольку память о первом российском императоре составляла одну из основ легитимности монархии в историче-

ском сознании населения страны. Поэтому при Александре I продолжали возводиться памятники Петру I.

Николай I по своим психологическим особенностям был значительно ближе к Петру I, чем Александр I. Очень четко подметил это наблюдательный французский путешественник маркиз А. де Кюстин. По его словам, «Петр Великий ближе Николаю, чем Александр, и на него (на Петра I. — Т. А.) нынче куда большая мода» [Кюстин, с. 178]. Как и великому императору, ему было присуще чувство монаршего долга перед государством. Как и Петр I, Николай I рассматривал свою власть как не только самодержавную, но и неограниченную, что и было выражено в первой статье Основных государственных законов Российской империи в редакции 1832 г. Неудивительно, что Николай I стремился показать себя достойным преемником Петра Великого. На это прямо указывал А. де Кюстин, когда писал, что император ему будто бы прямо заявил: «Вы можете меня понять: мы продолжаем дело Петра Великого» [Кюстин, с. 198]. Но слова царя соответствовали собственным наблюдениям маркиза. «В России дух Петра Великого вездесущ и всемогущ» [Кюстин, с. 167], — писал он. В идеологии николаевского царствования образ Петра Великого занимал не меньшее место, чем теория «православие — самодержавие — народность» графа С. С. Уварова.

Взошедший на престол в 1855 г. император Александр II царствовал уже в совершенно иных условиях, чем его отец. Как и Петру Великому, ему приходилось проводить реформы, направленные на европеизацию страны, что было предопределено глубоким системным кризисом, в котором оказалась проигравшая Крымскую войну крепостническая империя к середине столетия. На этом основании император, с помощью преобразований вводивший Россию в начале XVIII в. в круг европейских стран, не мог не быть близок Александру II. Кроме того, следует иметь в виду, что учителем великого князя Александра Николаевича в то время, когда он был наследником цесаревичем, был историк-юрист и западник К. Д. Кавелин. Во всяком случае, учитель вполне мог внушить наследнику такой взгляд на Петра I, согласно которому «Петр — новое, небывалое, чрезвычайное явление в русской истории. Он — целая революция,

и как всякая революция — более программа для будущего, которую пришлось выполнять последующему времени» [Кавелин, 2010, с. 182]. И, по-видимому, при проведении реформ императору Александру II приходилось вспоминать некоторые оценки, которые давал учитель. По словам К. Д. Кавелина, Петр I «выразил собою стремление прогрессивного меньшинства, которое тяготилось бытом тогдашнего времени, и стоял в его главе» [Кавелин, 2010, с. 183]. Эти слова можно было отнести и к Александру II. В самом деле, ему приходилось преодолевать серьезное сопротивление дворянских консерваторов при проведении не только отмены крепостного права, но и других буржуазных реформ. В этом отношении Петр I выступал для Александра II в качестве исторического примера монарха, который умел преодолевать консервативное противодействие. Не случайно в 1872 г. было торжественно отмечено двухсотлетие со дня рождения Петра I. Была выпущена юбилейная медаль, посвященная этой дате. В Санкт-Петербурге и в ряде других городов России были проведены праздничные юбилейные мероприятия. Тем не менее невозможно считать, что Александр II мог полностью соглашаться со всеми сторонами внутренней политики Петра I и во всем ориентироваться на его пример. Так, Петр I всемерно укреплял самодержавную власть, в годы его царствования сложился режим российской абсолютной монархии. Но Александру II приходилось думать уже не о дальнейшем укреплении начал самодержавия, что делалось при Николае I, но об удовлетворении потребности общества участвовать в общественно-политической жизни и влиять на судьбы страны. Отсюда — создание земств и городских дум, а также сама возможность появления проекта реформы центрального управления с введением в Государственный совет выборных от земств, предложенный военным министром графом Д. А. Милютиным [Реформы в России..., 2016, с. 164] — проекта, который предполагал участие представителей общества в обсуждении законов.

В меньшей степени соответствовал Петр I личности, характеру и направлениям деятельности двух последних российских самодержцев. Императора Александра III отделяло от Петра I принципиальное направление его внутренней политики и культурно-исторический идеал. Если не только Петр I, но и последу-

ющие монархи пытались многое делать для сближения между Россией и странами Западной Европы, для утверждения ее положения как европейской страны, то Александр III, по существу, пошел в направлении, противоположном устоявшемуся. Это, конечно же, не касалось внешней политики. Договор с Францией 1893 г., заключенный им, положил начало формированию блока Антанты. Но во внутренней политике курсом его было не дальнейшее развитие европеизации страны, но закрепление в жизни ее традиционных русских начал в том виде, как они представлялись ему самому и наиболее консервативной части его ближайшего окружения во главе с его учителем, обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым. Косвенной формой такой критики петровских преобразований, связанных с европеизацией, явилось противопоставление К. П. Победоносцевым «“патриархальной” Москвы и “космополитического” Петербурга», его симпатии к сохранявшей старинный облик Москве, о которой он, по замечанию А. В. Репникова, «всегда отзывался в теплых тонах» [Репников, 2010, с. 18]. Но Санкт-Петербург был общим символом личности и деятельности своего создателя. Поэтому, заявляя о своем предпочтении Москвы по отношению к новой столице, К. П. Победоносцев проводил мысль о своей симпатии к русской старине и традиции, но не к самому европейскому городу России и новой ее столице, созданной по воле Петра Великого. Эта мысль полностью соответствовала настроениям Александра III, который считал ценностью русскую старину, символом которой выступала в данном случае Москва.

Отношение Николая II к Петру I, также не вполне позитивное, имело несколько иную основу, чем отношение Александра III. При всем своем консерватизме последний российский император вынашивал отрицательное отношение не к самой европеизации России, но к методам внутренней политики ее первого императора, направленной на проведение европеизации. Кроме того, следует учитывать, что для Николая II очень многое значила его семья [Дианина, 2018, с. 228–230]. И то, что свою первую жену, Евдокию Лопухину, Петр I отправил в монастырь, и что согласился, по существу, на убийство сына, было для Николая II неприемлемо. Идеалом государя для Николая II был вовсе не Петр I, но его Тишайший отец, царь Алек-

сей Михайлович. Отсюда и имя сына, наследника цесаревича Алексея. Царь как бы давал сигнал обществу, что в ходе своего правления он будет ориентироваться на царя Алексея Михайловича, но не на Петра Великого. Это означало, что тем самым Николай II исключал возможность каких-либо крутых изменений сверху в сложившихся основах существования общества, в жизненном укладе разных слоев населения, что его царствование будет по преимуществу консервативным. Все это нисколько не исключало позитивного отношения к некоторым сторонам деятельности Петра I. Так, было торжественно отмечено двухсотлетие Полтавской битвы и выпущена в честь этого события юбилейная медаль. На церемонии празднования в Полтаве присутствовал Николай II. Юбилейная медаль и рубль были выпущены в 1914 г. в честь двухсотлетия победы русского флота при мысе Гангут. В некоторых городах появились новые памятники Петру I. Это дает основания для выделения двух сторон в отношении последнего российского императора к первому. С одной стороны, он не мог принять некоторых сторон отношения Петра I к своей семье и вообще грубых методов его внутренней политики. Но с другой стороны, Николай II готов был принять на себя отблеск военной славы Петра Великого, достигнутой им в войне со Швецией. Этот отблеск был необходим не только для него самого. Он был необходим для устойчивости монархии в условиях, когда в стране все более заметным становилось обострение кризиса монархической системы правления, когда в обществе был, по существу, поставлен вопрос о замене монархии новым политическим строем, в большей степени соответствующим характеру и особенностям общественных отношений и культуры того времени.

Таким образом, в сознании российских самодержцев, находившихся на престоле после Петра I, образ первого российского императора занимал очень большое место. С ним связывались идеи самодержавия и славы России. Самое почтительное отношение к нему имело место в сознании императриц и императоров XVIII в., начиная с Елизаветы Петровны, а также Николая I, причем в государственной идеологии николаевского времени образ Петра Великого занимал очень большое место. В сознании двух последних монархов Российской империи

отношение к Петру I было более сложным. Они по-прежнему в полной мере готовы были учитывать его заслуги в военных победах России и в строительстве основ империи. Но появились некоторые обстоятельства, которые затрудняли для них исключительно позитивную оценку первого российского императора. Для Александра III это была европеизация страны, для Николая II — отношение его к первой жене и к сыну и грубые методы преобразований.

1.2. Празднование петровских юбилеев в пореформенной России

На пореформенный период и на начало XX в. пришлось несколько юбилейных дат, связанных с двухсотлетием событий, относившихся к Петру I. Это, прежде всего, двухсотлетие со дня рождения самодержца, которое отмечалось в 1872 г.; кроме того, в 1896 г. праздновалась 200-летняя годовщина взятия русскими войсками Азова, в 1908 г. — битвы при Лесной, а в 1909 г. — Полтавской битвы.

Празднование двухсотлетия появления на свет первого императора России должно было проходить с большим размахом. В начале 1872 г. была создана императорская комиссия по подготовке празднования юбилея. Организация празднования возлагалась на несколько министерств — внутренних дел, военного, морского, императорского двора. В комиссию вошли не только представители этих министерств, но и депутаты городской думы, а председателем комиссии был назначен член Государственного Совета граф П. Н. Игнатьев. Подробный сценарий проведения праздника был разработан церемониальной частью министерства императорского двора. Предусматривался вынос «петровских достопамятностей» — мундира, шпаги и шляпы Петра I и знаков ордена Андрея Первозванного, проведение богослужений, военного парада, орудийные салюты с Петропавловской крепости и судов. В церемонии участвовала императорская фамилия, высшие военные и гражданские чины, представители

дипломатического корпуса иностранных государств. Весь ход церемонии расписывался подробно и в деталях. Мероприятия, связанные с участием народа, должны были проводиться на Царицыном лугу. Комиссия приняла решение о помещении на этом же лугу картин, относящихся к разным эпизодам из жизни монарха. Предполагалась иллюминация города и судов [РГИА, ф. 473, оп. 1, д. 1468, л. 1–13об.]. Судя по фотографиям из альбома, сделанным П. Н. Петровым и С. Н. Шубинским, мероприятия происходили в разных городах империи, прежде всего в местах, так или иначе связанных с жизнью и деятельностью Петра I. Первоначально предполагалось проведение этнографической процессии в Санкт-Петербурге и в Москве, наподобие той, которая была при Петре I по случаю заключения Ништадтского мира. Также предполагалась иллюминация с транспарантами, напоминавшими «главнейшие деяния Петра». Заключался договор с яхт-клубом, чтобы провести на Неве «эволюцию», напоминавшую «эволюцию» петровского флота, причем в этом шествии должен был занимать особое место «дедушка русского флота» — известный петровский ботик [Альбом..., с. 280–281]. Все эти мероприятия, как предполагалось, должны были проходить при большом скоплении народа.

Проведение праздника описывалось в печати. Судя по этим описаниям, торжества в обеих столицах империи и в разных городах, особенно связанных с деятельностью Петра I, прошли с большим размахом. Состоялся крестный ход, а икону, взятую в петровском домике, торжественно внесли в Петропавловский собор, к месту захоронения российских монархов начиная с Петра Великого. В соборе совершилась торжественная панихида в присутствии императора Александра II. Еще один молебен был проведен около памятника Петру I на Сенатской площади — Медного Всадника. После молебна был проведен военный парад. Народные гуляния с разнообразными развлечениями для публики проходили до глубокой ночи. На эти гуляния вышло множество народу. Как отмечал корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей», «от Невы до Исаакиевского собора возвышались эстрады, залитые народом». Публика была даже «на крыше Исаакиевского собора, на Адмиралтействе, на всех домах Петровской и Адмиралтейской площадей, и на здании

главного штаба» [Санкт-Петербургские ведомости, 1872, № 148 от 1 июня]. На фоне этих развлечений народу внушалась мысль о подвигах и величии Петра I (по существу, имела место ненавязчивая монархическая пропаганда). Не случайно во время народных гуляний на Царицыном лугу в Санкт-Петербурге «раздавали книжки, знакомившие народ с его (Петра I. — Т. А.) деятельностью, и описания событий, представляемых картинами. Все это видимо интересовало народ, толпившийся перед ними и внимательно слушавший, как грамотные читали вслух подписи под картинами» [Санкт-Петербургские ведомости, 1872, № 148 от 1 июня].

В ходе празднования петровского юбилея в Москве важнейшая роль отводилась ботику Петра I, или «дедушке русского флота», который должен был напоминать о роли царя как создателя флота и о его военно-морских победах. «Московские ведомости» описывали торжественную встречу ботика на Курском вокзале Москвы, куда он был привезен из Санкт-Петербурга по Николаевской железной дороге. Несмотря на прибытие поезда поздним вечером, его встречали «толпы народа», присутствовали на встрече командующий Московским военным округом, московский обер-полицмейстер и другие представители военных и гражданских властей города [Московские ведомости, 1872, № 134 от 30 мая]. Торжественные мероприятия происходили в других городах империи — в Архангельске, Воронеже, Дербенте, Новочеркасске. Мероприятия проводились и в станице Старочеркасской Области войска Донского [Альбом..., с. 286], где в главном городе донского казачества бывал царь во время Азовских походов и после подавления Булавинского восстания. Все эти мероприятия с подробностями освещались в местной печати.

Празднованию двухсотлетия со дня рождения Петра Великого была посвящена серия гравюр с изображениями праздничных мероприятий. Одна из гравюр изображает народное гуляние в Санкт-Петербурге 30 мая 1872 г., на которое, судя по одежде присутствовавших, выходили люди самого разного социального положения. Бросается, однако, в глаза преобладание чисто народных образов — в рубахах с веревочным поясом, в шароварах и сапогах. Хорошо заметны на переднем плане купцы с боро-

дами, в головных уборах, несколько напоминающих армейские фуражки. Также заметно присутствие большого количества офицеров. Изображено типичное народное развлечение — влезание на гладкий столб с закрепленным на верхушке призом для того, кто сумел залезть. На втором плане гравюры изображены два шатра, в которых давались театральные представления. На заднем плане видно другое народное развлечение, которое могло привлечь публику — канатоходцы с шестами [Альбом..., с. 253.]. Другая гравюра изображает празднование в Москве. По реке Москве на фоне кремлевской стены проплывает петровский ботик — «дедушка русского флота» — в сопровождении лодок под Андреевскими флагами. На переднем плане с крыши дома на левом берегу реки на прохождение ботика и лодок смотрит народ. Видно также, что вдоль левого берега реки в шеренгу стоят солдаты с оружием [Альбом..., с. 237].

Совершенно иная картина — на гравюре с изображением панихиды в Петропавловском соборе. У гроба Петра Великого с возложенной на этот гроб императорской короной находится высшее духовенство в торжественном облачении. За духовенством — царь, рядом с которым — высшие военные и гражданские чины в парадных мундирах, с головными уборами в руках. Александр II хорошо заметен, но все-таки он не на переднем плане гравюры. Ряд гравюр изображает другой молебен, около памятника на Сенатской площади. Одна из них дает общий план с видом на Неву, при этом бросается в глаза, что на площади при памятнике строем стоят солдаты. По Неве видно движение судов, украшенных флагами. Две гравюры дают более близкие планы. Заметно, однако, что народа на этих гравюрах тоже не так много, преобладают войска, выстроенные в колонны и шеренги. Явно не соответствует духу празднования и его общему торжественному тону гравюра с изображением заднего плана Медного Всадника. Сам памятник отгорожен забором. На переднем плане, перед памятником и забором — две толпы, которые явно бегут друг на друга. Похоже, что здесь показана излюбленная русская народная забава, когда в борьбе, напоминающей драку, стороны шли друг на друга стенка на стенку. Изображены люди, размахивающие руками; кто-то уже сбит на землю. Двое полицейских явно неудачно пытаются как-

то остановить одну из толп. Совершенно при этом непонятно, как такое народное развлечение, известное по самым разным местностям России, было связано с общей идеей торжественного празднования петровского юбилея. Кроме того, на гравюре хорошо заметны монархические знамена, причем даже на черно-белой гравюре довольно неплохо видно, что они бело-желто-черного цвета [Альбом..., с. 254].

Таким же порядком, с литургией в Архангельском соборе Кремля, с крестным ходом, с встречей петровского ботика, «дедушки русского флота», и с народными гуляниями юбилейные мероприятия проходили в Москве. На одной из гравюр изображена сцена юбилейного заседания 30 мая в актовом зале Московского университета [Альбом..., с. 269]. Праздничным мероприятиям в других городах посвящено по одной гравюре. В Архангельске изображен молебен перед Троицким собором. На заднем плане гравюры видна полоса Северной Двины с проходящим по ней парусником [Альбом..., с. 189]. Имеется гравюра картины, выставленной в здании городской думы Воронежа, с рисунком судов петровского времени; на нижней части гравюры обозначены даты посещения Воронежа Петром I: 1696 и 1709 гг. [Альбом..., с. 261]. Празднование 30 мая в городе Петровске на Каспийском море, где начинался Персидский поход Петра I, показано на гравюре, на которой виден морской причал и большие корабли с флагами [Альбом..., с. 277].

В заключительной части роскошно изданной книги-альбома П. Н. Петрова и С. Н. Шубинского с гравюрами четко выражена основная идея данного издания. «Покорное орудие его (Петра Великого. — Т. А.) могучей воли, — народ, — за которой не щадил жизни своей вечный труженик, — понял наконец цель его стремлений и забот». Поэтому сам народ «продолжает идти к развитию, на которое, за полтора века назад указывая направление хода, в такой форме и размерах, может быть еще и не рассчитывал сам Петр Великий» [Альбом..., с. 291], — писали авторы. Это краткое заключение альбома содержит две мысли. Одна из них заключается в том, что предначертания преобразователя России нашли свое осуществление, причем благодаря воле и активности самого народа, который принял самое решительное участие в преобразовании своей жизни. Дру-

гая мысль — в том, что все эти успехи в развитии и народном просвещении могут быть достигнуты только на базе прочного и неразрывного единения народа и монархической власти.

В рамках празднования двухсотлетия Петра Великого была выпущена юбилейная медаль в честь этой даты. В книге-альбоме приведено ее изображение. На аверсе медали отчеканен профиль императора с лавровым венком на голове, что восходило к римской традиции чествования победителей. На реверсе была сделана надпись о двухсотлетии со дня рождения царя, даты рождения Петра I и празднования его двухсотлетнего юбилея, а также указывалось, что медаль была сделана в царствование императора Александра II [Альбом..., с. 277]. Были отчеканены и другие медали. Сведения о медалях, чеканившихся «в воспоминание двухсотлетия (так! — Т. А.) со дня рождения Преобразователя России», приводятся в издании Юлия Иверсона и членов Императорского русского археологического общества, Одесского общества истории и древностей и Общества истории и древностей Прибалтийского края [Медали..., 1872].

Впрочем, имелись также отклики на юбилей императора с хорошо заметным критическим и даже сатирическим подтекстом. Это с особой наглядностью проявилось в стихотворении поэта А. Н. Апухтина, который в юбилейном 1872 г. находился на лечении в Карлсбаде — известном европейском курорте, где в 1711–1712 гг. на водах бывал Петр I. Это дало поэту повод для создания стихотворения по случаю царского юбилея. Идея произведения такова: торжественное празднование юбилея и участие в нем народа происходило вне учета того, что петровское царствование ознаменовалось не только введением просвещения, но и кровавыми методами этого введения. «С треском бороды летят... Попытки, казни... Все в смятенье... Так вводилось просвещение Двести лет тому назад!» — писал Апухтин. Но через двести лет все эти ужасы, поражавшие многих современников и дававшие им основание для появления теории царя-антихриста, стерлись из народной памяти. И поэтому «сегодня в храм святой, Незлопамятны, смиренны, Вают русские толпой И, коленопреклоненны, Все в слезах, благодарят Вседержителя благого, Что послал царя такого Двести лет тому назад...» [Апухтин, 1918, с. 467]. В коротком, но очень сильном в идей-

ном отношении и по уровню поэзии стихотворении хорошо заметна сатира. Но направлена она не столько на царя-юбилера, который ушел в историю, сколько на русское общество, готовое забыть кровавое прошлое и умиляться величию самодержца и проводившимся им преобразованиям.

Заметно скромнее проходило празднование в 1896 г. двухсотлетия взятия Азова русскими войсками во главе с Петром I. Такая скромность могла объясняться тем, что было хорошо известно об утрате Россией Азова после неудачного Прутского похода 1711 г. Несомненно, что более широко праздник проходил в самом Азове, который имел в то время статус посада Ростовского округа Области войска Донского. Газета «Приазовский край» сообщала о заседании Азовской городской думы по вопросу празднования. На заседании было принято постановление о сооружении в Азове памятника царю за счет городских сумм и частных пожертвований, а также решение ходатайствовать о присвоении азовской мужской прогимназии наименования «Петровская». В зале городской думы 19 июля был проведен торжественный обед в честь двухсотлетия азовского присоединения. «Приазовский край» приводит сведения о меню этого обеда. Это был «перечень следующих яств: водка — а-ля флот, закуска — Петровские крендели, щи — Преображенские, каша — Семеновская, суп а-ля Полтавский бой, осетрина — Корабельная, соус — Маршальский, птица и дичь — Азовские, десерт — Царская забава, кофе — а-ля Нева» [Приазовский край, 1896, № 197 от 25 июля]. Такая прямая связь между названиями блюд и юбилеем свидетельствует о мещанских вкусах организаторов из городской думы.

На 28 сентября 1908 г. предусматривалось празднование двухсотлетия победы корволанта Петра I над корпусом генерала Левенгаупта у деревни Лесная. Свои проекты празднования с выездом на место события выдвинули Русское Императорское военно-историческое общество и штаб Виленского военного округа. В проекте округа говорилось о проведении торжественного богослужения и парада, а также краткой лекции о сражении, с указанием размещения событий на местности [Архив ВИМАИВиВС, ф. 11, оп. 1, д. 40, л. 14]. В проекте Военно-исторического общества говорилось, кроме того, об освящении

братской могилы. На этом освящении, помимо военного начальства, должно было присутствовать местное земское и уездное начальство, включая станowego пристава Евневича, который обнаружил эту могилу, а также местные жители [Архив ВИМАИ-ВиВС, ф. 11, оп. 1, д. 40, л. 11].

Для празднования двухсотлетия Полтавской битвы была образована межведомственная комиссия под председательством генерала от кавалерии барона Бильдерлинга, в состав которой вошли представители духовенства, министерств императорского двора, военного, морского, внутренних дел, народного просвещения, петербургский градоначальник и петербургский городской голова [РГИА, ф. 473, оп. 2, д. 1378, л. 11–11об.]. Подготовкой сценария праздника занималась церемониальная часть министерства императорского двора. В отличие от подготовки празднования петровского юбилея 1872 г., в проекте празднования юбилея Полтавской битвы 1909 г. была заложена смета расходов. Комиссия запросила на празднование 416580 рублей, но эта сумма была сокращена до 240000 рублей [РГИА, ф. 473, оп. 2, д. 1378, л. 15]. Вообще в документах о подготовке полтавского юбилея финансовый вопрос иногда возникает, причем указывается на нехватку отпускаемых средств. Так, по докладной записке временного комитета о праздновании двухсотлетия Сампсониевского храма, заложенного Петром I в год полтавской победы, указывалось на значительный дефицит средств на приготовление к этому празднованию, который составлял от 10 до 20 тысяч рублей [РГИА, ф. 473, оп. 2, д. 1378, л. 36–36об.].

Свой проект празднования полтавского юбилея предложило Военно-историческое общество. По своей направленности он не отличается от проекта министерства императорского двора. В проекте исторического общества была несколько усилена мысль о необходимости того, чтобы в мероприятиях приняли как можно более широкое участие «высшие государственные установления и высшие чины Империи». И тогда «ближе подойдет это празднование к обычаям Петровского царствования и к мыслям Петра, конечно, никогда не забывавшего отметить день Полтавы особым торжеством» [Архив ВИМАИВиВС, ф. 11, оп. 1, д. 40, л. 3–3об.].

Порядок празднования полтавского юбилея в Одессе был тщательно расписан в проекте одесского городского отдела Военно-исторического общества [Архив ВИМАИВиВС, ф. 11, оп. 1, д. 40, л. 83–84] по образцу росписи юбилейных церемоний.

Об организации лекционных чтений для народа к Военно-историческому обществу обращалось отделение Союза русского народа на Петроградской стороне, и договор о чтении лекций был заключен [Архив ВИМАИВиВС, ф. 11, оп. 1, д. 40, л. 71–72об.]. Для пропаганды знаний о Полтавской битве и о деятельности Петра I Военно-историческое общество объявило конкурс на подготовку популярной брошюры. Предусматривалось издание брошюры, победившей на конкурсе, с уплатой гонорара автору в 300 рублей [Архив ВИМАИВиВС, ф. 11, оп. 1, д. 40, л. 1]. Юбилей вместе с тем дал повод для ходатайства об издании пятого тома труда Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого», который не был издан. С письмом в Военно-историческое общество об этом издании обратился внук известного историка В. Ф. Устрялов [Архив ВИМАИВиВС, ф. 11, оп. 1, д. 40, л. 26–27].

По описанию торжеств 1909 г. по случаю двухсотлетия Полтавской победы очень заметна религиозная составляющая празднования, причем в такой степени, которой не было при праздновании двухсотлетия со дня рождения Петра I. «Санкт-Петербургские ведомости» описывают несколько крестных ходов, которые направлялись к часовне Спасителя в домике Петра I, с молебном перед иконой Спаса Нерукотворного, «сопутствовавшей Петру Великому в его походах». Кроме религиозных церемоний частью праздника стало открытие нового памятника Петру I на берегу Невы, напротив здания главного адмиралтейства. Этот памятник был отлит из бронзы в Париже по модели скульптора Бернштама и изображал царя в драматический момент спасения утопающих, на котором «фигура Царя дышит мощью и безграничной отвагой» [Санкт-Петербургские ведомости. 1909. № 143 от 28 июня]. В памятнике были явно выражены черты Петра Великого как божества, спасающего людей от гибели в водяной пучине, и тем самым этот памятник как бы отсылал к традиции двухсотлетнего прошлого. Ричард С. Уортман вполне справедливо замечал: «После Полтавы

изобразительное искусство открыто характеризовало Петра как императора и бога» [Уортман, 2002, с. 77].

С двухсотлетием битвы под Полтавой было связано посещение Николаем II Полтавы и Киева. В газетном описании этих посещений двухсотлетие битвы как повод было упомянуто только один раз — при описании торжественной встречи царя с волостными старшинами Полтавской губернии и с представителями мещанства. Что же касается посещения царем Киева, то в газетном сообщении вообще не упоминалось о Полтавской битве, юбилей которой был поводом для поездки царя в Полтаву и Киев. Все внимание было привлечено к торжественной встрече императора, к народным гуляниям и к выражению народом своих монархических чувств [Санкт-Петербургские ведомости, 1909, № 144 от 1 июля].

Особенностью юбилейных газетных материалов о датах, связанных с Петром I, было сочетание сообщений о празднованиях в стиле репортажа с материалом, который должен был оказаться интересным для серьезного читателя. Большой материал такого рода был помещен в «Санкт-Петербургских ведомостях» без авторской подписи (поэтому он может считаться редакционным). В статье подчеркивается, что и при жизни «у Петра было больше врагов, чем друзей», «сознательных и бессознательных», в том числе в «народе», когда «одни называли его антихристом, другие — ненастоящим, подмененным царем». Как своего рода особый исторический феномен подается факт, что в условиях «полувосточного московского трона рождается лицо, с ранних лет обреченное гибели своею роднею». Но среди всей своей родни он занимал совершенно особое место, «в этом юноше горит искра высокого призвания», и в результате юноша-царь «вырастает в гиганта; гигант берет на свои здоровые плечи целое царство и разом выносит его на свет Божий, на свет европеизма». «Гений взял свое над предубеждениями темной массы», — подчеркивал автор. Но он ведет полемику с современными критиками Петра I, обвинявшими царя в самых ужасных поступках вроде того, который привел к гибели царевича Алексея, причем, как признает автор, обвинявших справедливо. Однако он подчеркивал, что говорить «об историческом лице, забывая ужасающие нас теперь нравы и другие

условия эпохи, в которую он жил, — едва ли позволительно не только историку, но и всякому, кто желает получить или передать другим ясное и правдивое представление об этом историческом лице». Главное, по мнению автора, что оставил Петр I в качестве завещания: следует продолжать идти по пути «великого прогрессивного движения, во главе которого стоял Петр» [Санкт-Петербургские ведомости, 1872, № 147 от 30 мая]. Более определенно о развитии просвещения и образования в стране как о важнейшей стороне заветов Петра I говорится в редакционной статье без подписи в «Московских ведомостях». «Русская школа, устроенная по европейски, должна трудиться в Петровском духе, чтобы выдвинуть наконец наш народ в Европу как члена во всех отношениях полноправного» [Московские ведомости, 1872, № 134 от 30 мая], — подчеркивал автор. Изложение речи директора новочеркасской гимназии Н. А. Норова на праздновании двухсотлетия со дня рождения Петра I приводит газета «Донские войсковые ведомости». Норов подчеркивал, что «Петр Великий, с одной стороны, заканчивает старую Россию, а с другой — начинает новую», и народ «после восьмивекового движения на восток круто начал поворачивать на запад». По его словам, реформы Петра I относились не только ко времени его царствования. Россия «обязана ему и современным нынешним своим состоянием. Современная нам действительность — великое наследие Великого Петра» [Донские войсковые ведомости, 1872, № 21 от 30 мая], — делал он общий вывод. Этот вывод также представлял собой ответ консервативным критикам петровских реформ и, возможно, апологетам донской казачьей допетровской вольной старины.

Говоря о восприятии русским обществом смерти Александра I, Р. С. Уортман справедливо отмечает: «“Культе памяти” усопшего монарха становится неотъемлемой частью сценариев русской монархии в XIX столетии» [Уортман, 2002, с. 361]. Но эта мысль может быть дополнена: подобный культ распространялся не только на память об императорах этого столетия, но и на память о Петре Великом.

Таким образом, празднование во второй половине XIX—начале XX в. юбилейных дат, связанных с Петром I и его деятельностью, свидетельствует о сохранении и о прочном закреплении

в исторической памяти русского общества имени царя и важнейших событий его царствования. В разных слоях общества проявлялось глубоко позитивное отношение к царю. Вместе с тем, в посвященных петровским юбилеям статьях имела место скрытая полемика с критиками Петра I. Не названные, но подразумевавшиеся современные критики связывались с критиками петровского времени из разных слоев общества, в том числе с теми критиками из народа, кто выдвинул теорию Петра I как царя-антихриста или подмененного царя.

Юбилейные даты, имевшие отношение к Петру I, всемерно использовались для укрепления пропаганды и монархических чувств. Проводилась мысль о том, что нужные для страны преобразования возможны только при единении российской монархии и общества. Образ Петра Великого служил при этом примером того, как под властью самодержавия обеспечиваются условия для развития страны, для вступления ее в ряды ведущих стран Европы.

1.3. Образ Петра I в консервативной публицистике

Традиции освещения жизни и деятельности Петра I, формирования его образа с консервативных позиций сложились в отечественной общественной и исторической мысли еще в эпоху Просвещения и развивались в эпоху романтизма. Характеристики Петра I авторами этого времени, относившимися к кругу дворянских консерваторов, основывались на двух положениях. С одной стороны, признавалась необходимость для страны проведенных царем преобразований. Общему направлению его деятельности и его личности давалась положительная оценка. Но с другой стороны, при этом допускалась критика Петра I, содержание которой сводилось к тому, что при проведении реформ разрушались обычаи, освященные традицией и стариной, насаждались чуждые народу и его культуре нововведения, а в разные структуры управления входили люди незнатного происхождения и иностранцы. А это уже, в свою очередь, имело целый ряд не-

гативных последствий. О важнейшем из них князь М. М. Щерба-тов, консервативный критик Петра I, с яркими подробностями и на самом высоком для русской литературы своего времени художественном уровне писал как «О повреждении нравов в России». Это давало основания для критики самого Петра I, которая, однако, звучала весьма осторожно и сдержанно.

Со второй трети XIX в., когда сформировалось славянофильство, оно восприняло консервативный подход к освещению отечественного прошлого. Определялся он его идеализацией, а также неприятием изменений, которые были направлены на разрушение сложившейся за века существования российского общества и государства культурно-бытовой самобытности. Эта самобытность составляла для славянофилов своего рода исторический идеал, к всемерному сохранению которого они призывали русское общество. При этом они допускали, что далеко не все существующее и утвердившееся в стране соответствовало этому идеалу. Такой подход позволял относить их к либеральному направлению общественной мысли. Подобное отношение к традициям и новым явлениям с неизбежностью вызывало их интерес к жизни и деятельности первого российского императора и стремление дать оценку его делам и их результатам для общества, последствиям, которые они имели.

При этом характеристики первого российского императора и результатов его деятельности в славянофильской общественно-исторической мысли середины — второй половины XIX в. вовсе не сводились к его прямому и одностороннему одобрению или отрицанию, как это было в отечественной общественной мысли более раннего времени. Совершенно очевидно, что в таком подходе к истории страны, в том числе к оценке деятельности Петра I, были усвоены начала диалектики великого немецкого философа Г. Гегеля. Диалектика в гегелевской философии истории получила самое широкое признание в России, она давала несравненно большие возможности для углубленного понимания сути исторических и культурных явлений и процессов, чем это было в более ранний период, т.е. в XVIII — первой половине XIX в.

Такой подход к оценке Петра I нашел свое выражение в магистерском сочинении 1846 г. кандидата философского факуль-

тета московского университета К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка». В результате петровских реформ русское общество, по словам К. С. Аксакова, было освобождено «от оков исключительной национальности». Само упоминание о «национальности» ясно указывает на славянофильство К. С. Аксакова, для которого «национальность» составляет историческую ценность и органичный, исторически сложившийся признак общества и государства. Но как мыслитель середины XIX в., усвоивший диалектический подход Гегеля, он видел «национальность» как явление сложное и противоречивое. Поэтому он говорил не только о позитивных сторонах национальной исторической традиции, но и о том, что оно могло быть вместилищем «оков», налагавшихся на общество. Освобождение от таких «оков» он считал положительным результатом всей деятельности Петра I. Но не только в этом видел результат деятельности Петра I К. С. Аксаков. Другим результатом стал наступивший со времени петровских реформ в российской истории и культуре «период безотчетного подражания чужому, наставший логически и необходимо непосредственно за предыдущим». Следовательно, результатом деятельности Петра I и освобождения им общества от «оков» стал период, имевший свои негативные последствия. Ответом на тезис стал, таким образом, антитезис, или отрицание царем-реформатором предыдущего периода в истории и культуре страны с его «оковами». Но за таким отрицанием следует новая стадия в отечественной истории и культуре, когда общество отошло от понимания своего прошлого как только «оков» и стало осознавать, что и в нем имелись стороны, представлявшие ценность. Поэтому не случайно, по словам К. С. Аксакова, «мы с полным сознанием, свободные от всякой возможной односторонности, возвращаемся к нашей истории, к нашей жизни, к нашему отечеству». На место антитезиса становится синтез, поскольку К. С. Аксаков писал не просто о возвращении к прошлому, о восстановлении всего того, что было до Петра Великого. В русском обществе произошло «сознательное возвращение к себе», причем такое «сознательное» действие стало как раз результатом долговременных и глубоко позитивных последствий реформ Петра I. «Просвещение Запада», — вот что явилось итогом петровских реформ, но «воз-

вращение к себе», которое наблюдал К.С. Аксаков, было «результатом этого просвещения». В статье «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» К.С. Аксаков отмечал, что благодаря Просвещению как прямому следствию реформ Петра I «мы нашли доказательство, сильную опору нашему национальному чувству; мы поняли необходимость национальной стороны и в то же время ее значение и место» [Аксаков, К.С., 2010, с. 117]. Просвещение, следовательно, придало «национальному чувству» новую качественную основу. Это произошло как раз благодаря такому качественному изменению в русском сознании, которое с неизбежностью следовало за количественным накоплением знаний и просвещенности, в соответствии с гегелевским диалектическим законом перехода количественных изменений в качественные. Благодаря просвещению, подчеркивал К.С. Аксаков, «сознательным путем дошли мы до необходимости национальной жизни» [Аксаков, К.С., 2010, с. 118]. Таким образом, по мысли К.С. Аксакова, Петр I заложил необходимые исторические предпосылки не только для просвещения, но и для появления в будущем славянофильской идеи.

Некоторое уточнение к своей характеристике Петра I К.С. Аксаков внес в своей более поздней газетной статье «О современном литературном споре». Он более четко отметил, что Петр I совершил переворот, но «в перевороте была правда». Правда была, по его словам, в том, что «Русь, не до-Петровская, а перед-Петровская, замешкалась», что «в ней была ложь». Эта «ложь» заключалась в «коснении», «несвойственном» вообще-то для Руси. По К.С. Аксакову, причиной этому было «нарушение земского голоса», или нарушение земских основ управления делами общества и государства. Конкретно же эта причина состояла в том, что «в нарушение земского голоса ... стрельцы, произвольно определяющие царей, без совета всей земли, являют это нарушение». Как отмечал К.С. Аксаков, против этой «ограниченности» «восстал Петр», причем «с мыслью просвещения и пользования благами всех народов». Таким образом, Петр I выступил у К.С. Аксакова как защитник народа и исторически сложившейся в России земской системы управления. Но при этом, «восставши против односторонности, он ввел новую страшную односторонность», и об этом К.С. Ак-

саков четко говорил в статье о М. В. Ломоносове. В этом уточнении выразилось стремление К. С. Аксакова как славянофила к идеализации русской старины. Причина, как он отмечал в статье «О современном литературном споре», заключалась, оказывается, только в «коснении» в период непосредственно перед петровскими реформами, а виновниками оказались стрельцы, действовавшие «без совета всей земли» [Аксаков, К. С., 2010, с. 179]. Таким образом, К. С. Аксаков, по существу, резко снижал значение реформ Петра I. Их позитивную роль он видел лишь в устранении «коснения», «несвойственного» России в целом, но наступившего вдруг по неясным причинам накануне петровских реформ. Такая защита старой России не может не быть признана слабой, поскольку она, не давая объяснения вдруг наступившим негативным процессам, была неисторичной, поскольку не предлагала объяснения, как такое «коснение» могло возникнуть внезапно, в нарушение идеи органичности исторического развития, которая признавалась в исторической мысли начиная с эпохи романтизма.

Более резкая критика Петра I с точки зрения славянофила звучала у К. С. Аксакова в ответ на заявление В. Г. Белинского, что реформа первого российского императора «не уничтожила, не разрушила стен, отделявших в старом обществе один класс от другого», но «наклонила их набок». К. С. Аксаков с этим решительно не согласен. «Петр не только не пошатнул стены между сословиями, но он-то и построил их. В старину до Петра Великого их вовсе не было» [Аксаков, К. С., 2010, с. 172], — указывал он. В отношении Петра I данное замечание К. С. Аксакова было критическим. Он, как и славянофилы в целом, упрекали царя за разделение русского общества на классы. На несправедливость этого упрека указывалось неоднократно. В самом деле, русское общество и в допетровский период было разделено на классы, и такое разделение было совершенно для многих очевидно. Но верным в этом упреке было то, что такое разделение стало более отчетливым, оно усилилось и приобрело новый оттенок, который состоял в различии на уровне культуры. Так, если дворянство благодаря петровским реформам стало активно воспринимать западноевропейскую культуру, то большинство народа оставалось в своей традиционной культу-

ре. Поэтому можно было бы говорить о том, что Петр I своими реформами не положил начало разделению русского общества на классы, но усилил его и вывел его на уровень культурных различий. Вместе с тем данный упрек Петру I был для К. С. Аксакова как для славянофила не случаен и представлял собой оборотную сторону идеализации в славянофильской общественно-исторической мысли старой допетровской России.

Еще раз эту мысль К. С. Аксаков высказал в своей рецензии на первый том «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, представлявшей собой черновую и незавершенную рукопись («Несколько слов о русской истории, возбужденных Историею г. Соловьева»). В ответ на утверждение С. М. Соловьева, «что Петр был продолжателем, что дело заимствования от иностранцев полезного было еще до него», он заявлял, что заимствования в русской жизни были и ранее, но носили они иной характер, чем при Петре I. Еще со времен Древней Руси, после принятия христианства, по словам К. С. Аксакова, у нас «перейдены были границы исключительной национальности во имя Христианской Веры». «Дух нашего народа есть христианско-человеческий» [Аксаков, К. С., 2010, с. 212], — подчеркивал К. С. Аксаков в своей работе, говоря, что заимствования были для русского народа вовсе не чужды. Однако, по его словам, до Петра I «принимали одно полезное от иностранцев, не заимствуя чужой жизни, но оставаясь при своей жизни». В результате «Россия оставалась самостоятельной». Но Петр I, «напротив, стал принимать все от иностранцев, не только полезное и общечеловеческое, но и частное, национальное». По его оценке, такое восприятие «неприменно стало не свободным заимствованием, а рабским подражанием» [Аксаков, К. С., 2010, с. 211]. И вообще, в России исторически сложился «добровольный союз» «Земли и Государства» как своеобразная система управления делами общества и государства. Но «вся эта система нарушилась Петром» [Аксаков, К. С., 2010, с. 226]. В этих словах критическое отношение к Петру I с позиций К. С. Аксакова как славянофила выражено очень отчетливо. Но при этом общий уровень критики был несколько ниже, чем в магистерском сочинении о М. В. Ломоносове. Такая критика соответствует критике Петра I, которая шла еще от Н. М. Карамзина в

его записке «О древней и новой России», когда автор записки, давая общую оценку результатов деятельности царя, заявлял: «Мы стали гражданами мира, но перестали в некоторых случаях быть гражданами России. Виною Петр» [Карамзин, 2010, с. 293].

В своей «Записке “О внутреннем состоянии России”», представленной государю императору Александру II в 1855 г., К. С. Аксаков высказал еще одно обвинение Петру I, которое состояло в том, что первый российский император придал России «внешнего величия, но внутреннюю ее целостность он поразил растлением» [Аксаков, К. С., 2010, с. 244]. Причину он видел в том, что «петровская система» была прочно соединена «с чувством рабским, которое порождает власть правительственная». Такое чувство, распространившееся в народе, вело к тому, что «с этим рабским чувством соединяется чувство бунтовщика». Несомненно, отмечал он, что «рабы сегодня — бунтовщики завтра; из цепей рабства куются беспощадные ножи бунта» [Аксаков, К. С., 2010, с. 243]. Под рабством в данном случае К. С. Аксаков имел в виду крепостное право. Он предупреждал нового императора: «Чем долее будет продолжаться Петровская правительственная система ... тем более будут колебаться основы Русской земли, тем грознее будут революционные попытки, которые сокрушат, наконец, Россию» [Аксаков, К. С., 2010, с. 244]. Но «правительственная система», о которой говорил К. С. Аксаков, по его словам — «Петровская». Говоря об опасности, которую представляла для государства «Петровская правительственная система», он призывал императора к реформам. Не указывая при этом на конкретное содержание реформ, он отмечал, что в целом они должны были способствовать расставанию народа с «чувством рабским», им упомянутым. Так славянофильская критика реформ Петра I, дополненная консервативной идеализацией русской старины допетровского времени, оказывалась соединенной с призывом к реформам, которые должны были разрушить существующую систему, основанную на крепостном праве, призывом вполне либеральным по своей направленности.

Критическое отношение к Петру I К. С. Аксакова было поддержано его братом, И. С. Аксаковым, в статье «Петербург и Москва», в которой автор-славянофил обратился к достаточ-

но традиционной для этого направления теме антагонизма Санкт-Петербурга и Москвы. С основанием Петербурга И. С. Аксаков связывал негативные стороны деятельности Петра I. «Разрыв с народом, движение России по пути западной цивилизации, под воздействием иного просветительного начала, измена прежним основам жизни, поклонение внешней силе, внешней правде; одним словом — вся ложь, все насилие дела Петрова, — вот чем окрашен был городок Питербурх при своем основании», — писал он. Но, между тем, основание Петербурга на отвоеванной у Швеции земле было одним из главных результатов деятельности Петра I. И. С. Аксаков признавал при этом также позитивную сторону петровских преобразований, наличие у них «всемирно-исторического содержания». Но вместе с тем, по его оценке, в деятельности Петра I «элементов случайности, временности, зла, насилия, лжи, запечатленных его необыкновенною личностью», «есть настолько же, если не более» [Аксаков, И. С., 2010, с. 424], чем позитивных результатов. Обращает на себя внимание то, что в данном отрывке И. С. Аксаков прямо связывал негативные стороны реформ Петра I с личностью самого императора. Тем самым в критике Петра I И. С. Аксаков пошел еще дальше К. С. Аксакова и выразил ее более определенно.

Яркое высокохудожественное выражение негативных последствий реформ Петра I давал И. С. Аксаков в статье «Мы глупы и бедны». Как он писал, что в результате этих реформ до сих пор «мы живем жизнью не настоящею». В самом деле, «вот, даже и к концу XIX века, обретается вся наша интеллигенция расписанною по табели о XIV немецких рангах, и столицею русского народа и Святой Руси — город с немецким прозванием, чуть не за русским рубежом, где-то на Ингерманландской трясиине лицом к Европе, задом к России». И как вывод: «достойная иллюстрация этого исторического периода!» [Аксаков, И. С., 2010, с. 719].

Видный либерал, земский деятель и славянофил А. И. Кошелев, представлявший свой проект отмены крепостного права, в статье «Земская дума в России», вышедшей в семидесятых годах, ставил вопрос о государственном строе в России. Он не соглашался с распространенной мыслью о том, что самодержа-

вие обязательно связано с деспотизмом. Это было не случайно. В полном соответствии с реалиями времени Александра II, когда самодержавие, между прочим, выступило инициатором крестьянской реформы, продвигало другие реформы, такое заявление вполне объяснимо. По его словам, за нынешний век «самодержавная власть ... почти постоянно шла впереди не только народной массы, но и так называемого общества, или дворянства» [Кошелев, 2010, с. 379]. Но это не означало, что он готов был оправдывать каждого отдельного самодержца и его деятельность. Это проявилось в его краткой характеристике царствования Петра I. «Царствование Петра I было временем страшнейшего деспотизма», — подчеркивал он; «крепостная зависимость была окончательно утверждена и распространена, до известной степени, на все состояния». Но этой точной и справедливой констатацией характеристику Петра I он не ограничивал и указал на противоречия его царствования. Этот царь, подчеркивал А. И. Кошелев, «явился на Руси в такое время, когда старые порядки отживали и когда чувствовалась потребность в обновлении руководящих бытовых начал». Пребывание его за границей привело к тому, что он «был очарован успехами и действиями тамошнего просвещения». После этого он «решился приобщить свою страну к благам, им доставляемым, призвал оттуда много дельных и искусных людей и тем соответствовал этой, смутно ощущавшейся тогда потребности обновления». Но эта положительная сторона его деятельности сочеталась с ее оборотной стороной, т.е. с методами петровского обновления. Он стал «беспощадно ломать старое, вводить новое и мало обращать внимание на действительные нужды и желания народа» [Кошелев, с. 378]. Для А. И. Кошелева петровское самодержавие выступало очень наглядным примером того, как самодержавная форма власти, способная проводить необходимые для общества реформы и преобразования, при определенных исторических обстоятельствах может обернуться своей негативной стороной.

Другой выдающийся славянофил и деятель крестьянской реформы, Ю. Ф. Самарин, в своем труде «Стефан Яворский и Феофан Прокопович» давал анализ отношения Петра I к православной церкви в России и к религии вообще. Это была не только

тема научного исследования, но и часть вопроса о месте церкви в государстве и обществе, который также относился к общественной мысли накануне отмены крепостного права и пореформенного времени. Не принимая популярной точки зрения, что Петр I просто стремился подчинить церковь, Самарин четко показал, на какой основе царь строил свою политику в отношении церкви. Так как Петр был «по преимуществу гений практический», строивший государство, в котором был «полным властителем», то все остальные, в том числе церковь, «были ему доступны, во сколько они служат государству». В самой религии «Петр Великий видел необходимое условие могущества и благоденствия государства, основу народной нравственности, без которой не может быть прочного, истинного отношения между подданными и Государем» [Самарин, 2010, с. 107]. Взгляд его на место церкви в государстве определял его представление о духовенстве. Поскольку царь считал, что «духовное сословие имело назначение трудиться для государства, и более никакого, то, следовательно, его устройство, управление, деятельность должны были условливаться государством как частный орган целым» [Самарин, 2010, с. 114]. Отсюда шло упразднение патриаршества, которое им высмеивалось в известных «святотатственных оргиях» [Самарин, 2010, с. 137], и полное подчинение церкви государству. Положения и выводы Ю. Ф. Самарина, касавшиеся отношения Петра I к церкви и духовенству, позволяют более полно представить личность царя и его деятельность, направленную на всемерное укрепление государственного начала в жизни русского общества.

Видный представитель позднего славянофильства К. Н. Леонтьев в своем труде «Византизм и славянство» давал в целом позитивную оценку деятельности Петра I. Он подчеркивал, что этот царь создавал предпосылки для развития страны. По его словам, с Петра I в России «началось более ясное, резкое расслоение нашего общества, явилось то разнообразие, без которого нет творчества у народов». Несколько ниже К. Н. Леонтьев рассуждал также о положительном значении деятельности не только Петра I, но и Екатерины II. При всех различиях между ними оба выдающихся российских монарха XVIII в., по его мнению, делали общее дело. «Деспотизм Петра был прогрессивный

и аристократический, в смысле вышеизложенного расслоения общества. Либерализм Екатерины имел решительно тот же характер. Она вела Россию к цвету, к творчеству и росту. Она усиливала неравенство. Вот в чем главная ее заслуга» [Леонтьев, 2010, с. 50], — писал он. В этом рассуждении К. Н. Леонтьева вызывает сомнение указание на «аристократический» деспотизм Петра I, при этом формулировка «деспотизм» сомнений не вызывает. В своей статье «Двадцатипятилетие царствования», написанной в 1880 г., он уже говорил не о аристократизме, но, напротив, о демократической мере Петра I, когда он ввел «особого рода демократический феодализм выслуги», который «еще более дисциплинировал Русь» [Леонтьев, 2010, с. 179]. В своей передовой статье от 13 марта из «Варшавского дневника» 1880 г. К. Н. Леонтьев использовал применительно к оценке деятельности Петра Великого категорию исторического прогресса. «Время Петра I было, конечно, прогрессивным временем» [Леонтьев, 2010, с. 321] в истории России, — указывал он. Оценка первого российского императора К. Н. Леонтьевым, таким образом, безусловно положительная и заметно отличается от оценок, которые давали братья Аксаковы. С целью создания условий для развития России «европейскую маску ... намазала на лицо наше железная рука Петра I, дабы мы могли неузнанными или полуузнанными пройти шаг за шагом то вперед, то как будто назад — до заветной точки нашего культурного возрождения» [Леонтьев, 2010, с. 524], — отмечал К. Н. Леонтьев. Здесь следует пояснить, что он опирался на понятие об историческом прогрессе, возникшее еще в эпоху Просвещения. Таким образом, позитивную общую оценку, данную К. Н. Леонтьевым разносторонней деятельности Петра I, вполне уместно трактовать как вывод о продвижении России по пути прогресса, достигнутом благодаря петровским реформам.

С охранительных позиций критическое отношение к славянофильской мысли о разрыве между народом и государством, ставшим результатом реформ Петра I, высказывал редактор газеты «Московские ведомости» М. Н. Катков. Но еще в 1862 г., когда он принял газету «Московские ведомости», он не считался консерватором. Как отмечала В. А. Твардовская, в то время «Катков имел репутацию умеренного либерала-западника,

англомана, публициста, если не находящегося в оппозиции, то не разделяющего официальную точку зрения по ряду вопросов русской жизни». Но такая репутация на самом деле не соответствовала его действительному мировоззрению и общественно-политическим настроениям. Поэтому уже в то время, начиная работу в газете, М. Н. Катков отличался, как писала В. А. Твардовская, «ненавистью к демократическим социалистическим идеям» и усматривал «самый надежный оплот против них в самодержавии», которому стремился «служить ... последовательно и неуклонно» [Твардовская, 1978, с. 23].

Тем более это сказывалось в более позднее время. В статье «Истинные задачи для пересмотра учреждений губернского и уездного управления. Самоуправление в Англии и в России» [Катков, 2010, с. 81], опубликованной в ноябре 1881 г., М. Н. Катков давал ответ на предложение умеренных реформ и созыва Земских соборов, высказанное в произведении генерал-адъютанта И. И. Воронцова-Дашкова и генерала Р. А. Фадеева «Письма о современном состоянии России». Он резко критически воспринял заявление авторов о том, что с Петра Великого «самодержавная власть разрознилась с народом, между ними втиснулась бюрократия, которая разделила их и выросла наконец в громадную всеподавляющую силу, вредоносную как для самодержавия, так и для народа и исполненную всяких неправд, хищений, измены и крамолы». В статье М. Н. Катков излагал точку зрения генералов — авторов «Писем», которая содержала в себе одну из известных идеологических установок периода контрреформ Александра III, имевшую в тот период последователей. Это положение теории «народной монархии», заключавшееся в признании необходимости разрушить стену между самодержавием и народом, которую представляла собой бюрократия¹. Сам Катков решительно не соглашался с тем, что в результате реформ Петра I произошли коренные изменения в характере управления и на место дворянства стала бюрократия. Говоря о времени после Петра I, М. Н. Катков указывал, что

¹ По словам В. А. Твардовской, в этом состояла «давняя идея Каткова о различии самодержавия и администрации, верховной власти и правительства» (см.: [Твардовская, 1978, с. 227]).

«управление главным образом находилось в руках помещного дворянства. Где же нашел автор бюрократию, которая управляла народом и разделяла его с самодержавной властью?» — спрашивал он. И далее он разъяснял, на чем было основано сохранение управления дворянства и в чем оно состояло при крепостном праве. «Владея на праве частной собственности миллионами народа и управляя ими, помещное дворянство само управляло своими делами», — утверждал он. «Большого самоуправления невозможно придумать» — был его общий вывод. Следовательно, никаких разрушений основ старого порядка, сложившегося в России до Петра I во внутреннем управлении, М. Н. Катков не видел. По его мысли, такое разрушение началось в результате крестьянской реформы Александра II, когда «крепостное право пало, а с ним прекратилось и основанное на нем дворянское самоуправление». Однако на место его стала не бюрократия, но, по его словам, «целый ряд других самоуправлений»: крестьянское, городское, земское, железнодорожное и другие. Таким образом, разрушение традиций в России стало результатом реформ, однако не преобразований Петра I, но буржуазных реформ при Александре II. Еще более определенную положительную оценку реформ Петра I М. Н. Катков высказывал в статье «Наши аномалии и судебная республика», опубликованной в 1884 г. в «Московских ведомостях». Он заявлял, что «реформы Петра Великого еще глубже изменили Россию его времени, однако историческое существо ее переросло в новую фазу своей жизни, не потрясенное, не ослабленное, а напротив, усиленное». Такую оценку реформам Петра I М. Н. Катков давал с учетом реформ новейшего времени: он с осторожностью предполагал, что и целый ряд буржуазных реформ, проведенных при Александре II, «могут удовлетворить наши народные потребности, обеспечить порядок и свободу внутри государства, его достоинство среди других держав» [Катков, 2010, с. 98].

Славянофильская точка зрения заметна в рассуждениях М. Н. Каткова о значении реформ Петра I в области просвещения и об их последствиях для русского общества. Она была высказана в статье «Общий очерк борьбы за учебную реформу», опубликованной в 1871 г. в «Московских ведомостях». Он указывал, что при проведении своей внутренней политики Петр I

«был одушевлен мыслью о просвещении своего народа, о насаждении в нем науки». Но, по его словам, интерес «просвещения, образования, науки действовал в Петре Великом как страсть, смутно и смешанно. Одушевляемый им, преобразователь совершил великие дела, но не достиг своей высшей цели». Выразилось это в том, что царь «вдвинул Россию в Европу, но ... поработил русский народ чужому просвещению». И далее следует весьма точное наблюдение М. Н. Каткова. Петр I, писал он, «хотел насадить у нас науку как начало всякого улучшения, как подспорье всякому полезному делу; но он научил нас только пользоваться плодами чужого труда». Результатом стало то, что мы, по словам автора, «до сих пор остаемся данниками чужой мысли, и наша народность ничем не ознаменовала себя во всемирном труде разумения, знания, изобретения». Но при этом в обществе сформировались некоторые другие черты: «Подражательность, склонность к наружному усвоению, вечное ученичество, умственное несовершеннолетие». И все это, по оценке автора, было создано «первым преобразователем», то есть Петром I. Оценка, таким образом, крайне резкая, еще более, чем у славянофильских критиков первого российского императора. Но эта критика со стороны редактора «Московских ведомостей» усиливается еще более при указании им на последствия такого усвоения европейских знаний и европейского опыта, которые проявились на международной арене, в отношении к России в европейских странах. Россия была принята в европейский мир, но «казалась ненужным пришельцем, тунеядцем за чужой трапезой» [Катков, 2010, с. 385]. Он тем самым ставил под сомнение обобщающий результат всей деятельности Петра I, заключавшийся в превращении России в страну по-настоящему европейскую, и тем самым отрицал положительные последствия петровских реформ для страны. Таким образом, по вопросу об оценках деятельности Петра I в статьях М. Н. Каткова, опубликованных в 1871 г. и в 1884 г., заметна принципиальная разница. Резко негативная, высказанная в разгар эпохи буржуазных реформ Александра II, сменилась на весьма положительную в период контрреформ Александра III. Такое изменение соответствовало особенностям идеологии при этих двух царствованиях. Так, если при Александре II преобладал критический настрой

по отношению к недавнему прошлому, основы которого были заложены при Петре Великом, то при Александре III верх взяли охранительные тенденции. М. Н. Катков, таким образом, чутко реагировал на изменения в идеологии самодержавия и старался следовать принятым установкам.

Путь от революционера до консерватора проделал народник-пропагандист и член «Народной воли» Л. А. Тихомиров, перешедший окончательно к концу восьмидесятых годов на охранительные позиции. Этому способствовала, как указывает А. В. Репников, его «внутренняя переоценка мировоззренческих ценностей» [Репников, 2007, с. 170]. Свои исторические и политические взгляды, которые сложились у него к концу XIX—началу XX в., он выразил в книге «Монархическая государственность». По его мнению, монархическое правление имеет решающие преимущества по сравнению с аристократией и демократией. Она имеет свой нравственный идеал, а для России является наиболее благоприятной формой государственной власти. При этом, как подчеркивает А. В. Репников, опасность для России, по мнению Л. А. Тихомирова, состояла в том, что после Петра I государственное право России «испытывало сильнейшее влияние европейской правовой системы, базирующейся на обязательной эволюции монархии в сторону республиканской формы правления» [Репников, 2007, с. 138].

Среди всех русских монархов идеалом Л. А. Тихомирова был Александр III. Но и Петра I он ценил высоко. В главе 14 «Петр Великий как русский человек» из третьей части книги он подчеркивал, что в Петре I сосредоточена важнейшая черта характера русского человека, которая состоит в поиске правды (истины, по выражению Л. А. Тихомирова). «Петр был величайшим выразителем русского человека в этой решимости жить только истиной, хотя бы она была “люторская”, голландская и какая угодно. Он готов был отречься от всего, в чем не видел истины, и прилепиться к чему угодно, если усматривал в нем истину» [Тихомиров, 2010, с. 313–314], — писал он. В Петре I он видел и «величие русского духа», и его противоречивость, которой была «жалкая отсталость России, бедность ее умственных средств». Сам царь выступал в «привлекающем величии своего гения, давшего нашей монархии новый момент самодержавного

водительства народа в его величайших во времени задачах». Но при Петре I, по оценке Л. А. Тихомирова, произошел «опаснейший кризис — смещения самодержавия с абсолютизмом» [Тихомиров, 2010, с. 314].

Величие Петра I, по мнению Л. А. Тихомирова, состояло в том, что он взял «на свои плечи тяжкую задачу: привести Россию возможно быстрее к возможно полному обладанию всеми средствами европейской культуры». По его словам, такое обладание было необходимо, поскольку вообще «стоял для России вопрос “быть или не быть”», с угрозой от быстро развивавшихся европейских государств. Поэтому «Петр, железной рукой принудивший Россию учиться и работать, был, конечно, спасителем всего национального будущего» [Тихомиров, 2010, с. 316]. Для этого царь и закрепостил Россию, считал Л. А. Тихомиров. Но он видел обратную сторону этих действий Петра I. Состояла она в том, что царь «не обозначил никаких пределов установленному им всеобщему закрепощению государства, не принял никаких мер к тому, чтобы временная система не стала постоянной» [Тихомиров, 2010, с. 317]. Еще одно основание для критики Петра I М. Н. Тихомиров видел в политике его по отношению к церкви. По его словам, причиной такой его политики было «чрезвычайное непонимание идеи своей власти» самим царем. В результате «такого отношения к народной вере» церковь попала «в “вавилонское пленение”». Указывал Л. А. Тихомиров и на то, что Петр I «уничтожил правильное престолонаследие», за что Россия «расплатилась ... полустолетием государственных переворотов» [Тихомиров, 2010, с. 321]. Вместе с тем Л. А. Тихомиров как человек, поздно и на почве разочарования в революционной деятельности обратившийся к религии, преувеличивал религиозные чувства Петра I. Он полагал, что у царя «стремление к реформе появилось в детстве под влиянием мечты собрать силы для крестовых походов и освобождения Св. Гроба» [Тихомиров, 2010, с. 314–315]. Но если судить по источникам, подобных настроений у Петра I не прослеживается ни в молодости, ни в более позднее время.

Таким образом, в консервативной общественно-исторической мысли России, которую выражали славянофилы и охранители, можно заметить отсутствие четкого и однозначного отно-

шения к Петру I и его деятельности. Признание позитивных ее сторон сочетается с критикой, причем нередко весьма решительной и резкой. По магистерскому сочинению К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» было заметно стремление выстраивать характеристики Петра I и петровских реформ на основе начал гегелевской диалектики, что придавало этим характеристикам черты углубленного анализа. Но при этом у других авторов нередко замечен простой аксиологический подход к Петру I, который имел место и в более раннее время и сводился к выявлению в деятельности царя положительных и отрицательных сторон. Заметна, кроме того, связь между отношением этих авторов к реформам Петра I и к буржуазным реформам второй половины XIX в. В целом все эти авторы признавали необходимость реформ Петра I, но отмечали их противоречивый характер.

1.4. Образ Петра I в державно-националистической публицистике

На рубеже XIX–XX вв. государство и общество в России вступило в полосу своего системного кризиса. Складывалась революционная ситуация, обернувшаяся в начале XX в. тремя революциями, результатом которых было свержение самодержавия и всего прежнего государственного строя и наступления новой эпохи в истории страны. В таких условиях интерес к Петру I и его деятельности с неизбежностью оказывался на периферии общественного внимания. Тем не менее, ощущение наступления переломного периода в жизни народа и государства, которое проникало в массовое сознание, давало основание обратиться к опыту прошлого, к периоду бурных преобразований, которые происходили двумя столетиями ранее. Такое обращение позволяло осмыслить столь сложное социальное и культурное явление, как реформирование основ общественной жизни, которое при Петре I было настолько решительным, что при их общей оценочной характеристике даже выдвигалась идея рево-

люции сверху, а сам первый российский император назывался революционером на троне.

Среди авторов консервативного направления, которое в условиях революционных событий 1905 г. приобретало не только охранительно-монархическую, но и державно-националистическую направленность, Петр I также вызывал интерес. В центре их внимания оказывались такие стороны жизни и деятельности самодержца, как отдельные реформы в жизни страны и его отношения в семье.

Выдающийся филолог, будущий академик и член Союза русского народа А. И. Соболевский в своей речи в Санкт-Петербургском университете, произнесенной в 1892 г., рассматривал воздействие реформ Петра I на образованность народа. Как указывал А. И. Соболевский, видимым следствием реформы образования стало усиление расслоения русского общества по образовательному признаку. По его словам, «равенство образования, соединявшее все сословия допетровской Руси в одно целое, будучи нарушено впервые в конце XVII в., совсем исчезло в XVIII в.». Оценка кажется вполне традиционной для консервативной мысли. В самом деле, указание на возникновение в результате петровских реформ в русском обществе культурной разобщенности встречается достаточно часто, причем не только среди консерваторов, но и среди славянофилов. Но А. И. Соболевский этим не ограничивается, мысль его не столь прямолинейна, как кажется на первый взгляд. Он находил не только негативную, но и вполне позитивную сторону от такой перемены, произошедшей в результате реформ в сфере культуры и образования Петра I. «Высшее светское сословие (а отчасти и среднее — чиновничество) около того же времени пошло в другую, новую, прямо из Западной Европы перенесенную к нам школу, то общеобразовательную, то специальную. Его образованность возросла и количественно, и качественно», — отмечал он. Замечание это совершенно справедливое. Повышение образовательного уровня дворянства и чиновничества, приобщение их к передовой европейской культуре для А. И. Соболевского было явно положительным последствием петровских реформ. Однако он указал и на оборотную сторону этих перемен. Образовательная реформа, дававшая позитивные результаты для дворян и

чиновников, ни в малейшей мере не затронула «низшее светское сословие (особенно крестьянство)». Оно, писал А. И. Соболевский, «должно было остаться при старых училищах и продолжать учиться по часослову и псалтыри у дьяконов и дьячков» [Соболевский, 1892, с. 22]. Таким образом, известный филолог справедливо указал на противоречивый характер деятельности Петра I в сфере реформирования образования. Реформирование просвещения для верхов русского общества вводило образованную часть дворянства и чиновничества в систему европейской культуры, что уже произошло в царствование самого Петра I, а тем более в последующие периоды. Между тем, сохранение для абсолютного большинства населения старой, традиционной культуры закладывало предпосылки для последующего раскола русского общества по социальному и культурному признаку. Истоки такого раскола А. И. Соболевский выявил вполне в своей характеристике реформирования образования при Петре I, и надо заметить, что выраженное здесь отношение к царю и его преобразованиям в сфере культуры было в большей мере отрицательным, чем положительным.

Напротив, вполне положительное отношение к реформам Петра I в области культуры высказал известный консервативный писатель, публицист и журналист М. О. Меньшиков, один из организаторов Всероссийского национального союза. В статье «Заветы веков», посвященной трехсотлетию дома Романовых, он отмечал, что и в Смуту, и после нее «анархические» начала в русской жизни были очень сильны, тогда как начала «творческие» не могли проявить себя. Просвещение, внедрявшееся в страну Петром I, он считал важнейшим условием для наиболее полного раскрытия и всемерного развертывания «творческого» начала. При этом М. О. Меньшиков ставил вопрос, в какой степени реформы Петра I были «отступничеством от заветов предков», и находил основания как для положительного, так и для отрицательного ответа. С одной стороны, «Петр Великий напрасно пожертвовал многим великим, что заключала в себе наша средневековая старина, — патриаршеством, боярством, земским собором и пр.». Однако при этом главному «завету предков» — «величию России» — его реформы, по оценке М. О. Меньшикова, соответствовали в полной мере. Сторонник

консерватизма, он подчеркивал, что «истинным консерватизмом» невозможно было считать состояние, когда «наши предки коснели в невежестве». Консерватизм, с его точки зрения, вовсе не означал сохранение остатков старины, не соответствовавших современной жизни, а тем более невежества. Напротив, подчеркивал писатель, консерватизм нисколько не чужд ни просвещению, ни культуре, ни прогрессу.

Значение деятельности Петра I для русской истории он видел в том, что она не выбивается из предшествовавшего хода русской истории, но вполне соответствует ей, выступает как продолжение деятельности русских князей, принимавших и утверждавших христианство на Руси. В Екатерине II он усматривал достойную последовательницу Петра Великого и продолжательницу его дела. «Подобно святой Ольге и святому Владимиру, которые некогда приобщили новгородско-киевскую Русь к современной им христианской цивилизации, Петр Великий и Екатерина II приобщили Россию к неохристианской культуре», — подчеркивал он. Данная мысль интересна в том отношении, что положение о неохристианской культуре нового времени было не столь уж типичным для консервативной общественной мысли. Напротив, для нее культура Просвещения представляла собой несомненный разрыв с христианством и, следовательно, угрозу традиционным устоям общества. Не случайно М. О. Меньшикова иногда даже причисляют к такому течению общественной мысли того времени, как особое, консервативное западничество.

Разъясняя понятие современной «неохристианской культуры», он писал, что такая культура «основана на эпохе Возрождения, на развитии наук и искусств, на утверждении идеи права и закона». По мысли М. О. Меньшикова, вся работа Петра I по преобразованию страны, и прежде всего по развитию ее культуры, была прямым продолжением деятельности не только князей времен Великого Новгорода и Киева, но и первых царей из династии Романовых. «Михаил и Алексей с трудом собрали русское царство из развалин, Петр Великий дал ему культурную душу и поставил на великодержавное место в мире» [Меньшиков, 2005, с. 363], — указывал он. В этом высказывании заметно упоминание в самом положительном смысле о

российском великодержавии. Оно вовсе не случайно для консервативного и монархически настроенного публициста, как и характерное утверждение о том, что «некоторые древние заветы при этом были пренебрежены» Петром I. А это уже обернулось долговременными негативными последствиями: «снова Русская земля, хотя и возрожденная, омрачилась отсталостью и смутами, до сих пор не перестающими терзать Россию» [Меньшиков, 2005, с. 364]. Слова «снова» и «не перестающими терзать» указывают на то, что автор имел в виду современную ему ситуацию. Получалось, таким образом, что причины революции, которую уже пережила Россия в 1905–1907 гг., и революции, надвигавшейся в скором будущем, сводились всего-навсего к пренебрежению еще Петром I заветами старины. Для консервативного публициста такое объяснение не было случайным, хотя оно и не вскрывало причин революции начала XX в., которые были значительно более глубокими и не могли сводиться лишь к последствиям деятельности Петра I.

Известный ученый и член Союза русского народа историк Д. И. Иловайский давал свою характеристику Петру I в очерке «Петр Великий и Алексей». Очерк написан как хорошее литературное произведение, читается легко и поэтому представляет собой не столько научный труд, сколько очень качественную популярную литературу, рассчитанную на заинтересованную широкую читательскую аудиторию. Сама по себе тема взаимоотношений между отцом и сыном предполагала, что автор даст свою оценку семейным делам царя. Отмечая, что Петр I отправил в монастырь свою первую жену, Евдокию Лопухину, что он отнял у нее их сына, девятилетнего Алексея, Д. И. Иловайский писал о царе, что «во всей силе сказался его необузданный нрав, не признававший для себя никаких нравственных и семейных обязанностей» [Иловайский, 2013, с. 248]. И вообще, к делам воспитания сына-царевича царь «обнаружил явное равнодушие» [Иловайский, 2013, с. 249]. Д. И. Иловайский подчеркивал, что Петр I не сумел решить такой важной своей задачи, как воспитание сына в качестве наследника, способного продолжить его дело. Он внушал Алексею «рабский страх и трепет перед собой», которые заставляли его «лгать и извращиваться для того, чтобы не подвергнуться его гневу и побоям» [Иловайский,

2013, с. 258]. Читатель мог делать вывод, что такое воспитание на страхе не могло сделать Алексея наследником, способным продолжать реформы. Очень выразительно Д. И. Иловайский отметил исключительную жестокость розыска по делу царевича Алексея, когда были казнены, подвергались пыткам и ссылались те, кто, так или иначе, оказывался связан с этим делом.

В связи с темой отношений между царем и царевичем Д. И. Иловайский затронул вопрос о реформах в области культуры. И если А. И. Соболевский отмечал положительные последствия реформ для повышения образования верхов русского общества, то Д. И. Иловайский подчеркивал другую, негативную сторону петровских преобразований. Говоря о пристрастии царевича к употреблению крепких напитков, он отмечал, что «сам Петр распространял и укоренял эту некультурную привычку в окружающей его среде» [Иловайский, 2013, с. 250]. Замечание совершенно точное. Но распространение этой привычки также было одной из сторон преобразований культуры русского быта, поскольку эти преобразования сами по себе были внутренне противоречивы. Тем самым Д. И. Иловайский указывал на противоречивость преобразований Петра I в сфере культуры.

Говоря же о последствиях отношения к первой жене и сыну, о заточении жены в монастырь, Д. И. Иловайский отмечал: «Этот поступок и был началом той трагедии, которая омрачила знаменитое царствование и печальные следствия которой Россия не перестала испытывать до сих пор» [Иловайский, 2013, с. 248]. Но Д. И. Иловайский резко критически отзывался не только об отношении Петра I к жене и сыну. Он отмечал, что вообще в период реформ «многие русские люди сетовали на крайнюю жестокость и деспотичность царя, на страшную тяжесть бесконечной шведской войны, на его пристрастие к иноземцам, на его резкое неуважение к старым русским обычаям и преданиям, на его презрительное отношение к церковной иерархии» [Иловайский, 2013, с. 284]. Д. И. Иловайский был прав. В самом деле, далеко не случайно, что теория «Петр — царь-антихрист» получила такое широкое распространение и пережила самого «царя-антихриста».

Д. И. Иловайский выделял три причины такого отношения к Петру I среди разных слоев общества. Во-первых, это то, что

«он своими пытками и казнями сломил все попытки к отпору его нововведениям и довел царскую власть до ничем не ограниченного самовластия», причем в этом отношении он был полной копией Ивана Грозного. Во-вторых, он тем самым «еще более испортил народный характер, усиливая в нем раболепие». Выделение этих причин было вполне понятно для российского читателя предреволюционного времени. В-третьих, «своим пристрастием к иноземцам, полным унижением родовой русской аристократии, отменой Боярской думы (разумея вместе с нею и Освященный собор) и водворением бюрократии, переполненной на верхних ступенях немцами, он приготовил немецкое господство на Руси». Д. И. Иловайский вообще считал, что такое переполнение «немцами» составляло «главное» звено в перечисленном им комплексе причин [Иловайский, 2013, с. 285]. Вывод о пагубности немецкого господства не удивителен для члена черносотенно-националистической организации «Союз русского народа». Как не удивительно им указание на пристрастие царя к иноземцам, которое будто бы вело к так называемому немецкому засилью, и выделение этого в качестве главной причины негативного отношения народа к Петру I.

Еще одна тема, связанная с Петром I и его царствованием, касалась отношения царя к религии и церкви, выражавшегося в отдельных его высказываниях, буйных развлечениях и различных политических мероприятиях. Эту тему поднимал член Русского собрания и Русского окраинного общества Н. Д. Тальберг, который, находясь в эмиграции в Париже, издал свою книгу «Святая Русь». В своих оценках деятельности Петра I по религиозному вопросу он стремился учесть противоположные начала и противоречия в его деятельности, связанной с церковью. «Великий преобразователь, но и великий разрушитель — император Петр I — строил империю наново», — подчеркивал Н. Д. Тальберг, объясняя причину таких разрушительных действий царя тем, что тот «преклонился перед обольстившим его Западом и начал крушить свое родное» [Тальберг, 1929]. Такое объяснение вполне характерно для националиста, которым и был автор. При этом указание на обольщение было в духе церковной риторики, в которой идея обольщения человека со стороны дьявола и антихриста занимает значительное место на-

чина с ветхозаветного повествования об обольщении Евы змием. Согласно же Н. Д. Тальбергу, в роли змия выступал Запад со всей его просветительской культурой, которая завершилась «мерзостями французской революции» [Тальберг, 1929], а в роли Евы — Петр I. Такое объяснение отвечало религиозной направленности сочинения Н. Д. Тальберга. В данном случае обращает на себя внимание, что отношение к западному просвещению для двух авторов черносотенно-националистического направления, какими были Н. Д. Тальберг и М. О. Меншиков, было очень разным.

Действия обольщенного Западом русского царя имели, согласно Н. Д. Тальбергу, тяжелые последствия: «Нарушен был им уничтожением патриаршества канонический строй русской Церкви, высшее духовенство было отстранено от участия в государственной жизни и искусственно замкнуто в исключительно церковные рамки, лишаясь этим в большой степени политического значения. Сломан был многовековой русский быт». Кроме того, у царя были «греховные забавы, затрагивавшие духовный чин», под которыми автор имел в виду, конечно же, всешутейший, всепьянейший, сумасброднейший собор. Однако при этом Н. Д. Тальберг был не только националистом и защитником религиозных устоев, но еще и монархистом. Поэтому он не мог при характеристике Петра I ограничиться только этими негативными сторонами. Он также выделял такие стороны деятельности царя, которые вполне соответствовали представлению о православном государе и покровителе церкви. «Петр не был тем безбожником, которым хотят представить его некоторые хулители императорского периода Русского государства», — заявлял он и приводил доказательства этому, указывая, что Петра можно было видеть «поющим на клиросе и читающим Апостола в соборе Животворящей Троицы на Петербургской стороне», «чтецом в русской церкви в Париже и читающим в великую субботу паремии в Соловецком монастыре» [Тальберг, 1929]. Приводил автор и другие доказательства такого рода. Упомянул он, к примеру, о том, что в Усть-Желтиковом монастыре под Тверью, где некоторое время содержался царевич Алексей, «царь-отец, принесший сына в жертву считаемой им пользе государства, построил впоследствии церковь во имя святителя

Алексия». Но все это не могло предотвратить того, что «многовековой строй все же был сломан Петром». Это имело, подчеркивал Н. Д. Тальберг, самые тяжелые последствия. По его словам, «нанесенная Святой Руси рана давала о себе знать с годами все сильнее и сильнее. Русское общество нового образования все сильнее удалялось от родных, живых истоков и подпадало под тлетворное влияние Запада, все более утрачивавшего свои нравственные устои и пропитывавшегося грубым и пошлым материализмом» [Тальберг, 1929]. Таким образом, негативная оценка деятельности Петра I в отношении церкви у Н. Д. Тальберга преобладала. Не только как националист и монархист, но и как эмигрант он усматривал в реформах Петра I внедрение таких начал, которые пагубно сказывались на церкви, на религиозном состоянии общества и в конечном счете привело русское общество к материализму и революции.

Итак, авторы консервативно-националистической и черносотенной направленности давали Петру I противоречивые характеристики. Положительные оценки его деятельности определялись признанием вклада царя в развитие образования и просвещения, хотя к самому европейскому просвещению отношение не было одинаковым. Но в целом критики было заметно больше. Она относится к тому, что при Петре I происходил разрыв с обычаями и традициями русской старины, а сам он при проведении своей политики в значительной мере опирался на иностранцев. При этом справедливо указывалось на крайнюю жестокость царя по отношению к народу и к своей семье. Авторы этого направления подвели читателя к выводу, что беды России современного периода имеют свои истоки в реформах Петра I, которые несли в себе западное влияние, а вместе с ним материализм, который с неизбежностью вел к революции.

Российские императоры постоянно обращались к образу Петра Великого и в полной мере осознавали тесную связь между его преобразованиями и основами своей императорской власти. Самая решительная апологетика Петра I хорошо заметна в сознании императриц и императоров от Елизаветы Петровны до Николая I, в меньшей степени у Александра I. Все они видели свою историческую роль в продолжении и развитии тех начал, основы которых были заложены Петром Великим. Несколько

более критический подход по отношению к первому российскому императору заметен в сознании двух последних императоров России — Александра III и Николая II. Для Александра III это объяснялось его русофильскими настроениями и неприятием западничества Петра Великого. Для Николая II — в значительной мере ориентацией на спокойное правление и на семейные ценности, что определило в качестве его исторического идеала монарха не Петра I, а царя Алексея Михайловича.

Празднование юбилейных дат, относящихся к двухсотлетию событий петровского царствования, организовывалось государством в лице министерства императорского двора с активным участием общественности и широких слоев населения. Этим празднованиям придавался глубокий монархический и казенно-патриотический смысл, они должны были укрепить в массовом сознании его монархические основы при всемерном использовании для этого популярного имени Петра Великого.

В российской славянофильской и консервативной общественно-исторической мысли второй половины XIX в. Петру I и его реформам уделялось самое значительное внимание. Это внимание усиливалось в связи с проводившимися в России во второй половине XIX в. буржуазными реформами. В отдельных случаях, в частности К.С. Аксаковым, характеристика Петра I и его реформ велась на основе гегелевского диалектического метода, что придавало им более глубокий характер. В целом признавалось огромное значение деятельности Петра Великого для подъема России и даже, как это было у Л. А. Тихомирова, для спасения ее существования. Но Петр I мог подвергаться также самой решительной критике за создание им такой государственной системы, при которой культура России оказалась способной лишь к подражанию западным образцам. Такие критические мысли высказывал М. Н. Катков в период буржуазных реформ. Позже, уже в период контрреформ, он отказался от столь критического отношения к Петру I и итогам его преобразований. В целом позитивное и даже апологетическое отношение к первому российскому императору в славянофильской и консервативной общественно-исторической мысли было преобладающим. Это не исключало того, что А. И. Кошелев указывал на петровский деспотизм, а Ю. Ф. Са-

марин — на чисто утилитарное отношение царя к церкви как средства для укрепления государства.

Авторы конца XIX—начала XX в., относившиеся к националистическому и черносотенному направлению русской общественной мысли, характеризовали Петра I и результаты его деятельности неодинаково. Положительной стороной реформ они считали развитие в стране просвещения, которое коснулось дворян и чиновников. Однако жестокость по отношению к обществу и отношение царя к своей семье служили предметом весьма резкой критики. Нарушение царем традиций и обычаев русской старины и широкое привлечение на службу иностранцев воспринималось этими авторами особо критически, и такое отношение не случайно и вполне обусловлено для представителей националистического направления. Последствия реформ Петра I ставились ими в ряд предпосылок революции в новейшей российской истории.

ГЛАВА 2

Петр I в русской либеральной общественно-исторической мысли

2.1. Петр I в либеральном дискурсе как носитель европеизации России

Историческая значимость Петра Великого ясно осознавалась не только в консервативном, но и в либеральном общественно-политическом и историческом дискурсе России середины — второй половины XIX в. и начала XX века. Это было не случайно. В нем виделась великая историческая личность, которая с исключительной четкостью осознала, что Россия должна занимать свое место среди европейских стран, и сделавшая много для того, чтобы сдвинуть русское общество и его культуру в данном направлении. Здесь прослеживается определенная культурно-историческая традиция русской общественной мысли. В самом деле, роль Петра I как государя, способствовавшего усвоению Россией достижений западных стран, признавалась еще с XVIII в. Но в либеральном течении русской общественной мысли это признание приобрело новое качество. За Петром I признавалась заслуга не просто в усвоении передового опыта и передовой культуры стран Западной Европы, не просто в подражании передовым западноевропейским странам. Его заслуга виделась в выводе России на большую дорогу вступления в европейский мир, в семью народов и государств Запада, место в котором ей должно было принадлежать по праву, как стране европейской с народом историческим, способным к развитию. Конечно же, такое направление мысли было не вполне новым для русского общества. Зачатки его наблюдались еще в конце XVII в., когда Российское государство вступило в со-

юзе со странами Европы в антиосманскую коалицию или, по словам В. О. Ключевского, «формально вступило в концерт европейских держав» [Ключевский, 1957, с. 353]. Как часть европейского мира рассматривал Россию историк конца XVII в. А. И. Лызлов. Участник Крымских, а затем Азовских походов, он в своей «Скифской истории» ставил Россию в один ряд с европейскими христианскими странами в борьбе против турецкой агрессии [Чистякова, 1988, с. 126–127]. И в дальнейшем, на протяжении XVIII в., взгляд на Россию как на часть европейского мира продолжал утверждаться. Так, в своем наказе Уложенной комиссии 1767 г. Екатерина II прямо заявляла: «Россия есть Европейская Держава» [Екатерина II, 2010, с. 115]. Эта мысль была твердо усвоена императором Александром I. Проект Священного союза, в формировании которого он принял самое активное и решающее участие после завершения войн против наполеоновской Франции и Венского конгресса, означал выражение идеи европейского единства, в котором Россия занимала свое видное место.

После смерти Александра I и восстания декабристов стала преобладать, однако, идея противоположного характера. Европейские революции, прежде всего Великая Французская буржуазная революция, потрясения наполеоновских войн, а также восстание декабристов выдвинули на первый план идею, согласно которой между Россией и странами Западной Европы существуют самые резкие различия в их истории и в их современном состоянии, которые не позволяют отнести Россию к странам европейского мира и, следовательно, создают исторические гарантии невозможности революции в стране. При этом подчеркивалось, что Россия — страна с особым историческим путем. А. А. Ширинянц и К. В. Рясенцев отмечают, что, по мнению М. П. Погодина, Россия и страны Западной Европы представляли собой «две большие, качественно иные мировые цивилизации — западноевропейскую, наследницу Римской, и восточноевропейскую, наследницу Восточной Римской империи» [Ширинянц, 2010, с. 8]. Замечание совершенно справедливое. Впрочем, даже М. П. Погодин не решался полностью оторвать Россию от стран Западной Европы. В статье «Петр Великий» он пишет: «Россия есть часть Европы, составляет с

нею одно географическое целое и, следовательно, по физической необходимости должна разделить судьбу ее и участвовать в ее движении», при этом прибавляя: «как планета повинуетя законам своей солнечной системы» [Погодин, 2010, с. 234], — поскольку параллели между историческими и физическими явлениями он считал очень убедительным аргументом. Но для М. П. Погодина эта мысль была все-таки маргинальной и находилась на периферии его мировоззрения, в котором положение об исторической обособленности России от западных стран было краеугольным. По существу, он и не отрицал это положение, поскольку говорил о России как о части Европы прежде всего в географическом смысле, а общность судеб России и западноевропейских стран определялась, по мысли его, географией.

Но если даже М. П. Погодин не допускал мысли о полном отрыве России от стран Запада, то идея общности исторического пути России и стран Западной Европы была тем более близка либеральной общественной мысли. Западническое ее направление допускало, что изначально, на стадии своего исторического становления, Русь была глубоко самобытной страной. Однако уже в новое время сохранение самобытности, отрыв от европейской культуры означал не что иное, как консервацию отсталости. Поэтому переход на европейский путь развития, европеизация государственных структур, общественного быта и культуры с превращением России в часть европейской международной политической системы и включением русской культуры в культуру европейского мира представляли, на взгляд западников, глубинную потребность страны. Так, в своей работе «Феодализм в Древней Руси» Н. П. Павлов-Сильванский замечал, что сама мысль о Петре Великом как о творце новой России, «о петровской реформе как залого дальнейшей европеизации России», по существу, «разрывала органическое развитие России на две половины» [Павлов-Сильванский, 1988, с. 8]. Тем не менее, идея органического развития русской истории в полной мере разделялась в западнической исторической мысли. Но она и вполне уживалась с представлением о переходе на европейский путь развития при Петре I. В частности, органичный характер русской истории признавали в полной мере К. Д. Кавелин и С. М. Соловьев. Возможно, именно поэтому замечание

Н. П. Павлова-Сильванского о нарушении при противопоставлении допетровской и новой России понятия об органичном развитии истории страны не было подхвачено и не получило сколько-нибудь заметного продолжения. Напротив, подчеркивалось, что С. М. Соловьев столь глубоко понимал органичный характер исторического развития страны, что проводил мысль о преемственности между историей страны времени Петра I и состоянием ее в период реформ при Александре II. В. Е. Иллерицкий совершенно справедливо указывал на то, что, по мнению С. М. Соловьева, «реформы Петра I ввели Россию в семью европейских народов, современные должны были завершить “европеизацию” России посредством создания “правового” государства, исключающего социальные конфликты» [Иллерицкий, 1980, с. 130]. Замечание В. Е. Иллерицкого вскрывает еще одну сторону положений и выводов С. М. Соловьева о петровской европеизации России, которые уже на этом основании были достоянием не только историографии, но и общественной мысли в целом, в которой запрос на европеизацию разных сторон внутренней жизни был в период реформ очень заметен.

Едва ли поэтому случайно С. М. Соловьев не только поставил Петра Великого на самое видное место в отечественной истории, не только уделил огромное внимание ему и его деятельности в своей фундаментальной «Истории России с древнейших времен», но и хорошо понял необходимость сделать личность и деятельность Петра I темой публичных чтений. Для слушателей эти лекции представляли интерес, а их важнейшие положения находили в их сознании поддержку и понимание. Это было не случайно. В условиях проводившихся в стране буржуазных реформ, в ходе которых некоторые важные стороны внутренней жизни передовых стран Европы утверждались в русской действительности, слушатели из образованной московской публики могли принять мысль С. М. Соловьева, что развитие России и европейских стран идет в одном направлении, только Россия по причинам своего географического положения, поставленная в непосредственное соседство со степными ордами Азии, отстала в своем развитии. То, что происходило в России при Петре I, означало, как указывал С. М. Соловьев, ее «переход из древней истории в новую, из возраста, в котором господствует чувство,

в возраст, когда господствует мысль». И в отношении такого перехода он видел «разницу между нами и нашими европейскими собратьями, разницу на два века» [Соловьев, С. М., 1984, с. 17]. Однако «русский народ ... как и другие европейские народы ... имеет наследственную способность к сильному историческому развитию» [Соловьев, С. М., 1984, с. 18], — подчеркивал он. Интерес к странам Запада и к их культуре был не случаен и возник в России еще до Петра I. По его словам, «богатство и умелость заморских иностранцев, противопоставленные собственной бедности и неразвитости, пробудили в сильном историческом, т. е. способном к развитию, народе стремление выйти из своего затруднительного, печального положения» [Соловьев, С. М., 1984, с. 29]. На заключении о наличии такого стремления также основывался вывод С. М. Соловьева об органичности исторического развития России. Такое движение в сторону сближения с передовыми странами «так естественно (органично. — Т. А.) и необходимо, что тут не может быть и мысли о каком-то заимствовании» [Соловьев, С. М., 1984, с. 33], — указывал С. М. Соловьев. Он заявлял: «Необходимость движения на новый путь была осознана ... народ поднялся и собрался в дорогу; ... ждали вождя; вождь явился» [Соловьев, С. М., 1984, с. 78], — и таким вождем был Петр I. Мысль состояла в том, что, проводя реформы, способствуя европеизации России, царь будто бы выражал общенародные потребности. Объективно оно так и было. Порядки и традиции старой допетровской Руси в полной мере соответствовали культуре разных слоев русского общества. Но для нового времени они устарели безнадежно, и консервация их вела к еще большему отставанию и без того отсталой страны. Поэтому Петр Великий, с настойчивостью проводивший европеизацию страны, нередко не без основания считавшейся европейцами страной варварской, был, по определению С. М. Соловьева, «сын своего времени и своего народа» [Соловьев, С. М., 1984, с. 13]. Другой вопрос, насколько их необходимость была, как утверждал С. М. Соловьев, «осознана» в народе. Несомненно, что абсолютным большинством народа необходимость таких перемен для их жизни едва ли была осознана. Все это создавало почву для популярности теории «Петр — царь-антихрист», распространявшейся в разных слоях русского общества. Она воз-

никла в самом начале XVIII в. по причине недовольства мероприятиями, проводившимися царем, в том числе привлечением иноземцев в качестве проводников и пионеров петровской европеизации России. На недовольство преобразованиями справедливо указывал В. О. Ключевский, подчеркивавший, «по какой раскаленной почве шел Петр, вводя реформу со своими сотрудниками. Все вокруг него роптало на него, и этот ропот, начинаясь во дворце, в семье царя, широко расходился оттуда по всей Руси, по всем классам общества, проникая в глубь народной массы» [Ключевский, 1959, с. 346]. Но слова о готовности народа идти «в дорогу» были не случайны. Они были созвучны мыслям и надеждам либерального сегмента русского общества того времени, когда проводились буржуазные реформы или, по существу, имела место дальнейшая европеизация России, основы которой были заложены Петром I.

Положение С. М. Соловьева о русском народе как о народе историческом разделял мыслитель первой половины XX в. Н. П. Карсавин. Вместе с тем в само понимание этого положения он внес принципиальное изменение и рассматривал его, в сущности говоря, с позиций, противоположных соловьевским. Внимание Н. П. Карсавина к вопросу о значении петровской европеизации, о самом понятии исторического народа было не случайным. Революция и эмиграция способствовали оживлению традиционного для русской общественной мысли вопроса о европеизации России и ее последствиях, о роли русского народа как народа исторического. Как отмечал Л. П. Карсавин в своем труде «Восток, Запад и русская идея», изданном впервые в 1922 г. за рубежом, в настоящее время «Россия переживает второй период острой европеизации (считая первым эпоху Петра)». Однако если для большинства мыслителей либерального, и не только либерального, направления европеизация России была явлением в целом позитивным, то Л. П. Карсавин отнесся к позитивной оценке европеизации критически и вступил в скрытую полемику с С. М. Соловьевым. Так, место русского народа среди исторических романо-германских народов определялось, с точки зрения С. М. Соловьева, тем, что в результате петровской европеизации он оказался способен к развитию, а само развитие понималось как европейский прогресс. Для того

времени, когда работал С. М. Соловьев, такое отношение было вполне оправданным. Идея исторического прогресса, четко обоснованная Ж. А. Кондорсе еще в период Великой Французской буржуазной революции, сохраняла свое влияние и принималась в социальной науке, переживавшей период своего становления. Петровская европеизация рассматривалась С. М. Соловьевым как форма осуществления этой идеи в России. Однако иное отношение к идее прогресса сложилось в конце XIX в., а особенно в начале XX в., когда человечество пережило потрясение мировой войной, а затем революцией в России. Идея поступательного движения истории по пути прогресса была подвергнута сомнению. Поэтому для Л. П. Карсавина критерий, по которому народ мог быть историческим, был иным, чем для С. М. Соловьева. По его словам, «не в европеизации смысл нашего исторического существования ... Если бы было так, мы были бы народом неисторическим, годным лишь на удобрение европейской нивы». Исторический народ — не тот, кто следует по пути европейских народов, но тот, который имеет свою идею. Л. П. Карсавин считал возможным говорить о «русской идее» как о чем-то реальном, но до сих пор еще четко не установленном и не сформулированном. Для него, во всяком случае, было очевидно, что «не в “европейских” тенденциях русской мысли, общественности и государственности надо искать эту идею» [Карсавин, 2010, с. 48]. Таким образом, в отличие от С. М. Соловьева, Л. П. Карсавин не связывал с европеизацией положение об историческом народе. Он указывал, что активное ее внедрение в русскую жизнь Петром I несколько не соответствовало понятию об историческом народе, поскольку это не выходило за рамки усвоения идей, сформировавшихся в других культурах, среди народов романо-германской Западной Европы.

Другой видный представитель западнического направления русской общественной мысли и современник С. М. Соловьева, К. Д. Кавелин, обращал внимание не только на направленность реформ Петра I в сторону европеизации. Он подчеркивал, что идея европеизации сформировалась в России до Петра I. «О преобразованиях на заграничный лад думали и до Петра; кое-что уже было сделано в этом направлении» [Кавелин, 2010, с. 256], — верно отмечал он в работе «Мысли и заметки о рус-

ской истории». Проводя европеизацию, Петр I несколько «не нарушил традиции, а, напротив, следовал преданию московских государей с Ивана III, а особенно с Ивана Грозного» [Кавелин, 2010, с. 259], — писал он. «Сама сила вещей вынуждала нас облечься в европейские формы», — обосновывал он это положение и далее указывал, как разворачивалась сама потребность в реформах, направленных на европеизацию России. Он отмечал, что «потребность приобрести Остзейский край вовлекала нас в войну со Швецией, а это настоятельно потребовало преобразования войска по европейскому образцу и создания флота» [Кавелин, 2010, с. 257]. За этим последовали неизбежные «перемены во внутреннем быте» [Кавелин, 2010, с. 258]. К. Д. Кавелин прямо не говорил об осознании Петром I такой взаимосвязи. Но он, тем не менее, давал понять, что царь эту взаимосвязь ощущал вполне и европеизацию страны проводил очень последовательно и настойчиво, в отличие от своих предшественников. Поэтому, говоря о Петре I, К. Д. Кавелин подчеркивал, что «никогда еще до него преобразование не было возводимо в принцип» и что «никто до него не проникался так всецело идеалом европейского государства и быта». И поэтому «Петр внес этот идеал в русскую жизнь», причем «вступил во имя его в борьбу с тогдашней действительностью» [Кавелин, 2010, с. 256]. К. Д. Кавелин безусловно стремится защитить Петра I от нападков со стороны своих оппонентов-славянофилов. И он нашел сильный аргумент в пользу признания петровской европеизации органичным явлением русской жизни. Доказательством этому служит, по его словам, то, что «все образованное меньшинство русского общества бросилось в “прорубленное Петром Великим окно в Европу” и протеснялось туда наперерыв, неудержимо, с удивительной энергией, до нашего времени» [Кавелин, 2010, с. 161]. Тем самым он подчеркивал, что европеизация соответствовала не только потребностям государства, но и интересам русского общества. Глубоко позитивная оценка петровской европеизации К. Д. Кавелиным совершенно очевидна. Как и очевидна для него была ограниченность и незавершенность петровской европеизации. Петр I, писал он, «переменил одни лишь наружные формы нашего внутреннего быта и заменил их иностранными, что, разумеется, не могло переродить нас в европейцев». Поэтому он

указывал на дальнейшее развитие европеизации после Петра I. Сами же петровские реформы были, по его оценке, «только новым условием нашей жизни, под влиянием которого она стала исподволь развиваться далее» [Кавелин, 2010, с. 257]. С ними европеизация России не завершалась, но только начиналась.

Уже в другой исторический период пореформенной России, в начале восьмидесятых годов, когда в стране начались контрреформы, о значении петровской европеизации писал выдающийся историк-юрист Б. Н. Чичерин в своем труде «Собственность и государство». Наблюдая происходившие в стране процессы, такие как усиление революционного терроризма, явную неспособность власти справиться с ним и возрастающее отчуждение власти от общества, четко осознавая невозможность с помощью усиления мер охраны предотвратить надвигавшиеся потрясения, Б. Н. Чичерин выражал большую обеспокоенность. «Глубокий разлад, разъедающий современные общества, отражается у нас в потрясающих явлениях и порождает страшные события», — писал он в заключительной части своего труда [Чичерин, 2010, с. 889]. Пытаясь предложить какой-то выход из положения, Б. Н. Чичерин приводил как пример опыт европеизации страны при Петре I, рассматривая, как справедливо отметил А. И. Нарезный, историческое развитие России «в контексте европейской цивилизации» [Нарежный, 2010, с. 10]. При этом он отвергал всякую обоснованность действий, «возлагая все свои надежды на темные инстинкты масс». Тем самым Б. Н. Чичерин отрицал революционный путь, вероятность которого в то время обозначалась в стране все более отчетливо. Выход он предлагал иной: «не отречься от всемирной истории как от чего-то нам чуждого, не отвращаться от ясной области разума». Именно таким был исторический путь «новой России, введенной гением Петра в семью европейских народов», проделанный почти за двести лет до выхода «Собственности и государства». При этом Б. Н. Чичерин подчеркивал наличие исторической связи между реформами Петра I, направленными на европеизацию страны, и буржуазными реформами при Александре II, указывая, что эти буржуазные реформы составляли продолжение идеи, заложенной в петровской европеизации. В этом он видел направление пореформенных преобразований, «великих и дорогих всякому

русскому преобразований минувшего царствования, которые окончательно поставили нас на европейскую почву, перестроив весь наш общественный быт на началах свободы» [Чичерин, 2010, с. 890]. Указание Б.Н. Чичерина на продолжение при Александре II петровской европеизации было не случайным. Он, по существу, стремился опереться на авторитет Петра Великого, как бы предлагая иной путь развития страны, отличный от пути, который был заключен в написанном К.П. Победоносцевым манифесте о незыблемости самодержавия, а также от революционного пути, угрозу которого русское общество ощущало все сильнее. Конечно же, Б.Н. Чичерин понимал, что в такой логической связи была натяжка с исторической точки зрения. И если перестройку страны «на началах свободы» еще можно было как-то связывать с буржуазными реформами, то петровская европеизация нисколько не соответствовала началам свободы. Но в данном случае такое логическое построение было полемическим приемом, который использовал Б.Н. Чичерин против реакционеров.

Мысль С.М. Соловьева и Б.Н. Чичерина о европеизации России как о внутреннем содержании и методе проведения петровских реформ воспринял другой выдающийся историк — В.О. Ключевский. Он указывал, что эти реформы, начинавшиеся еще до царя-реформатора, «были предприняты частью под влиянием Западной Европы и исполнены при содействии людей той же Европы. До той поры русское общество жило влиянием туземного происхождения, условиями своей собственной жизни и указаниями природы своей страны» [Ключевский, 2010, с. 417]. Замечание очень точное. По склонности В.О. Ключевского к кратким, четким и образным выражениям своей мысли, он выразил то, что привлекало Петра I и русское общество к странам Запада и к их культуре. «На Западе знают больше нашего и даже для нас могут много сделать лучше, чем мы сами. Таким образом, Запад для нас и школа, и магазин полезных изделий, и своего рода курс исторических уроков», — писал он. Но вместе с тем В.О. Ключевский обосновывал пределы и границы европеизации, проводившейся Петром I. Он заявлял, что Петр I «по-видимому, думал, что Россию связывает с этой Европой временная потребность в военно-морской и промышленной технике, кото-

рая там процветала в его время, и что по удовлетворении этой потребности эта связь разрывалась». Историк даже утверждал, что царь будто бы так говорил по этому поводу: «Европа нужна нам еще на несколько десятков лет, а там мы можем повернуться к ней спиной». Тем самым Петр I будто бы сам четко ограничил цели и пределы европеизации. Но, отмечал В. О. Ключевский, ограничить европеизацию русского общества этими пределами было невозможно. По его словам, «ослабевая в государственной и экономической жизни, западная культура проникала в жизнь общественную, в нравы, понятия и привычки общежития, прививая к нему западные удобства и украшения, пристаивая к нему, как пыль к колесу» [Ключевский, 2010, с. 420]. Отсюда вытекало неизбежное следствие. После Петра I «русское общество и не думало повертываться спиной к Западной Европе» [Ключевский, 2010, с. 421]. Это верно, европеизация страны, резко ускоренная Петром I, продолжала развиваться после него. Но вместе с тем мысль В. О. Ключевского о стремлении царя ограничить европеизацию только сферой, относящейся к науке и технике, к военному и морскому делу, к непосредственным нуждам государства противоречит некоторым сторонам реальной деятельности по европеизации дворянства вообще. Тем более, что сам В. О. Ключевский несколько противоречил в этом отношении сам себе. Он правильно указывал, что «когда иноземная культура навязывается обществу, не чувствующему в ней потребности, необходим механический проводник, который бы искусственными средствами прививал и вводил ее в это общество» [Ключевский, 2010, с. 424]. В роли такого проводника он видел дворянство. Но дворянство, по словам историка, в результате того, что на него была возложена подобная роль, «успело уже связаться с Западом разнообразными нитями, которые трудно было порвать» [Ключевский, 2010, с. 428]. Да и незаметно, чтобы царь как-то пытался порвать эти связи. В отличие от С. М. Соловьева, читавшего публичные лекции о Петре Великом в условиях реформ Александра II, В. О. Ключевский читал курс публичных лекций о европеизации после Петра I в московском Политехническом музее уже в период контрреформ. Сама тема давала ему повод для раздраженного высказывания об особенностях идеологии этого времени. Он отмечал, что «прилив патриотизма и тоска

по самобытности так могущественно захватывает наше общество, что мы, обыкновенно довольно неразборчивые поклонники Европы, начинаем чувствовать какое-то озлобление против всего европейского» [Ключевский, 2010, с. 421]. По существу, этот курс был призван напомнить о прочности петровской европеизации России, которая успешно продолжалась уже без самого царя.

Более точно, чем В.О. Ключевский, о пределах петровской европеизации России говорил уже в период первой мировой войны П.Г. Виноградов. В своей статье «Россия и Европа» он исключительно позитивно оценивал «широкий путь, на который решительно вступил Петр Великий — путь приобщения к великой европейской культуре» [Виноградов, 2010, с. 411]. Он понимал европеизацию России через категорию культуры. Но такое понимание позволяло включать в европеизацию самые разные сферы жизни, относящиеся к военному делу, к технике, к экономике, к государственному строительству, к духовной культуре и разным сторонам быта. П.Г. Виноградов соглашался с В.О. Ключевским, что «Петр и его последователи интересовались прежде всего приобретением технических навыков» в странах Европы. Но он более четко заявлял о социальной составляющей петровской европеизации. Если В.О. Ключевский говорил лишь о дворянстве как о проводнике реформ и европеизации, то П.Г. Виноградов отметил последствия этой европеизации для «зависимой народной массы на Руси». «Кроме хозяйственного и юридического крепостничества получилось разделение по культурным началам», — указывал он, имея в виду разделение этой народной массы и дворянства. Но вместе с тем П.Г. Виноградов указывал и на то, что и для самого дворянства европеизация была ограниченной. Выходило так, что «своеобразным смягчением противоположности (культурной противоположности между народом и дворянством. — Т. А.) являлось полудикое состояние самих правящих классов, для которых наносная культура в значительной степени осталась лишь внешней формой» [Виноградов, 2010, с. 414]. Следовательно, сам культурный уровень старой России ставил пределы европеизации. И если исследователь допетровской европеизации Т.В. Черникова говорила о поверхностном ее характере [Черникова, 2012, с. 845], то П.Г. Виноградов также указывал своим читателем

на столь же поверхностное усвоение европейских начал значительной частью русского дворянства при Петре I и после него. Еще более точно он указал на такую поверхностность в своей более поздней статье «Положение дел в России», написанной уже после революции. «Начавшись с поверхностного влияния в восемнадцатом столетии, соединение русской культуры с культурой Центральной и Западной Европы достигло быстро возрастающей стремительности в девятнадцатом» [Виноградов, 2010, с. 513], — отмечал он. Тем самым европеизацию России петровского времени он также считал поверхностной и ограниченной. Однако в либеральной общественной мысли бытовал взгляд на европеизацию России не только как на ограниченную, но и как на далеко не завершенную. В своем «Общем ходе всемирной истории» Н. И. Кареев, выделяя европеизацию России как значимое явление не только отечественной, но и мировой истории, указывал на ее последствия. Он писал, что «со времени петровской реформы, подготовленной, впрочем, всем предыдущим историческим развитием, Россия мало-помалу заняла свое место в Европе». Это, по его словам, означало, что «высшая культура», под которой он имел в виду западную культуру, нашла свое место и в России, которая до Петра I отличалась своей самобытностью и твердостью исконных начал. Однако Н. И. Кареев подчеркивал, что само вхождение в европейский мир ни при царе-преобразователе, ни после него завершено не было. Поэтому очевидно, что «наша историческая отсталость и до сих пор дает о себе знать» [Кареев, 2010, с. 342]. Это было написано в конце XIX в., однако и в более позднее время отсталость так и не была преодолена.

С. Л. Франк проделал путь от участника революционных народнических и марксистских революционных группировок к легальному марксизму и деятельности в либеральном «Союзе Освобождения», а затем к религиозной философии. В статье «Из размышлений о русской революции», написанной им в эмиграции и опубликованной в 1923 г., он сравнивал процессы «раскрепощения личности и секуляризации культуры» в странах Запада и в России. С. Л. Франк отметил, что на Западе «этот процесс начинается с могущественного и совершенно спонтанного духовного и религиозного движения — с Ренессанса и Ре-

формации». Но в России не было «ни Ренессанса, ни Реформации». Начиналось все в России «сразу как бы с периферии — с секуляризации государственности и связанных с нею внешних, граждански-юридических форм культуры». На этом основании он связывал с Петром I не просто европеизацию России. В своей оценке он шел дальше и заявлял, что «Петр Великий ... был действительно первым русским революционером, и не случайно большевики, при последнем ограблении церквей, ссылались на его пример» [Франк, 2010, с. 282]. Сравнение весьма показательное. Несомненно, что для С.Д. Франка, пережившего революцию и эмиграцию, как и для эмигрантской среды вообще, сравнение Петра I с революционером несло в себе явно негативный смысл. Вместе с тем С.Л. Франк справедливо указал на достаточно широкую распространенность в то время представления о Петре Великом как о революционере на троне.

Таким образом, общественная мысль России либерального направления признавала европеизацию России в качестве органичного исторического явления, вызванного всем ходом развития страны и выражавшего ее потребности. В целом европеизации России при Петре I давалась позитивная оценка. Указывалось при этом на ее незавершенность. С общей оценкой европеизации России была связана оценка личности и деятельности самого царя-преобразователя, в том числе в связи с его ролью в укреплении в России государства и самодержавного строя.

2.2. Либералы о роли Петра I в создании условий для развития личности, укреплении государства и самодержавия

Петровская европеизация в конечном счете являлась средством, необходимым в условиях нового времени для укрепления государства. Само такое укрепление виделось как упрочение самодержавной власти, которое определялось как общая цель реформ Петра I, что являлось предметом обсуждения в общественно-политических дискуссиях. Но между тем имел место и несколько

иной взгляд на соотношение цели и методов в реформах Петра I, при котором как раз укрепление государства и власти также не выходило за рамки средства, направленного на достижение более общей и далеко идущей цели. Такой целью было обеспечение условий для всемерного развития личности. Что касается высказываний на этот счет российских либералов середины — второй половины XIX в., то в них очень четко прослеживается представление о европеизации России в ходе реформ Петра I как о явлении, глубоко прогрессивном и положительном в своей основе. Подобное отношение к реформам определялось тем, что в них формировались условия, при которых на русской почве могла, хотя и постепенно, возникнуть свободная личность, получавшая условия для своего развития. Идея свободы как цели исторического развития человечества была четко указана Гегелем. По его словам, «конечною целью мира было признано сознание духом его свободы». А от признания духом свободы Гегель видел «действительность его свободы» и от свободы как осознанной духом идеи к свободе как реальной действительности. «Эта конечная цель есть то, к чему направлялась работа, совершавшаяся во всемирной истории; ради нее приносились в течение долгого времени всевозможные жертвы на обширном алтаре земли» [Гегель, 1993, с. 72], — утверждал великий немецкий философ. Эту идею полностью принимало либеральное направление русской общественной мысли и государственная школа русской историографии, к которой принадлежали К. Д. Кавелин и С. М. Соловьев. Свободная и развитая в культурном отношении личность составляла для либеральной идеологии главную ценность, поскольку только при опоре на такую личность возможно было обеспечить развитие общества, продвижение его по пути прогресса. В своей работе «Краткий взгляд на русскую историю» К. Д. Кавелин заявлял по этому поводу, что «индивидуальность есть почва всякой свободы и всякого развития, без нее немислим человеческий быт» [Кавелин, 2010, с. 181]. Соответственно, все то, что могло обеспечить появление такой личности в России, получало с их стороны самую положительную оценку, и с этих позиций оценивались реформы Петра I.

Однако, согласно характеристике К. Д. Кавелина, в России ко времени Петра I в силу сложившихся исторических условий

«индивидуальность не имела простора; начала личности не было вовсе». Между тем такое начало «составляет основание всего европейского развития, что определяло европейскую жизнь» [Кавелин, 2010, с. 180] уже к тому времени. В России же после Смуты утвердились «обязанности всех и каждого нести в пользу государства личную службу, натуральную повинность. Вытекая из начал рабства, эта обязанность простиралась на всю жизнь и на все потомство» [Кавелин, 2010, с. 179], — писал он. Совершенно очевидно, что при таком положении личности условий для развития общества и государства К. Д. Кавелин не видел. Однако это не означало, что Россия была исторически обреченной на рабство страной. «Начало личности было и у нас исстари и рвалось на свободу. Беглецы, разбойники, казаки как другая сторона медали. Дикая, безграничная, необузданная воля, воспетая в особом отделе народной литературы», — писал он. Отсюда — противоречия «индивидуальности ... с крепостным началом» во внутренней жизни страны, и отсюда же — «неспособность индивидуальности создать гражданский быт» [Кавелин, 2010, с. 181].

Мы видим, что освобождение личности являлось конечной целью реформ, неизбежных, с точки зрения К. Д. Кавелина, для дальнейшего развития страны. «Начало личности», имевшееся исторически в России, составляло предпосылку ее достижения. В европейском устройстве виделось направление движения к этой цели. Но необходима была личность, которая могла взять на себя исключительно сложную миссию такого перехода. К. Д. Кавелин видел ее в Петре I. Он подчеркивал, что «Петр — первая свободная великорусская личность, со всеми ее характеристическими чертами: практичностью, смелостью, широтою, и со всеми недостатками, обусловленными тою средою и теми обстоятельствами, при которых она появилась» [Кавелин, 2010, с. 182]. В этих словах К. Д. Кавелин, конечно, противоречит сам себе. Если он видел первую свободную личность в России только в Петре I, то откуда же тогда имелись «исстари» начала свободной личности? Но главное было то, что он мог видеть свободную личность в этом царе, разрывавшим со многими устоями и традициями русской жизни и придворного быта.

По мнению К. Д. Кавелина, только такая свободная и крупная личность, как Петр I, могла не просто поставить задачу преоб-

разований в стране в европейском духе. «С Петром Великим начало личной свободы было поставлено в России как программа, как требование». И далее следует прибавление, необходимость которого К. Д. Кавелин хорошо осознавал, поскольку глубоко знал внутреннюю жизнь страны петровского и послепетровского времени: «которое должно было постепенно осуществиться в действительности». В самом деле, очень постепенно. До утверждения свободы в России было еще очень далеко. Основы всеобщей несвободы, заключавшиеся в прикреплении высшего класса русского общества к службе, а остальных к тяглу или к земле, при Петре Великом не только сохранились, но и укрепились. Но первым шагом к свободе, как указывал К. Д. Кавелин, являлся решительный слом Петром I старых порядков. «Первая личность — Петр Великий — наносит сильнейший удар исторически образовавшимся общественным разрядам». На их место царь «ставит идею государства, которому все и каждый должен служить». В результате он получил «выигранное государственное начало». Но далее на пути к свободе следовало эту идею провести «очень искусно», «идя постепенно сверху вниз, от высших слоев русского общества к низшим» [Кавелин, 2010, с. 183]. Таким образом, государство Петра I и его власть оказались инструментом, с помощью которого царь начинал вести общество к свободе. Согласно К. Д. Кавелину, государство в России проводило постепенное освобождение сословий — вплоть до отмены крепостного права при Александре II. Столь положительное отношение К. Д. Кавелина к государству в России не случайно. Оно в полной мере соответствует не только идеологии либерализма, но и составляет одно из положений государственной школы русской исторической науки, основы которой К. Д. Кавелин закладывал. В свете этого положения движение России к свободе способно осуществлять только государство, но не само общество. Поэтому государство и государственный строй, в том числе укрепление при Петре I самодержавия, остались у К. Д. Кавелина вне рассмотрения и вне критики.

Отношение к петровскому самодержавию К. Д. Кавелин четко выразил в своем более позднем труде — «Мысли и заметки о русской истории». Справедливо указывая, что Петр I не создал самодержавия, что оно «родилось с Великороссией» [Кавелин, 2010,

с. 265], он подчеркивал, что при этом царе самодержавию было придано новое качество. Состояло оно в том, что царь собственным примером «вписал навеки в наш государственный устав, что власть есть труд, подвиг, служба России, прежде всех и больше всех». Тем самым он «своим лицом и своею жизнью укрепил царскую власть, начавшую было перед ним колебаться». По его словам, «в этом его величайшая, бессмертная заслуга перед Россией» [Кавелин, 2010, с. 266]. Идеализация петровского самодержавия в этих словах несомненна. Но в них заключалась не просто идеализация, но настоящий гимн петровскому самодержавию, прочно соединенному с идеей свободы. Мысль более чем сомнительная. К тому же в шестидесятые годы, когда был создан этот труд К. Д. Кавелина, в общественной мысли России все более утверждались идеи противоположной направленности с резко критическим отношением к самодержавию.

Но если К. Д. Кавелин рассматривал связь между идеей свободы личности и укреплением государства и власти Петра I с позиций русской философии истории, то С. М. Соловьев подходил к анализу этой связи как историк, на основании большого эмпирического материала, которым он владел и который демонстрировал слушателям своих публичных чтений. Поэтому для него шаги на пути к свободе личности, делавшиеся уже при Петре I, приобретали вполне конкретное выражение. Для этого он показывал, какое наследство оставляло Петру I Московское государство периода первых царей из династии Романовых, да и более раннего времени. «Нравы были грубы» [Соловьев, С. М., 1984, с. 63], — так определял он одну из важнейших культурно-исторических характеристик этого государства и общества. Для этого, казалось бы очевидного, положения он приводил два очень четких доказательства. Одно состояло в том, что имело место «затворничество женщины», и это было «доказательство ясное и неопровержимое». Объяснял он затворничество тем, что «женщина не могла быть безопасна в обществе, на улице» [Соловьев, С. М., 1984, с. 64]. Это имело неблагоприятные последствия для общественных нравов. Как указывал С. М. Соловьев, «удаление женщины, бывшее необходимым следствием грубости нравов и отсутствия безопасности, в свою очередь производило еще большее огрубление нравов» [Соловьев, С. М.,

1984, с. 103]. Еще одним примером такого состояния нравов в русском обществе было нахождение городского населения под воеводской властью. Отсюда, указывал С. М. Соловьев, «одним из первых внутренних преобразований ... было высвобождение городского промышленного народонаселения от власти воевод, самоуправление промышленного сословия» [Соловьев, С. М., 1984, с. 97]. Такое положение городского населения вытекало из общего состояния государства. Как подчеркивал С. М. Соловьев, самому воеводе, назначенному в город на управление, «бедное государство не могло дать ... жалования». Но оно «предоставило ему содержаться доходами с управляемой им местности, кормиться за ее счет» [Соловьев, С. М., 1984, с. 23–24], что вызывало очень большое недовольство посадского населения. И, конечно же, в качестве важнейшего фактора, обусловившего грубость нравов, он указывал на крепостное право. Но его С. М. Соловьев объяснял отсутствием у государства материальных средств на решение оборонительных задач, на иной способ содержания войска. «Прикрепление крестьян — это вопль отчаяния, испущенный государством, находящимся в безвыходном экономическом положении», — писал С. М. Соловьев. Но он справедливо отмечал, что в таком же положении находились также «посадские, тяглые люди, промышленники, торговые люди» [Соловьев, С. М., 1984, с. 23]. Несвободное состояние касалось, по существу, всех. В полной мере это относилось и к служилым людям, составлявшим верхушку русского общества. С. М. Соловьев отметил типичное поведение служилого человека при выполнении определенных видов службы. При его посылке с поручением, указывал С. М. Соловьев, «давали ему длинный наказ, инструкцию, определявшую с точностью каждое его движение» или, по его образному выражению, «длинный свивальник, которым пеленали взрослого человека». И в таком случае, если при выполнении этого поручения он «встречал какое-нибудь малейшее обстоятельство, непредвиденное в наказе, он останавливался и слал из дальнего места в Москву за новым наказом» [Соловьев, С. М., 1984, с. 95]. Проявлять малейшую самостоятельность он боялся. Такое поведение для несвободного человека вполне типично. С. М. Соловьев указал на вполне конкретные проявления несвободного состояния в Московском го-

сударстве и сделал убедительной мысль о том, что шаги по пути к свободе личности составляли потребность русского общества.

Об укреплении государства и царской власти как власти самодержавной С. М. Соловьев не упоминал, хотя важнейшие правовые источники, которые он очень хорошо знал, на это прямо указывали. Так, подобные положения содержались в Артикуле воинском, Генеральном регламенте, Духовном регламенте и в других документах. Все свое внимание С. М. Соловьев уделял тому, как Петр I использовал свою власть во благо общества. Это начиналось, указывал он, «с преобразования экономического; государство земледельческое должно было умерить односторонность своего экономического быта усилением промышленного и торгового движения» [Соловьев, С. М., 1984, с. 30–31]. Другая задача — получение выхода к морю. Это позволяло России «приобщить ... к мореплавательной деятельности богатых государств, дать возможность разделить их громадные барыши» [Соловьев, С. М., 1984, с. 33]. Не менее важны были перемены в духовной сфере. «Необходимость науки была осознана и провозглашена торжественно», — писал С. М. Соловьев. И это заставляло обратиться «непосредственно к поморским народам, заимствовать у них умелость, практические знания» [Соловьев, С. М., 1984, с. 37]. Но это предполагало необходимость изменений в сложившихся в Московском государстве взглядах на жизнь вообще. Выразились эти изменения в первую очередь в том, что коснулось высшего слоя русского общества, но было особенно заметно разным слоям населения — в перемене одежды на европейскую и бритье бород. С. М. Соловьев верно объяснил социокультурное значение этой меры. По его словам, европейская, то есть «короткая и узкая одежда есть выражение бодрствования, выражение сильной деятельности» [Соловьев, С. М., 1984, с. 72], что было необходимо привить русскому обществу, вывести его боярско-дворянскую верхушку из привычного дремучего состояния. Наконец, это было подавление массовых движений. К ним С. М. Соловьев относился крайне негативно. Это были темные силы старого общества, «которых покой был нарушен тряской, разнообразием нововводимой европейской жизни и которые хотели восстановить прежнее азиатское, степное единообразие». Так, в Астрахани «между заводчиками бунта мы встречаем и ярослав-

ца, и москвича, и симбирян, и нижегородцев; тут действуют раскольники, тут же действуют и стрельцы» [Соловьев, С. М., 1984, с. 111]. Еще опаснее для государства было восстание на Дону. Как указывал С. М. Соловьев, это определялось тем, что «в Москву в одно время собирались два гостя: Карл XII с образцовым западноевропейским войском и Кондратий Булавин с ссыльными и каторжными» [Соловьев, С. М., 1984, с. 113–114]. Победа над восстаниями давала возможность продолжать преобразования. То, что это была очередная победа государства над народом, С. М. Соловьев не указывал. В этом было выполнение царской властью в лице Петра I своих функций и, следовательно, для С. М. Соловьева — оправдание и обоснование сильной царской власти как власти на благо страны. Но о самой царской власти и тем более о самодержавии Петра I С. М. Соловьев не упоминал. Едва ли это случайно. В документах петровского времени царь, конечно же, упоминается как «самодержец всероссийский» и как «самовластный монарх» [Артикул воинский, 1986, с. 327, 331], кем он и был на самом деле. Но в условиях подъема общественного движения и постепенно разворачивавшейся критики самодержавного строя С. М. Соловьев не решился упоминать о петровском самодержавии. Это, как он понимал, могло бы резко снизить положительный образ Петра Великого, который он формировал в своих публичных чтениях.

Продолжение дискуссии западников со славянофилами уже в начале XX в. заметно в труде социолога М. М. Ковалевского «Очерки по истории политических учреждений России». Отвечая на обвинения в адрес Петра I в том, что он не принимал мер к развитию представительного начала в государстве и сформировал бюрократию по западноевропейскому образцу, М. М. Ковалевский указывал, что эти обвинения были «основаны на идеализации слабых зачатков самоуправления, которыми пользовалась в древнем русском государстве община» [Ковалевский, 2010, с. 237–238]. Он подчеркивал, что эпоха Петра I вообще «не была золотым веком представительного образа правления» [Ковалевский, 2010, с. 236]. Сам первый российский император был, по его оценке, «величайший из русских революционеров». Основание для такой оценки состояло в том, что, по словам Ковалевского, царствование Петра I «является поворотным пунктом

в истории России. Если Россия в настоящее время представляет собой европейское государство, то этим она обязана Петру» [Ковалевский, 2010, с. 235]. Следовательно, такое превращение М. М. Ковалевский рассматривал как общую цель петровских реформ. Эти реформы состояли в заимствованиях европейских образцов политической культуры, в том числе способов усиления монархической власти. Он отмечал, что «Франция, Германия, Швеция могли его научить, какими способами монархическая власть уничтожала всякие препятствия, которые ставили ее усилению дворянство, духовенство и третье сословие» [Ковалевский, 2010, с. 236]. Следовательно, реформы Петр I проводил при опоре на сильную монархическую власть. Но после смерти императора, «во время недолгого правления Екатерины самодержавие должно было уступить свою власть бюрократической олигархии» [Ковалевский, 2010, с. 244]. Таким образом, М. М. Ковалевский признавал власть Петра I самодержавной, но не особенно устойчивой. Зависимость ее от обстоятельств, таких как личность монарха, была для него слишком очевидной.

Но если у К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева демонстрируется не просто позитивное, но порой благоговейное отношение к Петру Великому, а их анализ российской истории и деятельности первого императора страны местами содержит настоящий панегирик ему, то совершенно иное отношение к царю было у В. О. Ключевского. В нем нет ни тени благоговения по отношению ни к Петру I, ни, тем более — к институту монархии. Кратко и афористично это свое отношение историк выразил в дневниковых записях. Конечно же, эти записи носят камерный характер, однако они выражали мысли, которыми жило общество на рубеже столетий и которые едва ли В. О. Ключевский скрывал от близких ему по духу и мыслям людей. Поэтому эти высказывания выдающегося историка занимали свое место в общественной мысли своего времени.

Так, если К. Д. Кавелин видел в укреплении начавшейся колебаться царской власти великую заслугу Петра I, то В. О. Ключевский прямо заявлял: «Русские цари — мертвецы в живой обстановке» [Ключевский, 1966, с. 339]. Скорее всего, в этом высказывании историк не имел в виду Петра I. Эта личность была слишком живой в русской истории. Имел в виду он монар-

хов последующего времени, особенно второй половины XIX в., когда загнивание монархии в России проявлялось все более отчетливо. Но все равно, тем самым он все петровские меры по укреплению монархии считал исторически бесперспективными. Петра I он характеризовал в качестве не только самодержца, но и царя-деспота. В его деятельности он видел противоречия между положением его как самодержца и его замыслами и целями, которые он вынашивал в период своего царствования. «Деятельность Петра сплелась из противоречий самодержавного произвола и государственной идеи общего блага; только он никак не мог согласовать эти два начала, которые никогда не помирятся друг с другом» [Ключевский, 1966, с. 385], — отмечал В. О. Ключевский. Это проявлялось, как указывал историк, в ходе петровской военной реформы. «Новый военный порядок Петр создавал не столько официальными указами, сколько письмами, частичными распоряжениями по отдельным случаям без соображения с законом». И делал вывод: «Это не законодательство, а личные распоряжения деспота, вышедшего из рамок закона» [Ключевский, 1966, с. 391]. Замечание совершенно справедливое. Однако не только способ принятия решений, но и внешнюю политику Петра I и ее результаты, в которой традиционно видели одни достижения, за исключением Прутского похода и Прутского мира, подвергал критике В. О. Ключевский. «Через Полтаву он (Петр I. — Т. А.) выходил на большую европейскую дорогу», — констатировал он. И далее указывал: «Он по-прежнему оставался туп к пониманию нужд народа. Но он стал более чуток к условиям своего международного положения: он понял, что начинается игра не по карману». И исключительно яркий вывод: «Предстояла роль нищего богача» [Ключевский, 1966, с. 393]. Мысль совершенно справедливая. Роль России как великой европейской державы, которую она приобрела после Полтавы, не соответствовала экономическому уровню страны. Эту же мысль так же афористично выразил он в своем курсе русской истории: «Внешние успехи новой России напоминают полет птицы, которую вихрь несет и подбрасывает не в меру силы ее крыльев» [Ключевский, 1957, с. 8].

Отсюда и общая оценка деятельности Петра I. По словам В. О. Ключевского, «Петр — деспот, своей деятельностью раз-

рушил деспотизм, готовя свободу своим обдуманном произволом, как его преемники своим либеральным самодержавием укрепляли народное бесправие» [Ключевский, 1966, с. 388]. В этой оценке есть признаки единства с характеристиками Петра I К. Д. Кавелиным и С. М. Соловьевым. Действительно, как и оба его выдающихся предшественника, В. О. Ключевский говорил о подготовке при Петре I свободы. Но результаты этой подготовки усматривались разные. Если оба мыслителя государственной школы полагали, что в этой деятельности царь добился успеха, то В. О. Ключевский указывал на совершенно противоположный итог. Это не удивительно, поскольку после революции 1905–1907 гг., когда появилась эта запись в дневнике, невозможность дальнейшего сколько-нибудь продолжительного существования царского режима не была секретом. Это давало В. О. Ключевскому основание для критики самого Петра I, заключающееся в том, что «Петр не создал ни одного учреждения, которое, обороняя интересы народа и на него опираясь, могло бы встать на защиту своего создателя и его дела после него». Поэтому, по его словам, «Петр был жертвой собственного деспотизма. Он хотел насильем водворить в стране свободу и науку. Но эти родные дочери человеческого разума жестоко отомстили ему» [Ключевский, 1966, с. 385]. Обратной стороной петровского деспотизма, на который указывал историк, было бесправие народа. Об этом он писал так: «Бесправие, покоившееся до поры до времени на привычке, народной инерции, Петр преобразил в организованную силу, в государственное учреждение». И далее — вывод: «против которого надо было бунтовать» [Ключевский, 1966, с. 393]. На такой вывод не были способны К. Д. Кавелин и С. М. Соловьев. Он был несколько неожиданным для историка, баллотировавшегося в ходе выборов во вторую Государственную Думу от кадетской партии. Но состояние самодержавия и недавняя революция давали основание В. О. Ключевскому сделать его.

Таким образом, характеристика реформ Петра I, данная В. О. Ключевским, была глубже, чем у К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева. Он отмечал насилие и деспотические методы проведения петровских реформ, что совершенно исключалось в апологетических оценках царя и его деятельности обоими его выдающимися предшественниками. Однако по сравнению с по-

следующими российскими монархами В. О. Ключевский Петра I явно выделял. Определяя его как самодержца, он при этом подчеркивал, что самодержавие — «не власть, а задача, т. е. не право, а ответственность». Задача же состояла в работе самодержца для «народного блага» — делать то, «чего не в силах делать сам народ». В этом его «единственное политическое оправдание», — подчеркивал В. О. Ключевский. «Неудачное самодержавие перестает быть законным», — писал он в своем дневнике. Поэтому Петр Великий был, по его словам, «единственным самодержцем в нашей истории». Критерий такого понимания в данном случае был очень четкий: «Правление, сопровождающееся Нарвами без Полтав, есть nonsense» [Ключевский, 1966, с. 396]. Несомненно, что такая характеристика самодержавия была навеяна событиями начала прошлого века, за которыми историк очень внимательно следил, и прежде всего поражением в войне с Японией. Петра I он в данном случае явно противопоставлял Николаю II. Но такая характеристика противоречила другой, несколько более ранней записи. Если в предыдущей записи В. О. Ключевский давал понять, что петровское самодержавие что-то делало для «народного блага», то высказывал он и иное отношение к деятельности Петра I по отношению к народу. «Реформа Петра вытягивала из народа силы и средства для борьбы господствующих классов с народом» [Ключевский, 1966, с. 392]. В данном случае В. О. Ключевский был безусловно прав. Следует добавить, что характеристики Петра I, данные В. О. Ключевским, относившимся к либеральному сегменту общественного движения в России, были вместе с тем близки демократически настроенной части русского общества.

На рубеже XIX–XX вв. фактом большого общественного значения стали «Очерки по истории русской культуры», автор которых, выдающийся историк П. Н. Милюков, определял цель реформ Петра I по внутреннему смыслу аналогично тому, казалось бы, как это делал К. Д. Кавелин. Если К. Д. Кавелин говорил о развитии индивидуальности, личности как общей цели петровских реформ, то П. Н. Милюков эту же мысль выражал словами самого царя, которые тот «не раз говорил иностранцам»: «превратить “скотов в людей”». Но, как отмечал П. Н. Милюков, в обращениях «к подданным он выражался несколько мягче: он хо-

чет превратить “детей” во “взрослых” [Милюков, 2010, с. 185]. Роль Петра I как воспитателя народа подчеркивал С. М. Соловьев. По его словам, Петр за свою деятельность по праву удостоился «значения великого учителя народного» [Соловьев, С. М., 1984, с. 52]. Царь использовал при этом разные «воспитательные средства», не останавливаясь и перед тем, чтобы использовать при необходимости «дубинку для взрослых детей». Совершенно иначе оценивал роль Петра I как воспитателя П. Н. Милюков. «Не воспитанный сам, он уже просто потому не может быть воспитателем и педагогом своего народа, что не имеет представления ни о задачах, ни о приемах педагогики» [Милюков, 2010, с. 126], — подчеркивал он, развенчивая благостный искусственный образ Петра Великого как народного воспитателя.

Между тем, для П. Н. Милюкова настоятельная необходимость реформ, проводившихся при Петре I, была очевидна, и вытекала она, по его мнению, из борьбы в стране двух «элементов» — «националистического» и «критического» [Милюков, 2010, с. 170]. Сам «стихийный ход жизни в России сделал победу критических элементов необходимой», — утверждал П. Н. Милюков. И если «националистическое» начало, по его мнению, брало в России верх при первых царях из династии Романовых, то к концу XVII в. возможности развития на началах русской старины были исчерпаны. Поэтому Петром I проводилась реформа, «вытекающая непосредственно из потребностей жизни». Это уже, в свою очередь, предопределяло характер критики традиционных начал русской жизни и перемен в стране. По словам П. Н. Милюкова, «реформа неизбежна, и притом не реформа умеренная, а крайняя, не реформа идеологическая, подготовленная книгой и литературой, а реформа произвольная, стихийная» [Милюков, 2010, с. 169]. Она шла «наперекор» народному сознанию. Проводилась она «сверху» и была для русского общества «насильственная». Ее насильственный характер понимало при этом все русское общество, «те, кто ее проводил, как и те, кто ей противился» [Милюков, 2010, с. 170].

Говоря о власти, необходимой для проведения петровских реформ, П. Н. Милюков не упоминал о самодержавии и деспотизме царя, как это делал В. О. Ключевский. Но он также ставил вопрос о политическом обеспечении реформ. По его мнению,

«между XVI и XVIII веком бюрократия являлась единственным правящим классом». Такое положение стало возможно «в промежулке между распадением боярства и господством дворянства», когда «дворянство, в самый момент своей победы над боярством и казачеством, добровольно уступило бюрократии свою правительственную роль и отказалось от постоянного контроля за ней, какой мог дать дворянству земский собор» [Милуков, 2010, с. 173]. Аналогичную мысль высказывал В.О. Ключевский. «Центр тяжести в первый период — в Боярской думе, во второй в Разряде» [Ключевский, 1966, с. 396], — так характеризовал он политические различия между временем Ивана Грозного и царя Федора Ивановича и временем царствования первых Романовых. Но П. Н. Милуков указывал, что положение бюрократии прочным не было, поскольку «волнения» бунташного века «обнаружили бессилие бюрократии» [Милуков, 2010, с. 174]. Он не видел социального слоя, который был способен серьезно противостоять реформам Петра I, но указывал, что и самому царю в ходе реформ «не на что было опереться» [Милуков, 2010, с. 175]. Отсюда П. Н. Милуков делал вывод, что двигателем реформы была воля и решимость самого Петра I, опору же он находил или в ближайших людях, вроде А. Д. Меншикова, или в офицерах гвардии. Но заменить социальную опору в виде общественного класса это не могло. Поэтому, писал П. Н. Милуков о Петре I, он мог «чем дальше, тем больше чувствовать себя одиноким». И это, «конечно, усилило печать индивидуальности, наложенной им на свою реформу — часто к ее несомненному ущербу» [Милуков, 2010, с. 177]. Такое положение способствовало тому, что царь-реформатор даже не мог обеспечить закрепления своего дела, которому отдал всю жизнь. Не случайно получилось так, что «смерть Петра застала Россию врасплох; и это дорисовывает нам его реформу» [Милуков, 2010, с. 221], — писал П. Н. Милуков. По существу, тем самым историк поднимал еще одну проблему, касающуюся монархической власти в России при Петре I: если К. Д. Кавелин и С. М. Соловьев подчеркивали, что она была направлена на решение задач, стоявших перед страной и русским обществом, если В. О. Ключевский указывал на ее самодержавный и деспотический характер, то П. Н. Милуков подчеркивал ее слабую эффективность.

Таким образом, вопрос о целях реформ Петра I и их политическом обеспечении в виде формы государственной власти занимает заметное место в русской либеральной общественной мысли. Между тем, в ней нет сколько-нибудь прочного единства мнений по этим вопросам. Апологетическое и даже благоговейное отношение к монарху западников К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева находится в самом резком контрасте с резкой критикой либералов более позднего времени, В. О. Ключевского и П. Н. Милюкова. Если К. Д. Кавелин подчеркивал, что конечной целью реформ является развитие индивидуальности и личности, то П. Н. Милюков подтвердил это, но таким аргументом, что ни о каких началах развития индивидуальности и личности речи быть не могло. Подчеркивалось, что сильная власть Петра I обеспечивала саму возможность и ход реформ в стране. Но при этом такая власть прямо характеризовалась В. О. Ключевским как самодержавная и деспотическая, а П. Н. Милюков, кроме того, подчеркивал ее неэффективность. В либеральной общественной мысли на протяжении от середины XIX до начала XX в. просматривается общая тенденция в развитии отношения к Петру I — от апологетики к критической оценке. Она объясняется усилением кризиса самодержавия и революционными событиями начала XX в.

2.3. Научные подходы к оценке личности и деятельности Петра I

Культура пореформенного периода отличалась значительным возрастанием общественного интереса к науке, повышением ее авторитета в обществе. Характерной фигурой в культуре русского общества стал увлеченный наукой разночинец, литературный образ которого воплощен в тургеневском Базарове. Подъем переживало женское образование, и курсистка, живописный образ которой был создан передвижником Н. Ярошенко, также представляла собой типичную фигуру своего времени. Научное знание и создающее его образование выходило на уровень важ-

нейшей ценности общества. Поэтому неудивительно, что в ходе развития самой общественной мысли и в общественно-исторических и общественно-политических дискуссиях все более актуальным становилось научное обоснование высказывавшихся положений и выводов, их соответствие научным данным. При этом общество, воспитанное на позитивистском восприятии самого понятия о науке, считало историю одной из конкретных наук, которая так же, как и естественные науки, решает задачи формирования нового знания в своей области.

Это коснулось, в частности, вопроса о Петре I, личность которого продолжала занимать самое видное место в общественной мысли разных направлений. При этом к середине XIX в. постановка вопросов о жизни и деятельности этого царя как научной проблемы уже имела собственную историю. Первый шаг в формировании научного знания о Петре I, его реформах и его времени был сделан еще в конце XVIII в. в труде купца И. И. Голикова «Деяния Петра Великого». До этого времени о Петре I в России писали много, однако все это никакого научного значения не имело и не выходило за рамки чистой публицистики. Что же касается труда И. И. Голикова, состоящего из девяти толстых книг-«частей» и двух частей с материалами, то его можно признать колоссальным. Основан он был на большом фактическом материале, который автор собирал долго и тщательно, что придавало ему черты научного труда. Свои положения и выводы автор старался подкрепить ссылкой на источники. Вместе с тем в целом колоссальный труд И. И. Голикова на уровень научного исследования все-таки не вышел. Публицистическая его направленность проявляется очень заметно. И. И. Голиков ставил задачу не столько исследовать жизнь и «деяния» царя, сколько дать ответ его «хулителям», в прошлом и в настоящем. Идеализация Петра I И. И. Голиковым слишком очевидна. Но она подкрепляется еще выделением исторического деятеля этого времени, который служил бы для автора своего рода антиподом царю, сосредоточил бы в своей личности самые негативные качества. Это был вовсе не шведский король Карл XII, не предводитель восстания на Дону Кондратий Булавин и даже не царевич Алексей. Таким антиподом для И. И. Голикова стал гетман Мазепа. Это не случайно, поскольку обращение к

теме предательства давало возможность убедительно выстроить вполне демонический образ злой силы, стоявшей за гетманом, которую приходилось преодолевать царю. Труд И. И. Голикова был создан на исходе эпохи Просвещения. Однако он не соответствовал уровню исторической науки своего времени, в которой уже ставился вопрос о критике источников. Он также не соответствовал дворянской культуре того времени, в которой все более отчетливо начинала проявляться критика отдельных сторон деятельности Петра I. В труде И. И. Голикова было, напротив, выражено и подчеркнуто неприятие этой критики со стороны современных автору «хулителей» царя из среды просвещенного дворянства, обвинение этих «хулителей» в «неблагодарности».

Значительно более глубоким по своему научному уровню был замысел следующего общего труда на эту тему — «История Петра I» А. С. Пушкина. Для великого поэта и мыслителя тема Петра I была одной из центральных в его творчестве и особенно близка была ему ввиду того, что одним из его предков был «Арап Петра Великого». Зная о том, что в общественной мысли России имела место как безудержная апологетика Петра I, так и самая резкая его критика¹, А. С. Пушкин сделал попытку уйти от этих крайностей, поняв и представив читателю исторический облик реального царя. Замысел А. С. Пушкина по созданию научного труда о Петре I не был, однако, завершен. Противоречия личности и деятельности первого императора России поэт видел очень четко и собирался дать им анализ. В частности, это касалось петровского законодательства. В черновой записи, относившейся к 1720 г., А. С. Пушкин записал: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плод ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости; вторые жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего; вторые вырвались у нетерпеливого и самовластного помещика». И после этого следовала пометка: «NB. (Это внести в *Историю Пе-*

¹ Н. Я. Эйдельман отмечал, что А. С. Пушкин еще молодым «мог прочесть несколько сочинений, в основном апологетических», о Петре I. (см.: [Эйдельман, Н. Я., 1984, с. 41]).

тра, обдумав)» [Пушкин, 1977, с. 303]. При этом А. С. Пушкин очень высоко оценивал общее направление петровских реформ. «По смерти Петра I движение, переданное сильным человеком, все еще продолжалась в огромных составах государства преобразованного», — указывал он в своей заметке «О русской истории XVIII века». «Новое поколение, воспитанное под влиянием европейским, час от часу более привыкало к выгодам просвещения» [Пушкин, 1976, с. 161], — говорил он о жизненности дела Петра I и о положительном влиянии его на культуру страны.

Крупным трудом середины XIX в. о Петре I стало произведение выдающегося историка Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого». За период с 1858 по 1859 гг. успело выйти в свет шесть его томов. При этом историк не успел выпустить пятый том, но поспешил издать том шестой, в котором раскрывалась острая для общественной мысли периода, предшествовавшего буржуазным реформам, тема конфликта царя с сыном, царевичем Алексеем Петровичем, и трагической его гибели. В этих томах он также опубликовал множество источников. Подход к истории Петра I, над которой Н. Г. Устрялов работал в течение сороковых-пятидесятых годов, он осуществлял с позиций прагматической истории, в которой мысль направлялась на изучение главных условий общественного быта и причины развития промышленности и образования [Веркеенко, 2005, с. 40]. Это относилось к подходам к истории царствования Петра I. Н. Г. Устрялов видел в ней переход к европейским началам жизни русского общества с развитием основных начал русской народности [Веркеенко, 2005, с. 153–154], но не в противоречии с ними. В таком подходе был шаг вперед, но выдержать его до конца Н. Г. Устрялов не сумел. Н. А. Добролюбов, давая в своей работе «Первые годы царствования императора Петра Великого» в целом весьма высокую оценку труда Н. Г. Устрялова, писал, что тот все-таки не всегда мог выйти за рамки того, что давали прежние панегиристы царя, которых было много [Добролюбов, 1962]. Наглядное подтверждение правоты Н. А. Добролюбова было в создании Н. Г. Устряловым образа антипода царя. Но если у И. И. Голикова в роли такого антипода выступал гетман Мазепа, то Н. Г. Устрялов до темы предательства гетмана дойти не успел. Поэтому антиподом царя у него выступала его сестра,

царевна Софья, наделенная историком целым рядом самых отрицательных качеств [Шевцова, 2017, с. 49–50].

Новый этап в научном исследовании истории Петра I, событий и явлений его царствования имел место в «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, основанной на формировании и изучении самой широкой источниковой базы. Петровский период и деятельность царя историк четко вписал в свою общую концепцию русского прошлого. Преодоление тяжелого наследия родового строя и победа государственного начала, которая произошла еще при Иване III, поставила вопрос о путях дальнейшего развития страны. Уже после Смуты, при первых царях из династии Романовых, среди незначительной части верхушки русского общества обозначился интерес к странам Западной Европы, которые ушли вперед в своем развитии, и к их культуре. Заслугой Петра I С. М. Соловьев считал то, что он сам в силу обстоятельств своей жизни проникся этим интересом, осознал, что давало России приобщение к западной культуре, и повел страну по этому пути, вводя ее, в конечном счете, в мир европейских народов. Государство во главе с Петром I стало мощным двигателем истории страны, выводя русское общество на уровень современной и высокой западной культуры. Отсюда не просто самая позитивная оценка историком личности и деятельности царя, но и нередко прямая его апологетика, а также самая резкая оценка массовых народных движений и сил, принимавших в них участие — стрельцов, старообрядцев, донских казаков, полное одобрение всех мер петровского государства по подавлению этих движений.

Основным недостатком прежней историографии Петра I В. О. Ключевский считал то, что в ней он не смог увидеть такой образ царя, который соответствовал бы реалиям русской жизни того времени. В данном высказывании проявлялось известное единство с намерением А. С. Пушкина выполнить сложную задачу исторической реконструкции реального Петра I, которую великий поэт интересно решал в своем художественном творчестве, но так и не успел осуществить в историческом труде. В. О. Ключевский указывал: «Чтобы сделать Петра великим, его делают небывалым и невероятным. Между тем надобно изобразить его самим собою, чтобы он сам собой стал велик» [Ключев-

ский, 1966, с. 326]. Он не мог удовлетвориться только лишь характеристикой Петра I как личности, которая обеспечила своими реформами европеизацию России с последующим ее развитием и вступлением в Европу. В ходе своего анализа четвертого периода русской истории, отнесенного В. О. Ключевским ко времени между 1613 г. (завершение в Смуты в России) и 1855 г. (вступление на престол Александра II, при котором начались буржуазные реформы), историк отводил самое существенное место петровским реформам. Как справедливо отметила М. В. Нечкина, главное в концепции этих реформ, сформированной В. О. Ключевским в «Курсе русской истории», заключалось «в социальном моменте». Этот «момент» состоял, писала М. В. Нечкина, в том, что петровские «реформы, поднявшие мощь государства, очень дорого стоили народным низам, оплатившим их кровью и напряженным трудом, низам закрепощенного народа, построившим здание нового государства, но получившего от него за это лишь усиление крепостной неволи». Этот «момент», подчеркивала М. В. Нечкина, является «“ключом” ко всему последующему» [Нечкина, 1974, с. 535] изложению в лекционном курсе русской истории, относящемуся у В. О. Ключевского к характеристике развития России в послепетровский период. Таким образом, налицо весьма резкое отличие между пониманием сущности и характера реформ С. М. Соловьевым и В. О. Ключевским: в этом аспекте концепция В. О. Ключевского из четвертой части его «Курса русской истории», писавшегося вскоре после завершения первой революции в России, было более современным для русской общественной и научной мысли тех лет, чем это было в концепции С. М. Соловьева. Такой подход отвечал повышенному вниманию к социальной истории, к положению широких слоев населения, к истории массовых социальных движений, которым отличалась вообще культура начала прошлого века, причем не только русская, в условиях углублявшегося кризиса европейской цивилизации.

Важной составной частью реформ Петра I была административная реформа. Ее исследователь П. Н. Милюков находил, что цели ее проведения были весьма конкретные и ограниченные, и в них не было ничего, что относилось бы к развитию индивидуальности. Так, говоря о губернской реформе 1708 г., он прямо связывал ее с потребностями войны со Швецией и ее финан-

сирования: «Устройство губернских касс и расквартировка армии была ближайшей и в начале даже исключительной целью этой реформы» [Милюков, 1905, с. 531]. То же самое относится к исследованию податной реформы при Петре I, проведенном М. В. Ключковым примерно в то же самое время, когда над историей русской культуры работал П. Н. Милюков. Нехватка финансов на государственные расходы, а не какие-то другие обстоятельства, побуждали Петра I проводить переписи, а затем и реформу налогообложения с заменой подворного обложения на подушную подать, писал историк [Ключков, 1911, с. III–IV].

Характер и особенности реформ Петра I раскрываются в свете концепции русской истории, обоснованной П. Н. Милюковым. Для понимания хода истории, согласно П. Н. Милюкову, было необходимо выделение отдельных его периодов, а в рамках периода следовало давать анализ процессов в важнейших сферах жизни. Он отвергал представление об особом пути исторического развития России, который выражали славянофилы, или об особом культурно-историческом типе русских и вообще славян, о существовании которого говорил один из основоположников цивилизационного подхода Н. Я. Данилевский. Но отвергал он и западническое представление о русском заимствовании из стран Западной Европы разных сторон культуры. Это в полной мере касалось характеристики реформ Петра I. Что же касается самих реформ, то, как писала Н. И. Канищева, П. Н. Милюков признавал самую значительную роль в них царя. Но «это влияние носило скорее негативный характер, поскольку открывало путь необдуманном стихийным порывам, сопровождавшимся необоснованными насильственными действиями» [Канищева, 2010, с. 37].

Таким образом, научные подходы к истории Петра I, его личности и деятельности в трудах отечественных историков либерального направления за длительный период второй половины XIX–начала XX в. не оставались неизменными. В их развитии можно выделить два периода. К первому периоду относятся труды историков государственной школы русской историографии — К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева, в которых деятельность Петра I четко вписана в концепцию истории России, а сам царь представлен как личность, обеспечившая вступление России на путь европейской культуры и в систему европейских

государств. Исключительно высокая оценка Петра I с видимыми признаками панегирика царю-преобразователю соответствовала направлению общественной мысли периода накануне и во время буржуазных реформ. В то время надежды на способность самодержавия провести необходимые для страны реформы еще сохранялась. Заметные изменения произошли в исторической мысли конца XIX столетия и начала нового века. Историки этого периода, В. О. Ключевский и П. Н. Милюков, также вписывали Петра I в рамки своих концепций русской истории. Но это уже был совершенно иной образ, в котором не было ни тени панегирического отношения к царю. Критическое отношение в них явно преобладало. Это касалось связи реформ с социальным положением разных слоев русского общества, с вопросом о цене, которую низшие слои населения платили за реформы; отмечалось негативное влияние некоторых сторон личности Петра I на ход самих реформ. Несомненно, что столь критическое отношение к первому русскому императору соответствовало общему состоянию русской общественно-исторической мысли в условиях углублявшегося системного кризиса самодержавия в России, все более глубокого осознания того, что этот политический строй не соответствует новейшему времени и его культуре.

2.4. Противоречия либерального дискурса по вопросу о Петре I

При всей своей стройности и убедительности общественно-исторический дискурс, относящийся к теме Петра I, для нескольких поколений сторонников либеральной идеи имел свои очевидные противоречия. Отчасти такие противоречия вызваны были сложностью и противоречивостью личности самого Петра I и дела, которому он посвятил свою жизнь — дела преобразований в России. Такие противоречия с исключительной художественной силой и убедительностью вскрывал еще А. С. Пушкин, создавший образ Медного Всадника. Великое дело Петра I по подъему России, по преодолению ее отсталости, по введению ее

в круг европейских стран обернулось трагедией маленького человека, каким был герой пушкинской «петербургской повести» Евгений¹, множество других людей, погибших в ходе реформ и войн того времени. Но главное, что эти противоречия определялись самим мировоззрением либеральной среды, ее системой ценностей, культурных и исторических приоритетов и их эволюцией.

Наиболее очевидным было противоречие между взглядами либеральных мыслителей середины — начала второй половины XIX в. на свободную личность как конечную цель петровских реформ и на всемерное усиление крепостнических начал как метод проведения этих реформ — при объективном отсутствии в крепостной стране других методов. Эти две стороны настолько резко противоречили друг другу, что совместить их не представлялось никакой возможности. Определенным выходом из такого положения являлась теория закрепощения и раскрепощения сословий, которая пользовалась признанием в либеральной общественной мысли. Эта теория, сформулированная Б. Н. Чичериным², получила самое широкое признание ввиду своей логической стройности и опоры на фактический материал, которым являлось русское законодательство, вводившее закрепощение сословий и упразднявшее его. В свете этой теории возможно было объяснение того, как заключенная в реформах Петра I и петровской европеизации страны и русского общества

¹ Как писал С. М. Бонди, А. С. Пушкин «без всяких оговорок восхваляет великое государственное дело Петра, созданный им прекрасный город — “полночных стран красу и диво”». Но эти государственные соображения Петра оказываются причиной гибели ни в чем не повинного Евгения, простого, обыкновенного человека. (см.: [Бонди, 1975, с. 465]).

² Б. Н. Чичерину принадлежит классическая формулировка этой теории. Он так раскрывал ее сущность: «Это было укрепление не одного сословия в особенности, а всех сословий в совокупности; это было государственное тягло, наложенное на всякого, кто бы он ни был. Все равно должны были всю жизнь свою служить государству, каждый на своем месте: служилые люди на поле брани и в делах гражданских, тяглые люди — посадские и крестьяне, отправлением разных служб, податей и повинностей, наконец вотчинные крестьяне ... также службою своему вотчиннику, который только с их помощью получал возможность исправлять свою службу государству» (см.: [Чичерин, 1858, с. 227–228]).

идея свободы личности совмещалась с усилением государственной эксплуатации податного населения, тяжести государственной службы, военной и статской, лежавшей на высшем классе населения. Конечно же, было ясно, что никакой свободы личности петровское государство предоставить не могло, но благодаря повороту в сторону европейских стран и европейской культуры оно, во-первых, создавало предпосылки заинтересованности в расширении личных свобод для высшего класса русского общества, который продемонстрировал, начиная с петровского времени, ярко выраженное стремление войти на равных в европейское высшее общество. Во-вторых, усилившееся государство, формой которого стала Российская империя, перестало жить в режиме, требовавшем максимальной концентрации сил для обороны при крайней скудости материальных ресурсов. Оно само перешло к активной внешней политике, которая стала наступательной и направленной на обеспечение для себя не просто места в европейском мире, но ведущего места. Отсюда при постепенном исчезновении постоянной военной опасности с юга, запада и северо-запада государство могло идти на раскрепощение сословий, что началось с Манифеста о вольности дворянства при императоре Петре III. Раскрепощение было шагом на пути к идеалу свободной личности и индивидуальности, но еще не его осуществлением. Однако предпосылки такого движения как раз закладывались реформами Петра I.

Вместе с тем с позиций этой теории не объяснялось, как могло происходить раскрепощение сословий при сохранении активной внешней политики, при наличии тенденции к расширению империи и потребности в колоссальных затратах на военные цели. Эти цели соответствовали амбициям российской императорской власти, но для их достижения не хватало тех материальных средств, которые могла давать экономика страны, остававшаяся по сравнению с западными странами на протяжении XVIII–XIX вв. отсталой, несмотря на меры по ее реформированию.

Резкими были противоречия между пониманием цели всей реформаторской деятельности Петра I историками-западниками государственной школы и В. О. Ключевским. Если первые видели в этих реформах создание предпосылок для развития

начал индивидуальности и свободной личности, то понимание этой цели В. О. Ключевским было более ограниченным и более конкретным. Реформа Петра I, указывал он, «не имела своей целью перестраивать ни политического, ни общественного, ни нравственного порядка, установившегося в этом государстве», и даже «не направлялась задачей поставить русскую жизнь на непривычные ей западноевропейские основы». Задача реформ ограничивалась только тем, чтобы «вооружить русское государство и народ готовыми западноевропейскими средствами, умственными и материальными, и тем поставить государство в уровень с завоеванным им положением в Европе» [Ключевский, 1958, с. 220]. Такое понимание цели реформы более соответствовало отношению к самодержавию в русском обществе на рубеже XIX–XX веков. Это не случайно, поскольку в то время в системе самодержавной власти вообще не видели какой-то способности к постановке целей, направленных на развитие страны. Но мысль В. О. Ключевского была сложнее. Он при этом не отрицал некоторых вполне позитивных последствий петровских реформ для русского общества. По его словам, эта реформа, независимо от своей цели, «взбаламутила всю застоявшуюся плесень русской жизни, взволновала все классы общества ... усвоила характер и приемы насильственного переворота, своего рода революции» [Ключевский, 1958, с. 221]. Указание на «застоявшуюся плесень русской жизни» было вполне понятно российскому либеральному обществу начала прошлого века. Как и упоминание «революции», которую Россия пережила как раз незадолго перед тем, как В. О. Ключевский завершил четвертую часть своего «Курса русской истории». Но в таком понимании хода реформ между историками государственной школы и В. О. Ключевским заключалось еще одно противоречие. Касалось оно движущих сил реформы. Если К. Д. Кавелин и С. М. Соловьев не сомневались в том, что движущей силой их был сам царь-преобразователь, его разум и воля, то В. О. Ключевский в качестве самой активной движущей силы реформ рассматривал русское общество в целом. Это также соответствовало изменениям в общественном дискурсе начала XX века. В то время утверждалось представление о ведущей роли в ходе развития сложных процессов общества, а

социальные предпосылки развития понимались как более важные, чем их политические предпосылки.

Не прослеживается также общей единой оценки не только реформ Петра I, но и самого царя, проводившего эти реформы. Обращает на себя внимание резкий контраст между отношением к царю со стороны либеральных мыслителей более раннего времени и мыслителей-либералов рубежа XIX–XX вв. Взгляд на Петра I как на «великого человека» [Соловьев, С. М., 1984, с. 8] — вот что определяет суть отношения к нему К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева. Объясняя это, К. Д. Кавелин указывал, что «Петр Великий есть полнейший представитель своей эпохи и ее преобразовательных стремлений». «Мысли и заметки о русской истории» К. Д. Кавелина были изданы в период буржуазных реформ; в этот момент его указания на стремления к преобразованиям были близки и понятны либеральному обществу, и это способствовало созданию и укреплению в нем позитивного образа Петра Великого. Конечно же, в сознании этого общества, которое отличалось своим высоким образовательным уровнем, возникал так или иначе вопрос о методах петровских преобразований, которые были жестокими и очень сказывались на положении народа. Но и для этого сомнения К. Д. Кавелин нашел свое объяснение с опорой на исторический подход, что также давало для этого общества убедительный ответ, позволявший понять, почему эти методы были такими. «Формы, в которых они осуществлялись, принадлежат безраздельно времени» [Кавелин, 2010, с. 255], — так объяснял методы петровских реформ К. Д. Кавелин и тем самым как бы обосновывал эти методы и оправдывал Петра I.

Критическое восприятие Петра I было характерно для В. О. Ключевского. При этом историк осознавал величие Петра I, особенно по сравнению с другими российскими монархами. В одной из своих ранних дневниковых записей (от 1866 г.) В. О. Ключевский упоминал «великие тени Петра и Екатерины» [Ключевский, 1966, с. 228]. В дальнейшем он этого не отрицал, но и не настаивал на величии первого российского императора. При этом историк поставил под сомнение сознательность действий его в ходе проведения реформ. В 1893 г. он записал, что «Петр I делал историю, но не понимал ее» [Ключевский,

1966, с. 353]. Он не понимал даже того, что относилось к войне со Швецией. «Петр сунулся в эту войну, как неофит, думавший, что он все понимает», — отмечал В. О. Ключевский. Он подчеркивал, что для осуществления своих идей царь не оставался ни перед какими жертвами, и приводил в качестве примера строительство Петербурга. По словам историка, Петр I «зажал Россию в финском болоте»; Россия «выбивалась из него и потом утрамбовывала его своими костями, чтобы сделать из него Невский проспект и Петропавловскую крепость — гигантское дело деспотизма, равное египетским пирамидам» [Ключевский, 1966, с. 391–392]. Мысль о создании Петербурга на костях по воле Петра I была выражена очень образно и пользовалась большой популярностью. Еще задолго до В. О. Ключевского А. С. Пушкин упоминал «Того, чьей волей роковой Под морем город основался» [Пушкин, 1975b, с. 266]. Вскоре же после кончины В. О. Ключевского, уже во время гражданской войны, М. Волошин выражал идею связи замысла Петра I и города в болоте и на костях почти теми же словами. М. Волошин видел «Горячечный и триумфальный город, Построенный на трупах, на костях Всея Руси — во мраке финских топей». Представлял М. Волошин и само строительство невской столицы: «Топор Петра российский ломит бор И вдаль ведет проспекты страшных просек, Покамест сам великий дровосек Не валится, удушенный рукою — Водянки? Иль предательства? Как знать...» [Волошин, 1992].

Еще более резко изображал Петра I П. Н. Милюков, подчеркивавший, что по своему культурному уровню первый русский император совершенно не был готов к занятиям делами государства. Крайне скудным было его образование. Конечно, и ранее подчеркивалось, что в молодости царь не получил необходимых знаний и должного воспитания. Но конкретные факты, которые приводил П. Н. Милюков, делали эту общую картину совсем удручающей. Историк подчеркивал, что Петр I до конца жизни помнил «науки», выученные в молодости. Он искусно выбивал барабанную дробь, действовал топором на корабле, дергал зубы, готовил фейерверки, говорил по-голландски с моряками (для других разговоров его знаний было недостаточно). При этом у молодого Петра I было «полное отсутствие

интереса к государственным делам и склонность к разгулу, не знавшая ни удержу, ни меры» [Милюков, 2010, с. 168]. Вообще впечатления молодости сказывались на личности царя до конца царствования. По словам П. Н. Милюкова, «среди новой обстановки все старые привычки, вынесенные из Немецкой Слободы, становились все чувствительнее и тяжелее» даже для близких. В результате «против царя составилась какой-то молчаливый пассивный заговор» [Милюков, 2010, с. 178]. Следовательно, в характеристиках П. Н. Милюкова уже не видно ни малейших следов идеализации Петра I. По существу, либеральный общественно-исторический дискурс, поначалу очень позитивно подававший личность Петра I, сменился за весьма непродолжительное время на свою полную противоположность.

Таким образом, в рамках либеральной общественной мысли отношение к Петру I не было постоянным. Оно было противоречивым и менялось в зависимости от социальной и культурной обстановки на протяжении всего пореформенного периода и системного кризиса государственного и общественного строя начала прошлого века. Очевидно, что в условиях, когда созрели предпосылки для революционной ликвидации самодержавия, идеализация Петра I становилась анахронизмом. В общественно-историческом дискурсе утверждалось иное восприятие царя. Негативные стороны его личности и деятельности получали явно преобладающее освещение и выводились на первый план.

Либеральная общественно-историческая мысль России признавала европеизацию страны, проводившуюся в ходе реформ Петра I, органичным явлением, соответствовавшим всему ходу российской истории. Подчеркивалась ее объективная необходимость для России. В связи с европеизацией возник вопрос о характеристике русского народа в качестве народа исторического. Поскольку европейский путь исторического развития, которым следовали романо-германские народы Европы, означал историческое движение к свободе, а Россия при Петре I вступила на этот путь, то это уже само по себе обозначало ее место среди исторических народов. Однако Н. П. Карсавин видел критерий для признания народа историческим не в этом, а в том, какую идею несет в себе этот народ, и говорил о русской идее, которую при этом четко не формулировал. Прослеживалась в контек-

сте либеральной общественной мысли также связь между европеизацией России при Петре I и буржуазными реформами при Александре II, в ходе которых виделась дальнейшая европеизация страны, что не мешало либеральным мыслителям обращать внимание на ограниченность петровской европеизации России.

Эволюция заметна в определении цели реформ Петра I. Для либеральной общественной мысли середины XIX в. заметно стремление связать ее цель с идеей Гегеля об историческом движении к созданию условий для всемерного развития индивидуального начала и свободной личности и о свободе как о необходимом условии для этого. Наличие в реформах Петра I этих целей признавали К. Д. Кавелин и С. М. Соловьев. Мысль о движении в ходе реформ Петра I к свободе была высказана В. О. Ключевским, но в своеобразном контексте. Путь к ней лежал, по его утверждению, через деспотический произвол власти, который В. О. Ключевский считал обдуманым, в отличие от движения к свободе. По-разному оценивалась эффективность мероприятий петровской власти при проведении реформ, причем П. Н. Милюков вообще считал эту власть малоэффективной.

Значительное повышение общественного внимания в пореформенный период к науке и рост авторитета научного знания в обществе сказался на внимании к научному обоснованию положений, выдвигавшихся в ходе общественных дискуссий. Поэтому деятельность Петра I рассматривалась с учетом концепций, сформированных исторической наукой. В концепции историков государственной школы европеизация России высвечивается как закономерный процесс в ходе органического развития страны, а Петр I представлен как царь, который повел ее по европейскому пути. Имела место при этом идеализация личности и деятельности Петра Великого. Совершенно иное отношение к Петру I и к его реформам заметно в научной исторической мысли рубежа XIX–XX вв. Оно было значительно более критическим, в нем нет следов апологетики царя. Ставился вопрос о цене, которую платило за петровские преобразования русское общество, прежде всего широкие слои населения. Такое критическое отношение соответствовало изменениям в русской обще-

ственной мысли в условиях становившегося все более очевидным системного кризиса самодержавного строя.

В либеральном общественно-политическом дискурсе имелись несомненные противоречия, относящиеся к Петру I и его реформам. Эти противоречия определялись изменениями в социально-политической обстановке в стране на протяжении периода от середины XIX до начала XX в. Одно из них касалось несоответствия между определением свободы личности как цели петровских реформ и усилением в петровской России крепостнических начал. Такое противоречие имело место в трудах историков государственной школы, определенным выходом из которого была теория закрепощения и раскрепощения сословий. Самые резкие противоречия касались оценки личности Петра I. Если для либералов периода буржуазных реформ царь был великим человеком, который продвигал Россию в европейский мир, то для либералов более позднего времени было характерно указание на его деспотизм, а также на отсутствие его готовности к государственной деятельности и общего плана реформ.

ГЛАВА 3

Российские демократы и революционеры о Петре I

3.1. Петр I и Алексей: демократическая историческая мысль и дискуссия по вопросу о гибели царевича

Со смертью Николая I в России наступил новый период ее исторического развития, в ходе которого произошла отмена крепостного права и другие буржуазные реформы. Но уже до отмены крепостного права при новом императоре Александре II началось время совершенно новое, для которого, по отзывам современников, гласность стала одним из наиболее типичных признаков. Если еще совсем недавно реальные проблемы страны и общества по существу не обсуждались, то в условиях, наступивших после поражения в Крымской войне, «кризис общественного сознания» стал очевидным для общества фактом. Сущность этого кризиса выражалась, по его словам, в том, что «вдруг стало явным абсолютное несоответствие официальной картинки и реальности» [Реформы в России..., 2016, с. 36]. Относилось это в том числе к такой основе существовавшего порядка, как самодержавный строй, что не могло не затронуть сложившегося в русском историческом сознании образа основоположника императорской России Петра Великого. Это было не случайно. Идеология николаевского абсолютизма строилась на почитании первого российского императора как личности, положившей начало могуществу Российской империи и четко определившей ее место среди стран Европы.

Изменения общественного настроения хорошо уловили А. И. Герцен и Н. П. Огарев, издатели альманаха «Полярная

звезда», выходившего в лондонской Вольной русской типографии. В альманахе ими был опубликован некий будто бы обнаруженный неизвестный ранее источник, проливающий свет на обстоятельства гибели царевича Алексея и на роль в этом его отца, Петра I. Это было письмо гвардии капитана Александра Румянцева, адресатом которого был его «друг и благодетель» Дмитрий Иванович Титов. Письмо не было датировано; неизвестно также, кто такой Д. И. Титов и как он был связан с А. Румянцевым. Принято считать, что оно было написано через месяц после гибели Алексея, 27 июля 1718 г. В начале письма гвардии капитан взвешивает аргументы за и против того, чтобы поведать своему другу и благодетелю столь важную и страшную государственную тайну. Для него и открытие тайны означало опасность того, что он станет «изменник и предатель всепресветлого Державца моего», то есть Петра I [Убиение царевича..., 1967, с. 279]. Но он рассудил, что сокрытие от «благодетельца моего» «измена жестокае будет» [Убиение царевича..., 1967, с. 280]. Тем самым Румянцев не только поделился с Титовым своими сомнениями и опасениями, но и подчеркнул, насколько важно держать в тайне все, что касается содержания этого письма. В письме приводятся сведения (со ссылкой на нормы Священного Писания и Уложения 1649 г.) об обвинении Алексея с обоснованием правомерности смертной казни для него за государственное преступление, заключавшееся в умысле на убийство отца и царя.

Кульминация повествования в письме, его смысловая нагрузка — в рассказе о вызове к царю самого Румянцева, а также еще троих — тайного советника Петра Толстого, генерал-поручика Бутурлина и гвардии майора Ушакова. В письме приводятся слова Петра I с обоснованием своего личного отношения к сыну и о необходимости решения его судьбы. «Яко человек и отец и днесь я болезную о нем сердцем, но яко справедливый Государь на преступления клятвы, на новыя измены уже нетерпимо и нам, бо за всякие нещастия от моего сердолубия ответ строгий дати Богу, на царство мя помазавшему и на престол росския державы всадившему» [Убиение царевича..., 1967, с. 283–284], — сказал будто бы им Петр. Но он при этом заявлял, что не хочет «поругать царскую кровь всенародною казнию».

На этом основании говорится о конкретном поручении, которое давал царь: «но да свершится сей предел тихо и не слышно, яко бы ему умерети от естества предназначенную смертью. Идите и исполняйте, такобы хочет законный ваш Государь и изволяет Бог, в его же державе мы вси есмы!» [Убиение царевича..., 1967, с. 284]. Таким образом, из письма прямо вытекает, что царь сам послал Румянцева и его подельников убивать Алексея. Далее следуют подробности самого убийства. Главная из них в том, что они его убили в камере на койке, где он лежал, уложив его «на ложницу спиною повалиши», после чего, «взяв от возглавия два пуховика, главу его накрыли, пригнетая дондеже движении рук и ног». В письме приводятся две даты. Смерть Алексея стала «гласна» «около полудни» 26 июня, и произошла она «якобы от кровинаго пострела». Другая дата — 30 июня, когда «тело его с подобающею сыну цареву честью, перевесно из крепости в Троицкий собор», а затем оно «в склеп поставлено в Петропавловском соборе близ тела его Царевичевой супруги» [Убиение царевича..., 1967, с. 286]. В заключение письма Румянцев еще раз выразил надежду Титову, что «тайна от Вас пребудет». Он приписал, что, «не зная Вас, того и под страхом смерти не написал бы» [Убиение царевича..., 1967, с. 287].

Обвинение Петра I в убийстве сына было очень прямым и конкретным. Но вскоре после публикации письма в «Полярной звезде» известный историк Н. Г. Устрялов выступил с утверждением о подложности этого письма. Свою аргументацию он привел в шестом томе «Истории царствования Петра Великого», посвященном делу царевича Алексея. Как указывал Устрялов, письмо «наполнено грубейшими ошибками историческими» [Устрялов, 1859, с. 294], из которых он решил в доказательство привести две. Так, в письме говорилось, что любовница Алексея, Евфросинья, которую в письме описали как «скарედную чухонку», «в монастырь на вечное покаяние отослана» [Устрялов, 1859, с. 281]. Между тем, отмечал Устрялов, на самом деле было не так. Как писал историк, «царь и царица (Екатерина. — Т. А.) оказывали ей большую милость, как единственному лицу, склонившему царевича возвратиться из Неаполя» [Устрялов, 1859, с. 294]. Вторая ошибка, отмеченная Устряловым, состояла в неправильной дате казни замешанных

в деле Алексея Авраама Лопухина и протопопа Якова Игнатьева. В письме говорилось, что они «достойно смертию казнены» [Убийение царевича..., 1967, с. 281]. Между тем в письме, написанном 27 июля, об этом речи быть не могло. На самом деле, писал Устрялов, «они казнены гораздо после, именно 8 декабря». Отсюда — общий вывод Устрялова. Он состоял в том, что слишком «худо знал составитель письма тогдашние события» [Устрялов, 1859, с. 294]. Кроме того, среди известных личностей петровского времени не значится Дмитрий Иванович Титов, которому гвардии капитан направлял свое письмо. И, по мнению Н. Я. Эйдельмана, «одним из самых серьезных аргументов Устрялова» было то, что до середины XIX в. об этом письме вообще ничего не было известно. О нем, добавлял Эйдельман, не знал в том числе А. С. Пушкин, «который был знаком с разнообразной литературой, ходившей в списках, и даже имел сверхсекретные мемуары Екатерины II» [Эйдельман, Н. Я., 1973, с. 78]. Из этого вытекал другой и более общий вывод о письме как о подлоге.

Очень скоро, в 1860 г., ответ Н. Г. Устрялову давал решительный сторонник подлинности письма, историк, общественный деятель и публицист демократического направления М. И. Семевский. После замечаний Устрялова он не решился прямо говорить об этой подлинности, признав по существу, что «в нем есть серьезные противоречия», но добавляя в скобках: «немногие однако». Тем не менее, он указал на обстоятельства, говорившие в пользу достоверности письма Румянцева. К ним он отнес следующие: «современный колорит», «живость красок при описании самых мелких подробностей», а также «необыкновенная выдержанность рассказа, тон — именно такой, каким должен был говорить верный деньщик Петра Алексеевича», каким был незадолго до описывавшихся событий Румянцев. Еще одним обстоятельством в пользу достоверности письма, приведенным им, было наблюдение за общей ситуацией в культуре того времени. «Подлоги литературные — достояние того периода, в котором литература получила последнее развитие; они являются в эпоху роскоши литературы», — подчеркивал М. И. Семевский. В самом деле, в этом отношении М. И. Семевский был прав. Эпоха литературных мистификаций и подлогов относи-

лась к другому периоду в развитии культуры, но не к третьей четверти XIX в., когда в «Полярной звезде» было опубликовано письмо Румянцева Титову. Временем распространения такого культурного явления была более ранняя эпоха, романтизм, а также отчасти последние годы культуры Просвещения в конце XVIII в. Поэтому М. И. Семевский не представлял, чтобы в пятидесятых годах возникла нужда в подобном подлоге. Составление такого письма потребовало бы высокого искусства и согласования «с характером Петра, с характерами окружающих его лиц». Такое согласование в письме присутствовало. Это делало невозможным изготовление его в другую историческую эпоху, а Устрялов, как он подчеркивал, «не поднял всех этих вопросов» [Семевский, 1860, с. 53]. М. И. Семевский приводил еще два аргумента. Один из них — «фамильные документы» Румянцевых, которые собирал сын А. Румянцева, генерал-фельдмаршал граф П. А. Румянцев. М. И. Семевский писал, что «трудно допустить», чтобы прославленный генерал, «тщательно внося в особую тетрадь все фамильные документы, не отличил бы меж них подделку под письмо своего отца» [Семевский, 1860, с. 57]. К таким фамильным документам он отнес другое письмо Александра Румянцева, приведенное им в качестве еще одного аргумента. Оно относится к несколько более раннему времени, когда царевича только привезли в Москву и когда произошло официальное его отречение от престола вместе с присягой малолетнему царевичу Петру Петровичу как новому наследнику престола. В этом недатированном письме, написанном Румянцевым сыну Д. И. Титова Ивану Дмитриевичу, М. И. Семевский обратил особое внимание на обещание Румянцева Титову: «как тое случится, либо иное выйдет, к вам я паки в Рязань отпишу» [Семевский, 1860, с. 56]. Несомненно, что он имел в виду что-то важное, что представляло интерес и о чем можно было писать. Данное письмо, писал М. И. Семевский, было взято из рукописей генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского и опубликовано еще в 1844 г. князем Вл. К-вым¹ в журнале «Отечественные записки». Июльское письмо Румянцева Д. И. Титову было, таким образом, выполнением обещания, данного в более раннем

¹ Речь идет о князе Владимире Семеновиче Кавкасидзеве.

письме. Сопоставляя между собой тексты двух писем, М. И. Семевский указывал, что «манера рассказа, тон тождественны в обоих письмах» [Семевский, 1860, с. 57].

Тем самым четко обозначились две точки зрения по вопросу о подлинности письма Румянцева Титову. Отсюда возникала источниковедческая проблема, относящаяся к внутренней критике источника и касающаяся вопроса о его достоверности. Н. Я. Эйдельман рассматривал версии происхождения письма. Он не соглашался с мнением о подлоге, совершенном публикатором письма князем Кавкасидзевым. По его мнению, наиболее вероятным составителем опубликованного Кавкасидзевым текста письма был некий Андрей Гри...¹. Он «помнил и знал самого Александра Румянцева, умершего в 1749 г. (именует того своим “высоким благотворцем”, “незабвенным и достохвальным, в бозе почившим родителем вашего сиятельства”)» [Эйдельман, Н.Я., с. 94], обращаясь к сыну А. Румянцева, генерал-фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву. Согласно Эйдельману, письмо появилось вскоре после смерти самого царя, когда греческий автор Катифор написал сочинение «Житие Петра Великого», изданное в 1737 г. в Венеции. В нем содержались в переводе на греческий язык некоторые документы, в том числе письмо Румянцева сыну Д. И. Титова Ивану, текст которого приводился в 1844 г. князем В. С. Кавкасидзевым, а в 1860 г. М. И. Семевским. Не ранее 1743 г., указывал Эйдельман, письмо из сочинения Канифора было переведено на русский язык секретарем коллегии иностранных дел Степаном Писаревым. После этого появился окончательный текст письма, который возник в результате редактирования переведенного Писаревым письма, сделанного А. Гри... . Как писал Эйдельман, вероятно, что «Андрей Гри... действительно скомпилировал и украсил из лучших побуждений, для фельдмаршала Румянцева, отрывки из писаревского перевода Катифора». Отсюда, по его мнению, «очень вероятно», что письмо Румянцева И. Д. Титову «подлинное» [Эйдельман, Н.Я., с. 95]. Подобное редактирование письма было, по мнению Эйдельмана, не случайным. В середине XVIII в. история «еще не полностью отделилась от литерату-

¹ Вероятно, подпись с сокращением фамилии.

ры», и принцип «строгой научности» еще не вытеснил окончательно наивного своеволия древних летописцев, вводивших в чужие тексты различные вставки и вовсе не подозревавших, что это — “нельзя” [Эйдельман, Н.Я., с. 94–95].

Таким образом, по мнению Н. Я. Эйдельмана, письмо Румянцева И. Д. Титову, опубликованное князем В. С. Кавкасиdzeвым, было подлинным. По поводу же письма Румянцева Д. И. Титову, опубликованному в «Полярной звезде», Эйдельман высказывался более осторожно. В отличие от М. И. Семевского, он не утверждал, что оно подлинное. Но и, в отличие от Н. Г. Устрялова, он не объявлял его подделкой. По его словам, признание подлинности письма Румянцева Ивану Дмитриевичу Титову «еще не доказывает подлинности» более позднего письма Румянцева Дмитрию Ивановичу Титову. По словам историка, это более позднее письмо «могли подделать, руководствуясь именно первым документом». Но эту мысль Эйдельман не развивал. Наоборот, он подчеркивал, что если настаивать на этом выводе, то «тут мы уж заходим слишком далеко: фактов нет, всяческие умозрительные построения слишком легки» [Эйдельман, Н.Я., с. 95].

Более определенно о поддельности письма Румянцева Д. И. Титову писал В. П. Козлов, который совершенно определенно отнес его к фальсификациям. «Легко понять деятелей либерально-демократического лагеря в их желании отстоять подлинность письма Румянцева, в котором они увидели документальное разоблачение одной из страниц тайной истории российского самодержавия» [Козлов, 1996, с. 193], — справедливо подчеркивал он. Вместе с тем, соглашаясь с доводами Н. Г. Устрялова в пользу признания письма подлогом, В. П. Козлов приводил некоторые другие аргументы. Один из них состоит в том, что Румянцев всего через месяц после смерти Алексея «фактически выдает государственную тайну, что грозит не только его карьере, но и жизни. Трудно поверить, чтобы Румянцев рискнул на такой шаг, а любящий его покровитель (Д. И. Титов. — Т. А.) спровоцировал его на это» [Козлов, 1996, с. 195]. С этим невозможно не согласиться. Но важнейшим доказательством подложности письма, не указанным Устряловым, В. П. Козлов считал текстуальное его соответствие с материалами «Розыскного дела» царевича Алексея. Между

тем, подчеркивал он, «Розыскное дело» появилось позже, чем письмо. И еще один аргумент, которого не было у Устрялова, состоял в указании на быстроту появления письма Румянцева. Прошел только месяц после гибели царевича, и за это время Титов, живший в Рязани, узнал об этом, направил письмо Румянцеву с просьбой рассказать об обстоятельствах гибели, и Румянцев 27 июля писал ему подробное письмо. Такой ход событий, по замечанию В. П. Козлова, выглядит «фантастически быстрым» [Козлов, 1996, с. 196].

Еще одним аргументом в пользу признания письма фальсификацией может служить описание непосредственно самого способа убийства царевича с помощью удушения. Удушен был Павел I, правда, не подушками, но шарфом [Зубов, 2007, с. 131].

На этом основании В. П. Козлов подтверждал вывод Н. Г. Устрялова о письме Румянцева Д. И. Титову как о фальсификации, подлоге. В качестве «концепции письма», по его мнению, было, как это не выглядит неожиданно, вовсе не разоблачение Петра Великого и самодержавного деспотизма вообще, а, напротив, стремление «к оправданию поступков царя». Идея письма — «торжество высшей государственной справедливости». При этом фальсификатор был уверен, что Алексей и в самом деле был убит по приказу Петра I. По замечанию В. П. Козлова, действия фальсификатора обернулись «ничем не подтверждаемым историческим мифом», но очень «живучим». Исследователь обращал внимание на то, что по языку письмо соответствовало XVIII в. [Козлов, 1996, с. 197], то есть было составлено весьма умело. Но, поскольку за это столетие нет ни одного списка этого письма, но они есть за первую половину следующего века, то именно в XIX в. следовало искать самого фальсификатора. Таким фальсификатором был, по его мнению, князь В. С. Кавкасидзев. Он, по словам В. П. Козлова, «шел на сознательный обман, обман в высшей степени дерзкий». Но это был обман, «продиктованный его глубокой уверенностью в реальности описанных им событий» [Козлов, 1996, с. 198]. Но если В. С. Кавкасидзев был фальсификатором, старавшимся как-то оправдать Петра I, то письмо его использовалось противниками самодержавия для идейной борьбы с ним.

Но если источниковедческий вопрос о подлинности или поддельности письма Румянцева Д. И. Титову нельзя считать выясненным совершенно определенно и до конца, если в нем остается место для гипотез, то совершенно очевидно, что публикация письма стала значимым фактом общественной жизни страны накануне отмены крепостного права. Во всяком случае, она способствовала дополнительному привлечению внимания к личности и деятельности Петра I, которое вызывалось публикацией труда Н. Г. Устрялова, и особенно его шестого тома, темой которого была трагедия царевича Алексея, а также к оценке самодержавия вообще. Главную мысль, связанную с этими новыми публикациями о Петре I и царевиче Алексее, четко выразил в своем сатирическом стихотворении «Русская история» поэт-сатирик демократического направления Н. Ф. Щербина: «Мы видим — даже Петр Великий Был гениальный самодур» (цит. по: [Веркеенко, 2005, с. 168]). При этом сам А. И. Герцен ссылаясь на удушение царевича, о котором говорилось в письме Румянцева Д. И. Титову. Он писал, что «в виду Алексеевского равелина» «пировал со своими клеветами пьяный отец через несколько часов после того, как задушил измученного пытками сына» [Эйдельман, 1973, с. 96].

Историки обычно обращают внимание на различия между Н. Г. Устряловым, историком благонамеренным, при этом профессионалом и знатоком источников самого высокого уровня, и М. И. Семевским, историком демократических убеждений и также глубоко знавшим источники петровского времени. На самом деле оба историка по вопросу о кончине царевича сходились в главном: царевич погиб, находясь под арестом в Петропавловской крепости, а гибель его соответствовала воле царя. Расхождение между историками было в деталях, хотя и существенных. Так, если Алексей был убит по прямому приказанию Петра I, как это следует из письма Румянцева Титову, то тень на царя падает в большей степени, чем если он погиб в результате пыток, но без прямого царского приказа убивать его. Семевский при этом прямо отмечал вклад Устрялова в изучение негативных сторон истории Петра I и его правления. «Последнее время в различных исторических разысканиях с легкой руки академика Устрялова и с его тяжеловесного VI тома “Истории

царствования Петра”, мало-помалу начали обнажаться темные углы, мрачные стороны великого царствования», — писал он. В этих словах прослеживается еще одна черта сходства между воззрениями Устрялова и Семевского на петровское царствование. Оба считали это царствование великим. Но при этом Семевский особое внимание обращал на негативную сторону этого царствования — на пытки. С позиций историзма, столь характерного для историографии XIX в., Семевский подчеркивал, что Петра Великого за эти пытки осуждать невозможно. Это «все равно, что осуждать его за то, что он не того гуманного взгляда на человеческое достоинство, какое явил Александр I, обнародывая 27 сентября 1801 года знаменитый указ против пыток» [Семевский, 2000, с. 192], — писал он. Тем не менее, утверждение Семевского о подлинности письма Румянцева Титову способствовало развертыванию критики не только Петра Великого, но и самодержавия в целом с либеральных и демократических позиций. Устрялов также, сам того не желая, внес свой вклад в развертывание этой критики.

3.2. «В Петре всегда чувствовался революционер». А. И. Герцен и Н. А. Добролюбов о Петре I

В полной мере принимая версию гибели царевича Алексея, изложенную в письме гвардии капитана А. Румянцева Д. И. Титову, пропагандируя и распространяя ее в своем альманахе «Полярная звезда», А. И. Герцен вместе с тем был далек от того, чтобы видеть в Петре I только лишь чудовищного тирана и убийцу своего сына. Взгляд его на первого российского императора был значительно более противоречивым и соответствовал представлению его о ходе истории страны в целом. В своем анализе процесса развития революционных идей в России Герцен находил для царя место в этом процессе. Причем из рассуждений Герцена следует, что в этом ничего парадоксального не было. Напротив, историческое место Петра Великого

в становлении и развитии революционной идеи в полной мере соответствовало, по мысли Герцена, всему ходу отечественной истории, было для нее органично.

Герцен совершенно определенно указывал на исторические обстоятельства, благодаря которым Петр I занял место в истории России среди революционеров. Определял это место, по словам мыслителя, «византинизм», проникновение которого во внутреннюю жизнь страны имело место еще в далекие киевские времена, когда произошло принятие Русью христианства. В работе «О развитии революционных идей в России» А. И. Герцен отмечал: «Пока наследники Святослава лелеяли мечту о завоевании восточного Рима, этот Рим предпринял и завершил их духовное подчинение» [Герцен, 2010, с. 213]. Отношение Герцена к Византии и к принятию Русью христианства из Византии соответствовало отношению к этому русского мыслителя несколько более раннего времени, П. Я. Чаадаева. К причинам российской отчужденности от европейских народов, в жизни которых «все тогда было одушевлено животворным началом», Чаадаев относил особенности принятия христианства на Руси. «По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения этих народов» [Чаадаев, 1991, с. 33], германцев, принимавших христианство от Рима.

Герцен оценивал византизм как явление, крайне негативно сказывавшееся на развитии страны и русского общества. «Византизм — это старость, усталость, безропотная покорность агонии», — указывал он. Такая характеристика вполне обоснована. Сама Византия, откуда Русь восприняла христианство, была в эпоху раннего средневековья в самом деле государством старым, восходившим к античности, историческое существование которого подходило к концу. Тем не менее, при всех отрицательных сторонах византийского влияния оно не могло остановить процесс исторического развития русского народа, поскольку этот народ «был молод и, в действительности, не чувствовал отчаяния, он скорее ушел с поля битвы, нежели был побежден» византизмом, — отмечал Герцен. Связывая при этом будущее России и русской революции с сельской общиной,

Герцен указывал, что русский народ, «потеряв свои права в городах, ... сохранил их в недрах сельских общин».

Но если община оказалась невосприимчивой к воздействию византинизма, то в ином положении оказались верхи русского общества. Это относилось и к самим монархам. Герцен считал, что если «энергичный человек» занимал «московский престол», то под давлением византинизма он чувствовал себя тяжело и поэтому «старался разорвать тесный круг формальностей, в котором была замкнута его власть». К таким энергичным государям Герцен относил Ивана Грозного, Бориса Годунова и Лжедмитрия I. Борьба этих государей за перемены в стране соответствовала интересам ее дальнейшего развития. «Они видели, что при этом режиме пустых формальностей и действительного рабства страна все более опускалась нравственно, ничего в ней не преуспевало, а местная администрация становилась все более обременительной для подданных, без малейшей выгоды для государства» [Герцен, 2010, с. 218], — указывал он. Однако сделать это им не удалось. И уже после Смутного времени, при первых царях из династии Романовых, по словам Герцена, «псевдовизантийский строй достиг полного расцвета». «Нельзя не отступить в ужасе перед этой удушливой общественной атмосферой, перед картиной этих нравов, являвшихся лишь безвкусной пародией на нравы Восточной империи» [Герцен, 2010, с. 220], — так Герцен характеризовал положение в России до вступления на престол Петра I, в период царствований его деда, отца и старшего брата.

Столь негативная оценка византинизма, которую давал Герцен, предполагала настоятельную необходимость «спасти Россию». Однако спасение, отмечал он, не могло идти «от духовенства, достигшего тогда апогея величия и влияния», не могли его дать также бояре, «сеченые», по словам Герцена, поскольку подвергались при случае телесным наказаниям. «Революция», — вот что, по его оценке, могло спасти страну, и она «вышла из лона самого дома Романовых, дотоле равнодушно и бездеятельного» [Герцен, 2010, с. 221]. Таким выходцем из царствующей династии был, Петр I, который, как писал Герцен, «представлял собой и царизм, и революцию» [Герцен, 2010, с. 223]. Герцен отметил, в чем состояли революционные

перемены, введенные Петром I. Этот монарх-революционер, по его словам, «разорвал покров таинственности, окутывавшей царскую особу, и с отвращением отбросил от себя византийские обноски, в которые рядились его предшественники». Он «не мог удовольствоваться жалкой ролью христианского Далай-Ламы, разукрашенного парчой и драгоценными камнями», и «предстает перед своим народом словно простой смертный». Он замечен как «неутомимый труженик, одетый в скромный сюртук военного покроя», как «кузнец, столяр, инженер, архитектор и штурман». Отсюда Герцен делает вывод, что «Петр Великий был первой свободной личностью в России, и уже по одному этому коронованным революционером» [Герцен, 2010, с. 224]. Этот вывод представлял собой принципиально новый взгляд на Петра I в русской общественной мысли.

Подкрепляя его, Герцен подчеркивал, что «Петр Великий являл собой непрерывный протест против старой России». Авторы комментариев к публикации герценовского труда «О развитии революционных идей в России» отметили, что в ней мыслитель выступал «как против огульного отрицания» петровских преобразований славянофилами, так и «против идеализации» их «западниками-космополитами». По их словам, Герцен тем самым раскрыл их «необходимость и прогрессивное значение». Но он «подчеркивал дальнейшее ухудшение положения народных масс в результате укрепления самодержавно-крепостнического строя» [Андреев-Кривич, 1956, с. 414]. Автор послесловия к более позднему изданию этого труда И. Г. Птушкина отметила, что Герцен в нем выступил как «вдумчивый историк» и «страстный публицист» [Птушкина, 1975, с. 507]. Все это не вызывает сомнения. Вместе с тем авторы послесловий не отметили мысль Герцена о Петре I как революционере. Между тем, в этой оценке как раз содержался новый подход к пониманию и характера самого царя, и исторического феномена революции, и личности революционера. Несомненный, согласно Герцену, революционер, царь не оставлял камня на камне от всех важнейших основ византизма, на которых держались устои московского государства. Но революционное очищение от застарелого византизма вовсе не означало наступления свободы. Это было, по Герцену, не случайно. «Под императорской пор-

фирой в Петре всегда чувствовался революционер», однако в то же время во всех его революционных действиях по разрушению основ старого ему «служили опорой его непреклонная воля и жестокость террориста» [Герцен, 2010, с. 227].

Всякая революция должна была иметь после себя итог не только культурно-исторический, но и социальный. Культурно-исторический итог состоял в разрушении византизма старой русской жизни. Социальный итог также имел место. «Произведенная Петром революция разделила Россию на две части», — указывал Герцен. Одна часть — это «крестьяне свободных и господских общин, посадские крестьяне и мещане». Это «старая Россия, консервативная, общинная, традиционная». Она была «православная или же раскольническая, неизменно религиозная, носившая национальную одежду и ничего не воспринявшая от европейской цивилизации». Другая Россия — «созданное Петром I дворянство, потомки бояр, все гражданские чиновники и, наконец, армия». Эти части населения очень быстро «освободились от своих обычаев», «отреклись от прошлого», они «испытывали радость, расставаясь с неподвижными гнетущими формами московитского режима». В этом Герцен видел доказательство «крайней своевременности революции Петра Великого» [Герцен, 2010, с. 227]. Однако, как подчеркивал Герцен, это была революция, не затронувшая народ ни в малейшей степени. От этой революции народ оставался совершенно в стороне. «Исключая пугачевский эпизод и пробуждение народа в 1812 году, история России — не что иное, как история русского правительства и русского дворянства» [Герцен, 2010, с. 229], — писал он.

По мнению Герцена, в государственной деятельности Петра I имелись признаки, на основании которых он мог быть признан революционером. К ним относилось, во-первых, то, что он совершил переворот во внутренней жизни государства и общества, который состоял в отторжении традиционного московского византизма, во внедрении на его место начал европеизации. И хотя европеизация затронула только верхи русского общества и не оставила своих следов в жизни широких слоев народа, не принадлежавшего к верхам, этот переворот в целом имел, на взгляд Герцена, революционное значение. Он очень сильно

повлиял на экономику и культуру страны, на взаимоотношения в обществе в целом, резко увеличив отрыв дворянства от народа. Еще одним признаком революционности в действиях царя являлось, как считал Герцен, решительное уничтожение им в жизни страны того, что не только устарело, но и служило тормозом в ее развитии. Как и вообще в ходе революционных событий, имелась общественная поддержка перемен, и Герцен указывал на нее. Она шла от части русского общества, которую коснулась европеизация и которая ее приняла. И, наконец, признаком революционного характера действий Петра I, согласно Герцену, явился метод проведения преобразований, который был революционным, или, иначе говоря, насильственным. Направлялся он против противников перемен в жизни государства и общества из разных слоев русского общества.

Значительно позже появления произведения Герцена «О развитии революционных идей в России», уже после выхода в свет труда Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого», свой взгляд на царя и его деятельность выразил другой выдающийся представитель русской революционной демократической мысли, литературный критик Н. А. Добролюбов. Сделал он это в форме своего отзыва на труд Устрялова, весьма положительного. Как и А. И. Герцен, Добролюбов указывал, что реформаторская деятельность Петра I была вызвана реальными условиями, в которых оказалась Россия ко времени его вступления на престол. Подробно об этих условиях Добролюбов не говорил. Но он ссылаясь на то, как Устрялов во «Введении» к «Истории царствования...» охарактеризовал положение России накануне реформ, очень заметно и резко противопоставив «светлую» и «темную» стороны этого положения. Но если «Введение» начинается со «светлой» стороны, относящейся к состоянию Московского государства, то последовавшая за ней «темная» сторона начисто опровергает все положительные характеристики этой страны, только что дававшиеся Устряловым. Добролюбов столь резкую устряловскую антитезу замечал и указывал, что «светлая сторона древней Руси г. Устрялова так богата общими положениями и не представляет почти ни одного факта, тогда как темная состоит исключительно из указаний на факты народной жизни». Следовательно, описание этой темной, негативной сто-

роны Устряловым Добролюбов представлял несравненно более жизненным и достоверным, чем ярко выраженную и в чем-то показную апологетику московской традиции. «Доказывая расстройство народной жизни, он тем самым доказывает несостоятельность и самой государственной системы» [Добролюбов, 1962, с. 7], — писал Добролюбов и вполне соглашался с этим положением Устрялова. Подобное полное несоответствие между описанием «светлой» и «темной» сторон в Московской России, показанное Устряловым, было, как подчеркивал Добролюбов, не случайно. Устрялов, по его словам, «с тем и выставлял» эти противоречия, чтобы «показать разлад действительного хода дел в древней Руси с тем, что должно быть по закону» [Добролюбов, 1962, с. 8]. Из этого следовало заключение об исторической необходимости для России петровских реформ. Его делал Устрялов, а Добролюбов с ним полностью соглашался.

Отсюда Добролюбов делал вывод, что страна и народ оказались в очень сложном положении. Уже при царе Алексее Михайловиче в стране прослеживались изменения. По его словам, «новые чуждые элементы отовсюду пробивались на смену отжившей старины, которая не имела за собой ничего, кроме привычки и невежества». В этом проявлялись определенные его расхождения с оценкой допетровского времени Герценом. Если Герцен видел в России того времени господство византизма, то Добролюбов указывал на появление новых элементов. Поэтому рассуждения Добролюбова были ближе к позиции тех мыслителей и историков, которые указывали на наличие предпосылок для реформ, сложившихся в ходе развития страны в XVII в., прежде всего к подходу С. М. Соловьева. Этот крупнейший историк справедливо указывал, что уже в царствование Алексея Михайловича «в Москве с разных сторон раздавались все громче и громче крики о необходимости перемен, о необходимости заимствования науки, искусства и ремесла у других образованнейших народов» [Соловьев, 1991, с. 157]. На данное положение, высказывавшиеся Соловьевым, справедливо указывал советский исследователь его творчества В. Е. Иллерицкий, подчеркивавший, что для преобразований «условия создавались лишь в царствование Алексея Михайловича, и Соловьев в “Истории России...” тщательно прослеживает развитие таких

преобразований» [Иллерицкий, 1980, с. 128]. Герцен, таким образом, прямо отмечал, что имел место революционный разрыв Петра I с традициями старого Московского государства. Добролюбов, напротив, видел тесную связь между Россией времени правления царя Алексея Михайловича, когда потребность в реформах и элементы новой жизни начинали пробивать себе дорогу, и петровским временем, когда эти реформы произошли. По словам Добролюбова, «Петр разрешил вопросы, давно уже заданные правительству самою жизнью народной, — вот его значение, вот его заслуги» [Добролюбов, 1962, с. 10].

Поэтому на роль Петра I как революционера Добролюбов, в отличие от Герцена, не указывал. Не ломкой московского общества были его реформы, но проведением в жизнь того, что уже назрело и составляло потребность страны и русского общества. Это касалось даже тех сторон реформ, которые вызывали наиболее заметное недовольство в разных слоях населения России. Например, известно, что русское общество очень настороженно относилось к западным иноземцам, к их «латинству» и «люторству», причем эти настроения всячески стремилась усиливать церковь. Так, явной враждебностью к иностранцам проникнуто такое произведение народной культуры XVII в., как «Лечебник на иноземцев» [Лечебник на иноземцев, 1977, с. 95–96]. Однако Добролюбов думал иначе. Он писал, что «сближение с иноземцами и заимствование от них обычаев мало-помалу являлось в народе не вследствие административных мер, а просто само собою, по естественному ходу событий в жизни народной» [Добролюбов, 1962, с. 13]. Едва ли эту мысль можно считать правильной. Известно, что явная неприязнь к иноземцам проявлялась в ходе крупнейших народных движений петровского времени — в Астраханском восстании и в Булавинском восстании [Пронштейн, 1961, с. 260; Подъяпольская, 1962, с. 107, 113]. Несомненно, что привлечение иноземцев едва ли соответствовало уровню и традиции культуры русского общества и могло быть им позитивно воспринято. Широкие слои населения России потребности в привлечении на службу в страну иностранцев из стран Западной Европы не испытывали. То же самое можно сказать и о русской знати, и о служилых людях. Без мер административного характера оно едва ли было бы возможно.

По словам Добролюбова, «Петр понял потребности и истинное положение народа, понял негодность прежней системы и решительно ступил на новую дорогу». О понимании царем негодности системы Добролюбов сказал верно. Справедливо он сказал и о том, что петровские реформы «вытекали очень естественно из хода исторических событий древней Руси», имея в виду под древней Русью, конечно же, Русь Московскую. Сомнительным представляется утверждение о понимании царем того, что относилось к народу, то есть его потребностей и истинного положения. Хорошо известно, что при проведении реформ царь-реформатор с потребностями народа считался менее всего, для него существенны были только потребности государства. Это проявлялось при проведении рекрутских наборов, при податном обложении и при строительстве Петербурга, Азова, каналов и в ходе других работ государственной важности. Но главная мысль, которую проводил Добролюбов, состояла в том, что реформы Петра Великого «не были насильственным переворотом в самой сущности русской жизни». Объясняет это Добролюбов тем, что «многие из них были вызваны действительными нуждами и стремлениями народа» [Добролюбов, 1962, с. 15]. Такое объяснение не представляется достаточно обоснованным. В самом деле, соответствие реформ нуждам народа не означает, что при проведении их исключается какое-либо насилие. Известно, что в ходе петровских реформ насилия было немало, и немало людей из разных социальных слоев и групп пострадало от него. Для Добролюбова мысль об отсутствии насилия, между тем, важна как доказательство того, что эти реформы не означали революционных изменений. Такие изменения, судя по словам Добролюбова о соответствии их тому, что назрело в жизни России, имели не революционный, но эволюционный характер, а сам Петр Великий революционером, следовательно, не был.

Таким образом, в революционно-демократической мысли России пятидесятих-шестидесятих годов тема Петра I занимала очень заметное место. Совершенно очевидно, что отношение А. И. Герцена и Н. А. Добролюбова к царю и к его реформам было в целом положительным, эти реформы признавались необходимыми для страны, для дальнейшего развития русского общества. Вместе с тем в отношении к царю-реформатору между

двумя мыслителями имелись принципиальные расхождения. Для Герцена Петр Великий выступал в качестве первого русского революционера, и тем самым им было положено начало теории «Петр — революционер на троне». С точки зрения Герцена, Россия петровского времени представляла собой совершенно новый этап в историческом развитии страны, поскольку в результате революционных действий Петра I традиционный византизм Московского государства был разрушен. Вместе с тем Герцен отмечал, что эта революция не принесла никакой свободы русскому обществу. Взгляд Добролюбова на Петра I был менее радикален, чем герценовский. Добролюбов не видел в царе революционера, теорию Герцена не разделял. По его мнению, Петр I сделал то, в чем назрела для страны настоящая необходимость, а среди русского общества проявлялось и преобладало вовсе не давление византизма и традиций, но стремление к переменам. Поэтому Петр Великий был не революционером, ломавшим старое русское общество, но царем, действовавшим в соответствии с его потребностями. И эти действия имели для страны в целом положительное значение.

3.3. «При Петре все лишились свободной жизни»: Петр I и его реформы в оценке А. П. Щапова и Н. Я. Аристова

Позитивное отношение в целом к Петру I и к его реформам, которое высказывали в русской общественной мысли демократического направления пятидесятых-шестидесятых годов А. И. Герцен и Н. А. Добролюбов, разделялось не всеми. Одним из видных представителей этого направления общественной мысли и общественного движения того времени, историк Казанского университета Афанасий Прокопьевич Щапов, высказывался по отношению к Петру I с совершенно иных позиций. Определялось отношение Щапова к царю и его реформам тем, что его подход к объяснению событий и явлений прошлого России выходил за рамки традиции, сложившейся к тому време-

ни в отечественной историографии. Если традиционно в центре внимания историков оказывалось государство, составлявшее главный объект их исторического познания, то Щапов резко поменял само направление своего исследования российской истории. Он шел к изучению истории народа не от исследования форм государства и их развития, действий органов власти и государей. Для него, как справедливо указывал биограф Щапова Г. Н. Вульфсон, «главный факт в истории есть сам народ» [Вульфсон, 1984, с. 23]. Отсюда историю народа он рассматривал не в зависимости от государства, но само государство, его политику и его властные структуры, начиная с царя, он рассматривал с точки зрения положения народа и влияния государства на народ.

Вместе с тем история народа осмысливалась Щаповым в форме наиболее сильного и яркого явления, в котором выражалось отношение народа к государству и к церкви со второй половины XVII в. К такому движению относился, с его точки зрения, церковный раскол. В нем нашел свое воплощение народный протест против насильственных мер власти в отношении духовной жизни и обрядовой традиции народа, которые наглядно проявились в реформировании церкви при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне.

Щапов при этом справедливо обращал внимание, что старообрядчество, возникшее непосредственно под влиянием церковной реформы при царе Алексее Михайловиче, не только продолжало существовать при Петре I, но и породило новые идеи, вызванные к жизни условиями этого царствования. Как отмечал Щапов, теория «Петр — царь-антихрист», возникшая вне старообрядческой среды и сформулированная в сочинениях переписчика церковных книг Г. Талицкого, была старообрядцами полностью принята. Он писал, что в старообрядческих пустынях господствовало твердое убеждение, что «новое время — время антихристово». Старообрядцы, писал Щапов, также утверждали, что «европейское устройство монархической империи, созданное Петром, есть противонародное уклонение к римскому владычеству». В результате изменилась, по их мнению, сущность русской монархии, а «русские цари со времени Петра стали древнеримскими Императорами, божествами народа».

В таком направлении (по словам Щапова, «мистико-демократическом») раскол усиливался и проникал во все слои общества. Он охватил «большую часть духовенства, дворянства и почти весь простой народ». Вывести его власти не могли «никакою силою, ни казнями в срубях, ни ссылкой, ни поголовным посечением и расстрелянием мятежных защитников старины, и вообще никакими мерами». По утверждению Щапова, даже царевич Алексей пал жертвой в этой борьбе с расколом, поскольку в лице его царь получил «упорного приверженца старины, сочувствовавшего более расколу, чем преобразованиям Петра» [Щапов, 1906b, с. 228]. Сочувствие Щапова в этих условиях старообрядцам совершенно очевидно. Не менее очевидна резко негативная оценка Петра I.

В своем труде «Русский раскол старообрядчества» Щапов рассматривал по преимуществу отношение Петра I к расколу как к религиозной форме народного сопротивления духовному насилию со стороны государства и церкви. Но в несколько более позднем труде, «Земство и раскол», он уже говорил о противостоянии между царем и русским обществом в целом. «При Петре все лишились свободной жизни», — утверждал он. Контроль государства над жителями, относящимися к разным общественным слоям, по мнению Щапова, значительно усилился. «Фискалы на каждом шагу следили за гражданами, тайно подслушивали под окнами их домов, привязывались к зажиточным крестьянам и посадским, к богатым купцам. Каждый дворянин ли, крестьянин ли, купец ли, должен был то и дело ждать “жесткой приказной присылки” из Губернской Канцелярии, из Губернского Приказа» [Щапов, 1906a, с. 487], — таким, согласно Щапову, стал бытовой уклад всего населения. В целом это, конечно же, преувеличение. Петровское государство не имело возможности для подобного всеобъемлющего контроля. Но общее стремление во внутренней политике Петра I к такому контролю, определявшееся идеей регулярного государства, было несомненно, и в этой связи о таком контроле как о цели власти Щапов говорил правильно.

Вместе с тем Щапов критически отнесся к мнению о значительном развитии просвещения в стране благодаря петровским реформам, широко распространенному в русской общественной

мысли, начиная с эпохи Просвещения, и служившему одной из основ апологетики первого российского императора. Мнение Щапова было совершенно другим. Петр I, по его оценке, «для образования русского народа, собственно массы народной, нужно правду сказать, ... ничего не сделал». Он «не основал школ по селам и волостям, не основал школ грамотности народной, школ для рассеяния в народе многочисленных суеверий, византийско-восточных понятий, семейных и общественных, для распространения в массе народной элементарных, общечеловеческих, естественных и гуманитарных понятий». По мнению Щапова, это не означает, что в царствование Петра I вообще не принималось мер для развития образования и просвещения. Он понимал, что меры, направленные на развитие просвещения, были существенной частью петровских реформ. Но все эти меры служили интересам государства и были призваны удовлетворять потребности прежде всего регулярной армии и строившегося флота. «Европейски-просветительное влияние Петра несколько не существовало и не существует для огромной массы крестьянства, мещанства и даже большей части купечества» [Щапов, 1906а, с. 500], — указывал Щапов, подчеркивая, что отсутствие просвещения для народа оборачивалось самой благоприятной ситуацией для широкого распространения в обществе раскола [Щапов, 1906а, с. 501].

Форму выражения общественного протеста против внутренней политики Петра I Щапов, таким образом, видел в старообрядчестве. Но хорошо знавший Щапова и написавший о его жизни и деятельности специальное исследование историк Н. Я. Аристов выделял еще одну форму протеста, которой являлось, по его мнению, разбойничество, причем усиление разбоев в стране он считал неизбежным следствием петровской политики. «Когда Петр Великий начал вызывать рабочих из далеких местностей России для стройки Петербурга, кораблей, гаваней, производил частые рекрутские наборы, стал запрещать свободную деятельность народа торговую, промышленную, мастерскую, народ бежал от тяжелых принудительных требований за границу; в России все глухие места и леса наполнялись постепенно пришлыми и гулящими людьми, являлись даже целые села, о которых не знало правительство. Понятно, что с размно-

жением беглых усиливались мятежи и разбой», — указывал он. Таким образом, разбой были, согласно Аристову, протестом социальных низов России. Разбойниками становились те, кто подвергался рекрутским наборам, кто занимался в допетровское время торгово-промышленной деятельностью и кто жил по селам. Он указывал, что точно такие же люди, какие уходили в леса, перейдя от своего привычного образа жизни к занятию разбойным промыслом, уходили также к казакам. Аристов имеет в виду прежде всего городки донских казаков, где и в самом деле по традиции принимали беглых из внутренней России людей. Следствием такого скопления беглых, подчеркивал Аристов, было не только усиление разбоев, но и народное казачье восстание. «Казачество, увеличивавшееся приливом беглых, первое дружно восстало против новых порядков, которые были не в духе народа», — таков был, как полагал Аристов, результат скопления беглых на казачьих реках. Несомненно, что он тем самым описывал ситуацию на Дону, которая привела в 1707 г. к восстанию под предводительством К. Булавина. Кроме того, писал Аристов, «разосланные стрельцы вполне сочувствовали казакам и зажигали восстания» [Аристов, с. 13].

Как подчеркивал Аристов, народное отношение к разбойникам было вполне положительным — во всяком случае, куда более позитивным, чем к органам государственной власти, к чиновникам, к самому «царю-антихристу». По его словам, народ «сочувствовал добрым молодцам, потому что они нападали преимущественно на притеснителей, стояли за его права и свободу». Согласно наблюдениям Аристова, «помещики и вотчинники постоянно беспокоили правительство своими жалобами на воровских людей». Иное дело — народ, жители не только сел, но и городов. «Жилецкие люди, кажется, больше тяготились стеснительным воеводским управлением, чем разбоями», — писал историк. Но он при этом все-таки оговаривался, что «иногда, впрочем, крестьяне давали приют разбойникам просто из боязни их мщенья» [Аристов, с. 16]; следовательно, в реальной жизни все было более сложно. Отсюда и масштабы разбоев. Аристов приводил пример, что «после (рекрутского. — Т. А.) набора 1716 года гуляли по России шайки разбойников из беглых рекрут, солдат, драгун и матросов, которые во время дня

осаждали и разбивали не только селения, но и города, отворяли тюрьмы и увеличивали ими свои шайки» [Аристов, с. 19]. Как бы подводя итог, Аристов указывал, что «в продолжение всего царствования Петра Великого разбои усиливались, и никакие средства, никакие жестокие меры правительственные не могли ни остановить, ни ослабить их» [Аристов, с. 27]. Таким образом, прямой характеристики Петру I Аристов, в отличие от Щапова, все-таки не давал. Тем не менее, распространение разбоев и увеличение численности разбойников в стране он напрямую связывал с внутренней политикой этого царя, а на сочувствие народа разбойникам, «добрым молодцам», указывал как на наглядное выражение самого глубокого недовольства народа этой политикой и самим царем.

Итак, в демократическом направлении русской общественной мысли пятидесятих-шестидесятих годов положительной в целом характеристике Петра Великого противостояла его резко негативная характеристика, ярко выражавшаяся А. П. Щаповым и Н. Я. Аристовым. Основанием для нее служило распространение в петровское время в стране как раскола, так и разбойничества. Во всех этих сложных по своему социальному и психологическому характеру явлениях оба историка и мыслителя выделяли заметную антиправительственную составляющую, направленную в силу персонификации политики неразвитым массовым общественным сознанием петровского времени непосредственно против царя. Но в условиях всемерного развития гласности, сопровождавшего проведение буржуазных реформ, столь критический подход к личности и деятельности Петра I очень хорошо и с пониманием воспринимался критически настроенной частью русского общества. Он в полной мере соотносился с критическим отношением к реалиям современной ей политической жизни России, основой которой было самодержавие. При этом в сознании этой части общества грань между самодержавием Петра I, усилившем закрепощение всех слоев населения, и самодержавием Александра II, проводившем освобождение общества и буржуазные реформы, полностью стиралась. Поэтому критика Петра I А. П. Щаповым и Н. Я. Аристовым содержала в себе революционно-демократический смысл.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образ Петра Великого в русской исторической памяти относится к одному из наиболее значительных и сильных ее мест, способных пережить века и оставаться на первом ее плане. Становление образа Петра I имело место в пореформенный период и в начале XX столетия, когда в российской общественно-исторической мысли высказывались разные суждения о первом императоре России, которые вписывались в рамки идейной и политической борьбы этого времени.

Отношение к Петру I со стороны государственной власти в значительной степени определялось восприятием его личности последующими российскими монархами. При внешних формах самого глубокого почитания царя-преобразователя и основателя Российской империи оно на самом деле было не у всех русских самодержцев одинаково положительным. Так, для Николая I Петр Великий был не только идеалом монарха, но и своего рода образцом в конкретных действиях. Но (при всем своем почтении к Петру I) уже Александр II понимал, что перед ним стоят совсем иные задачи, и причина этого — в других (по сравнению с петровским временем) культурно-исторических условиях. Новые задачи были связаны не только с укреплением самодержавного строя, но и с удовлетворением стремления общества к участию в общественно-политической жизни и в делах управления.

Не вполне был образцом Петр Великий и для двух последних российских императоров. Для Александра III петровское стремление к восприятию западной культуры не соответствовало его консервативно-патриархальным идеалам и ориентацией на русскую старину и на национальные начала. Николай II по своему культурно-психологическому типу не мог принять грубых методов петровских преобразований, особенно отношения Петра I к

своей семье, когда тот заточил свою первую жену в монастырь и, по существу, согласился на убийство сына-царевича.

Тем не менее, при всем непростом отношении императоров пореформенного времени и начала XX в. к Петру I, в России активно проводились петровские юбилейные торжества. Главенствующей идеей этих торжеств было единение монархии и народа; их основной посыл состоял в том, что только при общих усилиях царской власти и общества возможно, как это было будто бы в петровское время, достижение успехов во внутреннем развитии страны и в просвещении народа. Сами праздничные мероприятия, проводившиеся пышно и с размахом, с привлечением к ним народа, с публикациями в печати сообщений на тему этих праздников, содержали скрытую полемику с критиками Петра I как прошлого времени, когда возникла теория царя-антихриста, так и с современными противниками монархии и первого российского императора. Все эти мероприятия представляли собой своеобразную форму монархической пропаганды, способ внедрения и укрепления в массовом сознании монархической идеи. Со стороны части общества отмечалось весьма критическое отношение к юбилейным торжествам; выражавшееся, к примеру, в публикации сатирического отклика на празднование петровского двухсотлетия.

В пореформенный период и в начале XX в. образ Петра I в русской общественно-исторической мысли оказался в гуще общественно-политической борьбы, развивавшейся на фоне реформ и нараставшего системного кризиса самодержавия. Толчком к активизации петровской темы в рамках общественно-политического дискурса периода начала буржуазных реформ стала публикация в «Полярной звезде» А. И. Герцена письма, якобы направленного гвардии капитаном А. Румянцевым Д. И. Титову со сведениями о тайном приказе Петра I об убийстве царевича Алексея. Историк-демократ М. И. Семевский увидел в этом письме материал, разоблачавший не только Петра I, но и самодержавие вообще. Своими публикациями о репрессивных делах, вершившихся в петровской Тайной канцелярии, он усиливал разоблачительную направленность этой публикации и призывал к преодолению «устряловщины» с ее идеализацией Петра I. Сам же Н. Г. Устрялов приводил убедительные доводы в пользу того, что данное письмо является подлогом и что на самом деле Румянцев такого

письма писать не мог. Спор между М. И. Семеvским и Н. Г. Устряловым приобрел значительную общественно-политическую заостренность. При этом в главном оба историка проводили общую мысль: гибель царевича Алексея произошла в результате мер, принимавшихся Петром I, и вина в ней царя несомненна.

Для отечественной общественно-исторической мысли как консервативного, славянофильского и националистического направления, с одной стороны, так и либерального, с другой, единого отношения к Петру I не прослеживается. В целом в консервативной и даже в славянофильской общественно-исторической мысли позитивное отношение к Петру I было очевидно, причем в отдельных случаях проявлялась апологетика личности и деятельности царя. Но вместе с тем имело место критическое отношение к нему в связи с некоторыми сторонами его деятельности. Так, А. И. Кошелев подчеркивал характерный для методов петровского правления деспотизм, а Ю. Ф. Самарин особое внимание обращал на такое отношение царя к церкви, которое определялось исключительно потребностями его внутренней политики. Консервативная критика Петра I, которая столь наглядно проявляется в публикациях М. Н. Каткова, содержала вывод о создании в результате петровских реформ таких новых основ культуры, которые были способны только лишь к подражанию западноевропейской культуре и ее образцам и не несли в себе творческого начала. Но постепенно М. Н. Катков отошел от такой крайне критической оценки реформ Петра I. Нетипичной для консервативной и черносотенной публицистики была мысль, которую высказывал М. О. Меньшиков. Он полагал, что значение реформ Петра I для новой России можно было поставить в один ряд со значением принятия христианства для Киевской Руси и сопоставлял поэтому Петра I и Екатерину II с княгиней Ольгой и князем Владимиром. Так же, как князь и княгиня, подчеркивал он, приобщили Русь к европейской христианской культуре, так и Петр I и Екатерина II приобщили Россию к культуре неохристианской Европы. На этом основании с М. О. Меньшиковым, типичным черносотенцем начала XX в., связывают нередко так называемое особое консервативное западничество. Не только М. О. Меньшиков, но и другие авторы этого направления положительно оценивали петровские реформы в сфере просвещения. Но резко негативно оценивали они пренебрежение

со стороны Петра I к русской старине и русским обычаям, широкое привлечение на русскую службу иностранцев и отношение царя к первой жене и к сыну.

Мыслители либерального направления подчеркивали глубокую органичность всей деятельности Петра I для развития России, необходимость для нее петровских реформ. Сами реформы, в результате которых Россия заняла свое место среди европейских стран, подчеркивал С. М. Соловьев, позволяли рассматривать Россию как страну европейскую, а русский народ — как исторический народ, наряду с историческими народами романо-германской Европы способный в ходе своего исторического развития вступить на путь движения европейских народов по пути к свободе. В характеристиках Петра Великого К. Д. Кавелиным и С. М. Соловьевым заметны определенные черты апологии царя, в них содержится мысль о том, что петровские реформы представляют собой своего рода образец реформаторской деятельности, опыт, который может быть востребован в новых условиях. Более критическое отношение к петровским реформам и к самому царю выразилось у либеральных мыслителей более позднего времени. Так, В. О. Ключевский указывал на недостатки прежде всего социальной стороны реформ, причем историк подчеркивал, что усиление государства очень тяжело сказалось на положении народа, получившего от петровского государства дальнейшее усиление крепостной неволи. Еще более критический подход к характеристике реформ Петра I содержался у П. Н. Милюкова, отрицавшего за ними какое-либо общее значение для развития страны и видевшего в них лишь средство для решения текущих проблем, встававших перед государством. П. Н. Милюков признавал в реформах самую значительную роль Петра I, но указывал, что царское участие в них играло скорее негативную, чем позитивную роль. В целом в развитии либеральной общественно-исторической мысли за период второй половины XIX—начала XX в. заметна тенденция все более критического восприятия царя.

Не было единства в воззрениях на Петра I и среди мыслителей революционно-демократического направления. Высокая оценка первому российскому императору давалась А. И. Герценом и Н. А. Добролюбовым. При этом А. И. Герценом была

выдвинута идея, согласно которой Петр I выступал в качестве революционера, решительно разрушавшего традиционный русский византизм, негативно сказывавшийся на развитии русского общества и государства, и в этом издатель «Полярной звезды» видел культурный итог петровских реформ. Вместе с тем указывал А. И. Герцен и на их социальный итог, состоявший, по его мнению, в резком разделении русского общества на две части — европеизированное дворянство и чиновничество, с одной стороны, и основную часть общества, сохранявшую свою традиционную культуру. В отличие от А. И. Герцена, Н. А. Добролюбов не видел в деятельности царя революционной ломки старого русского общества и указывал, что проводившиеся Петром I преобразования в целом полностью соответствовали потребностям русского общества в переменах.

Однако положительная оценка царя-преобразователя и его реформ, дававшаяся А. И. Герценом и Н. А. Добролюбовым, в целом не получила поддержки среди ряда других представителей революционно-демократического направления русской общественно-исторической мысли. Резко негативную характеристику деятельности Петра I выражали историки-демократы А. П. Щапов и Н. Я. Аристов, видевшие в широком распространении старообрядчества и разбойничества яркое выражение протеста, направленного непосредственно против царя. Также резко критической в отношении Петра I была точка зрения М. А. Бакунина, видевшего результатом реформаторской деятельности первого русского императора прежде всего систему власти в Российской империи, которая сохранялась в пореформенный период и которая стала играть роль важнейшего тормоза в развитии страны. Столь же критическая характеристика петровской политики выражалась историком Украины А. Я. Ефименко, делавшей вывод, что система имперской власти над Украиной и угнетения ее при опоре на центральный аппарат была заложена в царствование Петра I. Наиболее резкая критика не только деятельности, но и личности Петра I давалась марксистом М. Н. Покровским. В личности царя он видел не великого преобразователя, а прежде всего самодура и насильника с низкой культурой и крайне примитивными вкусами и представлениями, а в его реформах усматривал своеобразное

проявление варварства. Какого-либо положительного результата петровских реформ он не отмечал.

Итак, мы видим, что образ Петра I и дискуссия в отечественной общественно-исторической мысли пореформенного периода и начала прошлого века о его месте в истории являлись важной составной частью общественно-политического дискурса того времени. Такие обстоятельства, как наступление гласности после смерти Николая I, а также ряд юбилейных дат, относившихся к двухсотлетию событий, связанных с Петром I, стимулировали развертывание дискуссий, относившихся к его жизни и деятельности. Хорошо видно, что зачастую взгляд исследователей на Петра I определяется их принадлежностью к одному из традиционных направлений общественно-исторической мысли России: к консервативному, либеральному или революционно-демократическому. Однако конкретное отношение отдельных представителей этих направлений к царю не имеет прямой связи с общей их позицией в идейно-политическом противостоянии своего времени. Так, позитивное отношение к монарху просматривается у разных авторов — представителей не только к либерального, но и консервативного, и черносотенного направлений, а также у демократов и революционеров. То же относится к критике Петра I. Гораздо более явственно прослеживается зависимость оценочных суждений о Петре I от времени. Так, в период нараставшего революционного кризиса в стране начала прошлого века критическое отношение к царю было выражено более ясно и четко, чем в период буржуазных реформ при Александре II.

Несомненно, что для укрепления своих идеологических и политических позиций самодержавие пыталось опереться на мощный и весьма популярный в народе исторический образ Петра Великого, на позитивные результаты его царствования. Но кризис режима в начале столетия был настолько силен, что обращение к этому образу не смогло предотвратить крах самодержавия. Между тем образ царя-преобразователя пережил революционные потрясения. Он постепенно нашел свое место в рамках общественно-исторического дискурса советского и постсоветского времени. Рассмотрение вопроса о месте его в общественно-политической культуре страны советского и современного периода представляет тему особого исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Произведения общественных деятелей

1. Аксаков, И. С. Избранные труды / И. С. Аксаков, К. С. Аксаков. — М.: РОССПЭН, 2010. — 888 с.
2. Апухтин, А. П. По поводу юбилея Петра Первого / А. П. Апухтин // Нива, 1918. — № 30. — С. 467.
3. Артикул воинский // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. — М.: Юрлит, 1986. — Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. — С. 327–389.
4. Бакунин, М. А. Избранные труды / М. А. Бакунин. — М.: РОССПЭН, 2010. — 816 с.
5. Виноградов, П. Г. Избранные труды / П. Г. Виноградов. — М.: РОССПЭН, 2010. — 632 с.
6. Герцен, А. И. Избранные труды / А. И. Герцен. — М.: РОССПЭН, 2010. — 776 с.
7. Добролюбов, Н. А. Первые годы царствования Петра Великого / Н. А. Добролюбов // Собрание сочинений в 9 т. — Т. 3. Статьи и рецензии. Июнь-декабрь 1858 г. — М.; Л.: ГИХЛ, 1962. — С. 58–61.
8. Добролюбов, Н. А. Собрание сочинений в 9 т.: Статьи и рецензии. / Н. А. Добролюбов. Июнь-декабрь 1858 г. — М.; Л.: ГИХЛ, 1962. — Т. 3. — 724 с.
9. Екатерина II. Антидот // Э. Каррер д’Анкосс. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д’Отероша. — М.: Олма-Пресс, 2005. — С. 225–424.
10. Екатерина II. Наказ Комиссии о сочинении нового проекта Уложения. 30 июля 1767 г. // Екатерина II. Избранное. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 115–189.
11. Екатерина II. Размышления о Петербурге и Москве // Екатерина II. Избранное. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 811–812.

-
12. *Кавелин, К.Д.* Избранное / К.Д. Кавелин. — М.: РОССПЭН, 2010. — 608 с.
 13. *Катков, М.Н.* Избранное / М.Н. Катков. — М.: РОССПЭН, 2010. — 584 с.
 14. *Кюстин, А.де.* Россия в 1839 г. / А. де Кюстин. Дневник путешествия по России в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев / Подгот. текста и вступ. ст. Ю.А. Лимонова. — Л.: Лениздат, 1991. — С. 421–660.
 15. *Ленин, В.И.* Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. — М.: Политиздат, 1976. — Т. 36. — 499 с.
 16. *Леонтьев, К.Н.* Избранное / К.Н. Леонтьев. — М.: РОССПЭН, 2010. — 728 с.
 17. Лечебник на иноземцев // Русская демократическая сатира XVII века. — М.: Наука, 1977. — С. 95–96.
 18. *Меньшиков, М.О.* Заветы веков // М.О. Меньшиков. Письма к русской нации. — М.: Изд-во журнала «Москва», 2005. — С. 362–366.
 19. *Милюков, П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого / П.Н. Милюков. — СПб.: Книгоиздательство М.В. Пирожкова. Исторический отдел, 1905. — 678 с.
 20. *Милюков, П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 2 т. / П.Н. Милюков — М.: РОССПЭН, 2010. — Т. 2. — 600 с.
 21. *Михайловский, Н.К.* Из литературных и журнальных заметок 1872 года / Н.К. Михайловский // Полное собрание сочинений. — СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. — Т. 1. — С. 632–970.
 22. *Победоносцев, К.П.* Избранное / К.П. Победоносцев. — М.: РОССПЭН, 2010. — 648 с.
 23. *Плеханов, Г.В.* История русской общественной мысли / Г.В. Плеханов // Сочинения. — М.; Л.: Госиздат, 1925. — Ч. 1. — 362 с.
 24. *Пушкин, А.С.* Евгений Онегин / А.С. Пушкин // Собрание сочинений в 10 т. — М.: Художественная литература, 1975а. — Т. 4. — С. 7–180.
 25. *Пушкин, А.С.* История Петра I. Подготовительный текст / А.С. Пушкин // Собрание сочинений в 10 т. — М.: Художественная литература, 1977. — Т. 8. — С. 5–342.

26. *Пушкин, А.С.* Медный всадник / А.С. Пушкин // Собрание сочинений в 10 т. — М.: Художественная литература, 1975b. — Т. 3. — С. 254–268.
27. *Пушкин, А.С.* О русской истории XVIII века / А.С. Пушкин // Собрание сочинений в 10 т. — М.: Художественная литература, 1976. — Т. 7. — С. 161–165.
28. *Пушкин, А.С.* Стансы / А.С. Пушкин // Собрание сочинений в 10 т. — М.: Художественная литература, 1974. — Т. 2. — С. 90.
29. *Салтыков-Щедрин, М.Е.* Первая русская передвижная художественная выставка // Собрание сочинений в 20 т. — М.: Художественная литература, 1970. — Т. 9. — С. 225–233.
30. *Самарин, Ю.Ф.* Избранные труды / Ю.Ф. Самарин. — М.: РОССПЭН, 2010. — 544 с.
31. *Семевский, М.И.* Критика / М.И. Семевский // Русское слово. — 1860. Январь. — С. 1–66.
32. *Семевский, М.И.* Тайный сыск Петра I / М.И. Семевский. — Смоленск: Русич, 2000. — 640 с., ил.
33. *Стасов, В.В.* Передвижная выставка 1871 года // В.В. Стасов. Избранные сочинения в 3 т. — М.: Искусство, 1952. — Т. 1. — 736 с.: ил., 8 л. портр.
34. *Тальберг, Н.Д.* Надлом Русской Жизни / Н.Д. Тальберг // Святая Русь. — Париж, 1929. — 144 с.
35. *Тихомиров, Л.А.* Избранное / Л.А. Тихомиров. — М.: РОССПЭН, 2010. — 752 с.
36. *Устрялов, Н.Г.* История царствования Петра Великого / Н.Г. Устрялов. — СПб., 1859. — Т. 6. — 628 с.
37. *Франк, С.Л.* Избранные труды / С.Л. Франк. — М.: РОССПЭН, 2010. — 664 с.
38. *Чаадаев, П.Я.* Философические письма. Письмо первое / П.Я. Чаадаев // Избранные сочинения и письма. — М.: Правда, 1991. — С. 21–140.
39. *Чичерин, Б.Н.* Опыты по истории русского права / Б.Н. Чичерин. — М., 1858. — 402 с.
40. *Чичерин, Б.Н.* Собственность и государство / Б.Н. Чичерин // Избранные труды. — М.: РОССПЭН, 2010. — 890 с.
41. *Шашков, С.С.* Всенародной памяти царя-работника / С.С. Шашков // Дело. — 1872. — Июль. — С. 291–324.

Труды историков

42. *Аристов, Н. Я.* Разбойники и беглые времен Петра Великого (1682–1725 г.) / Н. Я. Аристов. Б.м. и г.— 35 с.
43. *Ефименко, А. Я.* История Украины и ее народа / А. Я. Ефименко. — СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1907. — 176 с.
44. *Иловайский, Д. И.* Петр Великий и Алексей / Д. И. Иловайский // Гродненский сейм 1793 года. Последний сейм Речи Посполитой. Историко-биографические очерки. — СПб.: Наука, 2013. — С. 247–286.
45. *Зубов, В. П.* Павел I. Перевод с немецкого В. А. Семенова / В. П. Зубов. — СПб.: Алетейя, 2007. — 264 с., [16 с.] ил.
46. *Карамзин, Н. М.* Избранные труды / Н. М. Карамзин. — М.: РОССПЭН, 2010. — 488 с.
47. *Кареев, Н. И.* Избранные труды / Н. И. Кареев. — М.: РОССПЭН, 2010. — 600 с.
48. *Карсавин, Л. П.* Избранное / Л. П. Карсавин. — М.: РОССПЭН, 2010. — 920 с.
49. *Клочков, М. В.* Население России при Петре Великом по переписям того времени. — Т. 1. Переписи дворов и населения (1678–1721) / М. В. Клочков. — СПб.: Сенат. тип., 1911. — 435 с.
50. *Ключевский, В. О.* Западное влияние в России после Петра / В. О. Ключевский // Избранное. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 415–515.
51. *Ключевский, В. О.* Курс русской истории / В. О. Ключевский // Сочинения в 8 т. — М.: Госполитиздат, 1957. — Т. 3. — 427 с.
52. *Ключевский, В. О.* Курс русской истории. Ч. 4 / В. О. Ключевский // Сочинения в 8 т. — М.: Госполитиздат, 1958. — Т. 4. — 424 с.
53. *Ключевский, В. О.* Петр Великий среди своих сотрудников / В. О. Ключевский // Сочинения в 8 т. — М.: Госполитиздат, 1959. — Т. 8. — С. 314–350.
54. *Ключевский, В. О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / В. О. Ключевский. — М.: Наука, 1966. — 526 с.
55. *Ковалевский, М. М.* Очерки по истории политических учреждений России / М. М. Ковалевский // Избранные труды. В 2 ч. — М.: РОССПЭН, 2010. — Ч. 1. — С. 157–391.

-
56. *Павлов-Сильванский, Н. П.* Феодализм в Древней Руси / Н. П. Павлов-Сильванский // Феодализм в России. — М.: Наука, 1988. — С. 3–149.
 57. *Покровский, М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке / М. Н. Покровский. — М.: Учпедгиз, 1934. — 296 с.
 58. *Покровский, М. Н.* Русская история с древнейших времен / М. Н. Покровский // Избранные произведения. — М.: Мысль, 1966. — Кн. 1. — 725 с.
 59. *Погодин, М. П.* Петр Великий / М. П. Погодин // Избранные труды. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 229–244.
 60. *Рожков, Н. А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) / Н. А. Рожков. — Л.; М.: Книга, 1928. — Т. 5. Конец дворянской революции в России. — 274 с.
 61. *Соболевский, А. И.* Образованность Московской Руси XV–XVII веков. Речь, читанная на годичном акте Императорского С.-Петербургского университета 9 февраля 1892 года / А. И. Соболевский. — СПб., 1892. — 23 с.
 62. *Соловьев, С. М.* История России с древнейших времен / С. М. Соловьев // Сочинения. В 18 кн. — М.: Мысль, 1991. — Кн. 7. — 701 с.
 63. *Соловьев, С. М.* Публичные чтения о Петре Великом / С. М. Соловьев. — М.: Наука, 1984. — 232 с.
 64. *Щапов, А. П.* Земство и раскол / А. П. Щапов // Сочинения в 3 т. — СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1906а. — Т. 1. — С. 451–579.
 65. *Щапов, А. П.* Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII / А. П. Щапов // Сочинения в 3 т. — СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1906б. — Т. 1. — С. 173–450.
-

Материалы периодической печати

66. Азовский вестник. 872.
67. Вестник Европы. 1872.

-
68. Донские войсковые ведомости. 1872.
69. Московские ведомости. 1872.
70. Нива. 1918.
71. Приазовский край. 1896.
72. Санкт-Петербургские ведомости. 1872–1909.
-

Переписка

73. Убиение царевича Алексея Петровича. Письмо Александра Румянцева к Титову Дмитрию Ивановичу // Полярная звезда. Журнал Герцена и Огарева в восьми книгах. 1855–1869. — М.: Наука, 1967.
74. Чехов, А. П. Письмо П. Ф. Иорданову от 16 апреля 1898 г. / А. П. Чехов // Собрание сочинений в 12 т. — М.: Художественная литература, 1964а. — Т. 12. — С. 203–204.
75. Чехов, А. П. Письмо П. Ф. Иорданову от 3 мая 1898 г. / А. П. Чехов // Собрание сочинений в 12 т. — М.: Художественная литература, 1964б. — Т. 12. — С. 205.
-

Изобразительные источники

76. Альбом 200-летнего юбилея Петра Великого / Текст П. Н. Петрова и С. Н. Шубинского. — СПб.: Изд. Германа Гоппе, 1872. — 292 с.
77. Валентин Александрович Серов. М.: Директ-Медиа, 2009. — 48 с.: ил.
78. Василий Иванович Суриков. М.: Директ-Медиа, 2010. — 48 с.: ил.
79. Медали на деяния Императора Петра Великого в воспоминание двухсотлетия со дня рождения преобразователя России, изданные Юлием Иверсеновым. — СПб., 1872. — XXV, 65, XII с.
80. Николай Николаевич Ге. М.: Директ-Медиа, 2010. — 48 с.: ил.

Неопубликованные документальные источники

81. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 473.
82. Министерство Императорского Двора. Церемониальная часть. Оп. 1. Д. 1468. Дело о праздновании в Санкт-Петербурге 200-летия со дня рождения Императора Петра Великого и о рассылке бронзовой медали в память сего события.
83. РГИА. Ф. 473. Министерство Императорского Двора. Церемониальная часть. Оп. 2. Д. 1378. Дело о праздновании в Санкт-Петербурге 200-летия Полтавской битвы.
84. Исторический архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ИАВИМАИВиВС). Ф. 11. Русское военно-историческое общество. Оп. 1. Д. 22. Об издании к 200-летию юбилею Полтавской битвы материалов Северной войны. 1907–1908 гг.
85. ИАВИМАИВиВС. Ф. 11. Русское военно-историческое общество. Оп. 1. Д. 40. Об участии общества в праздновании 200-летия битвы при Лесной и Полтаве. 1908–1911 гг.
86. ИАВИМАИВиВС. Ф. 11. Русское военно-историческое общество. Оп. 1. Д. 47. Отдел общества в Одессе. 1908–1910 гг.

Литература

87. *Андреев-Кривич, С. А.* Du developpement des idees revolutionnaires en Russie / С. А. Андреев-Кривич, Э. С. Виленская, Л. Я. Гинзбург, В. Е. Иллерицкий, Ю. В. Ковалев, Ю. Г. Оксман. О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Собр. соч. в 30 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — С. 412–433.
88. *Аникина, А. Б.* Память как матрица истории (концепция Поля Рикера) / А. Б. Аникина // Память, история, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: материалы международной научной конференции. — М.: Аквилон, 2016. — С. 27–30.

-
89. *Анисимов, Е. В.* Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра / Е. В. Анисимов. — М.: Мысль, 1986. — 239 с.
90. *Архангельский, А. Н.* Александр / А. Н. Архангельский. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 444 с.
91. *Бонди, С. М.* Медный всадник / С. М. Бонди // Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 т. — М.: Художественная литература, 1975. — Т. 3. — С. 464–467.
92. *Бодик, Л. А.* Таганрог. Историко-краеведческий очерк / Л. А. Бодик, Я. Г. Гришков, А. А. Пушкаренко, Л. Т. Тоценко. — Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1971. — 295 с.: илл.
93. *Веркеенко, Г. П.* «Любознательный и честный труженик» Николай Герасимович Устрялов (1805–1870 гг.) / Г. П. Веркеенко, О. Ю. Казакова. — Орел: Каргуш, 2005. — 200 с.: ил.
94. *Волошин, М.* Россия / М. Волошин // Пути России: Стихотворения и поэмы. — М.: Современник, 1992. — 246, [1] с.: ил.
95. *Вульфсон, Г. Н.* Глашатай свободы. Страницы из жизни Афанасия Прокопьевича Щапова / Г. Н. Вульфсон. — Казань: Изд-во Казанского университета, 1984. — 144 с.
96. *Гегель, Г. В. Ф.* Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель. — СПб.: Наука, 1993. — 480 с.
97. *Голикова, Н. Б.* Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа / Н. Б. Голикова. — М., 1957. — 338 с.
98. *Горский, А. А.* «Дает ли господь победить царя злочестива»: «идеологическая» подготовка войны с Ахматом / А. А. Горский // Великое стояние на Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты / отв. ред. И. Н. Берговская, В. Д. Назаров. — Калуга: Издатель Захаров С. И. («СерНа»), 2017. — С. 129–133.
99. *Государева, М. Ю.* «Проект» Петра I об обучении русских дворян за границей в оценке В. О. Ключевского (На примере заграничного путешествия И. И. Неплюева) / М. Ю. Государева // Творческое наследие В. О. Ключевского в истории, культуре и литературе: материалы VI междунар. науч. конф., посвящ. 175-летию со дня рождения выдающегося историка В. О. Ключевского / под общ. ред. Н. П. Берляковой. — Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. — С. 63–66.

-
100. *Грановский, Т. Н.* Лекции по истории средневековья / Т. Н. Грановский. — М.: Наука, 1987. — 435 с.
 101. *Гуревич, А. Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, университетская книга, 2014. — 432 с.
 102. *Гуревич, А. Я.* Уроки Люсьена Февра / А. Я. Гуревич // Февр Л. Бои за историю. — М.: Наука, 1991. — С. 501–541.
 103. *Дианина, К.* Возвращенное наследие: Николай II как новодел / К. Дианина // Новое литературное обозрение. — № 149 [1'2018]. — С. 218–241.
 104. *Донскова, Л. А.* Антокольский Марк Матвеевич / Л. А. Донскова // Таганрог. Энциклопедия. — Таганрог: ООО «Антон», 2008. — 928 с.: ил., карт.
 105. *Зарецкий, Ю. П.* Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография / Ю. П. Зарецкий. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 384 с.
 106. *Зверев, В. В.* Социалистическая модель / В. В. Зверев, С. В. Тютюкин, Д. И. Рублев // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4 т. — М.: РОССПЭН, 2016. — Т. 3. — С. 610–712.
 107. *Зимин, А. А.* Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы XIX века / А. А. Зимин // Исторические записки. — Т. 69. — 1961. — С. 178–196.
 108. *Зограф, Н.* Николай Николаевич Ге / Н. Зограф. — Л.: Художник РСФСР, 1968. — 77 с.: ил.
 109. *Иллерицкий, В. Е.* Сергей Михайлович Соловьев / В. Е. Иллерицкий. — М.: Наука, 1980. — 193 с.
 110. *Каменский, З. А.* Тимофей Николаевич Грановский (Мыслители прошлого) / З. А. Каменский. — М.: Мысль, 1988. — 193 с.
 111. *Канищева, Н. И.* Павел Николаевич Милюков / Н. И. Канищева // Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. В 2 т. — М.: РОССПЭН, 2010. — Т. 1. — С. 5–42.
 112. *Карагодин, А. И.* Философия истории В. О. Ключевского / А. И. Карагодин. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1976. — 71 с.

-
113. *Кеменев, В.С.* Василий Иванович Суриков / В.С. Кемениев. — Л.: Художник РСФСР, 1991. — 240 с.: ил.
 114. *Кизеветтер, А.А.* Реформы Петра Великого в сознании русского общества (1896 г.) / А.А. Кизеветтер // Петр Великий : pro et contra. — СПб.: РХГИ, 2003. — С. 640–669.
 115. *Ковальченко, И.Д.* Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. — М.: Наука, 1987. — 439 с.
 116. *Козлов, В.П.* Тайны фальсификации: Пособие для преподавателей и студентов вузов / В.П. Козлов. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 272 с.
 117. *Конанова, Е.И.* Петр I в русском общественном сознании XVIII — первой половины XIX вв.: конструирование и деконструкция мифологического образа: автореферат дис. ... канд. ист. наук / Конанова Евгения Игоревна. — Ставрополь, 2008. — 27 с.
 118. *Корнилов, А.А.* Курс истории России XIX века / А.А. Корнилов. — М.: Высшая школа, 1993. — 446 с.
 119. *Кузнецова, И.В.* Образ Петра I в оценке петербургских западников (40–50-е годы XIX в.) / И.В. Кузнецова // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. — Серия 2. — Вып. 1. — С. 27–30.
 120. *Лапин, В.В.* Трехсотлетие Дома Романовых и военные юбилеи начала XX века / В.В. Лапин // 400-летие дома Романовых. 1613–2013. Политика памяти и монархическая идея: сборник статей. — СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2016. — С. 164–180.
 121. *Лаппо-Данилевский, А.С.* Методология истории. В 2 т. / А.С. Лаппо-Данилевский. — М.: РОССПЭН, 2010. — Т. 2. — 632 с.
 122. *Ле Гофф, Ж.* История и память / Ж. Ле Гофф. — М.: РОССПЭН, 2013. — 303 с.
 123. *Левандовский, А.П.* Через империю к Европе / А.П. Левандовский. — М.: Соратник, 1995. — 272 с.
 124. *Леонтович, В.В.* История либерализма в России. 1762–1914 / В.В. Леонтович. — М.: Русский путь-Полиграфресурсы, 1995. — 549 с.

-
125. *Леонтьева, О.Б.* Страшен царь Петр: Образ Петра Великого в культуре пореформенной России (1860–1880-е гг.) / О.Б. Леонтьева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2008. — Т. 10. — № 1. — С. 36–47.
 126. *Леонтьева, О.Б.* Историческая память и образы прошлого в российской литературе XIX–начала XX вв. / О.Б. Леонтьева. — Самара: Книга, 2011. — 448 с.
 127. *Лиманова, С.А.* Официальные церемонии в городском пространстве Петербурга и Москвы в царствование Николая II: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Лиманова Светлана Андреевна. — М., 2013. — 30 с.
 128. *Листкова, А.С.* Идентификационные мифы как модификации исторической памяти / А.С. Листкова // Историческая память и культурные символы национальной идентичности: материалы международной научной конференции (Пятигорск, 18–20 октября 2017 г.) — Ставрополь-Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2017. — С. 12–13.
 129. *Лубский, А.В.* Альтернативные модели исторического исследования / А.В. Лубский. — М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. — 352 с.
 130. *Мазур, Л.Н.* Событие в исторической памяти: механизмы формирования, сохранения и трансформации / Л.Н. Мазур // Память, история, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: материалы международной научной конференции. — М.: Аквилон, 2016. — С. 251–255.
 131. *Муратов, А.Н.* Бернштам / А.Н. Муратов // Большая Российская энциклопедия. — М.: Научное изд-во БРЭ, 2005. — Т. 3. — С. 400.
 132. *Нарежный, А.И.* Борис Николаевич Чичерин / А.И. Нарежный // Чичерин Б.Н. Собственность и государство. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 5–54.
 133. *Нарежный, А.И.* Проблема эволюции самодержавия в русской общественной мысли XIX–начала XX вв. / А.И. Нарежный, В.П. Трут // Вестник РМИОН. Исторические, социально-философские и культурные аспекты модернизации России в XIX–начале XXI вв. Южный федеральный

- университет. — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014а. — С. 5–17.
134. *Нарежный, А.И.* Проблемы модернизации самодержавия в русской общественной мысли XIX века / А.И. Нарежный. — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014b. — 204 с.
135. *Нарежный, А.И.* Чичерин Б. Н. о судьбах российской власти в XX веке / А.И. Нарежный // Экономические, социально-политические, исторические аспекты модернизации России (XIX–начало XX в.): материалы научно-практической конференции. — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2013. — С. 179–188.
136. *Нечкина, М.В.* Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества / М.В. Нечкина. — М.: Наука, 1974. — 638 с.
137. *Нора, П.* Как писать историю Франции? / П. Нора // Франция-память / Пьер Нора, Мона Озуф, Жирар де Пюимеж, Мишель Винок. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999а. — С. 66–94.
138. *Нора, П.* Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999b. — С. 17–50.
139. *Павленко, Н.И.* Петр Первый / Н.И. Павленко. — М.: Молодая гвардия, 1976. — 284 с.: ил.
140. *Петинова, Е.Ф.* К.Б. Растрелли. 1675–1744 / Е.Ф. Петинова. — Л.: Художник РСФСР, 1979. — 40 с.
141. *Плюханова, М.Б.* История юности Петра I у П. Н. Крекшина / М.Б. Плюханова // Ученые записки Тартуского государственного университета. — Тарту, 1981. — Вып. 513. — С. 22–29.
142. *Подъяпольская, Е.П.* Восстание К.А. Булавина. 1707–1709 гг. / Е.П. Подъяпольская. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 214 с.
143. *Порудоминский, В.И.* Николай Ге / В.И. Порудоминский. — М.: Искусство, 1970. — 134 с.: ил.
144. *Пронштейн, А.П.* Земля Донская в XVIII веке / А.П. Пронштейн. — Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1961. — 375 с.: карт.
145. *Пронштейн, А.П.* Источниковедение в России. Эпоха феодализма / А.П. Пронштейн. — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 1989. — 412 с.

-
146. *Птушкина, И. Г.* О развитии революционных идей в России / И. Г. Птушкина // Герцен А. И. Собр. соч. В 8 т. — М.: Правда, 1975. — С. 499–510.
 147. *Пушкарёв, Л. Н.* «Публичные чтения о Петре Великом» С. М. Соловьёва как памятник исторической и общественно-политической мысли / Л. Н. Пушкарёв // С. М. Соловьёв. Публичные чтения о Петре Великом / Подгот. текста, статья и коммент. Л. Н. Пушкарёва / Отв. ред. В. И. Буганов. — М.: Наука, 1984. — С. 178–204.
 148. *Расмуссен, К.* Спорные вопросы в России XVI века / К. Расмуссен // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. — Т. 24. — № 2. — С. 20–25.
 149. *Репина, Л. П.* История исторического знания / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. — М.: Дрофа, 2004. — 288 с.
 150. *Репина, Л. П.* Контексты интеллектуальной истории / Л. П. Репина // Диалог со временем. — 2008. — Вып. 25. — С. 5–11.
 151. *Репина, Л. П.* Что такое интеллектуальная история? / Л. П. Репина // Диалог со временем, 1999. — Вып. 1. — С. 5–12.
 152. *Репников, А. В.* Консервативная модель / А. В. Репников // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4 т. — М.: РОССПЭН, 2016. Вторая половина XIX–начала XX в. — С. 414–476
 153. *Репников, А. В.* Консервативные проекты переустройства России / А. В. Репников. — М.: Academia, 2007. — 520 с.
 154. *Репников, А. В.* Константин Петрович Победоносцев / А. В. Репников // Победоносцев К. П. Избранное. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 5–36.
 155. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4 т. — М.: Политическая энциклопедия, 2016. — Т. 3. Вторая половина XIX–начало XX в. — 765 с.
 156. *Рикёр, П.* Память, история, забвение / П. Рикёр; пер. с франц. — М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. — 728 с.
 157. *Рубинштейн, Н. Л.* Русская историография / Н. Л. Рубинштейн. — М.: Госполитиздат, 1941. — 659 с.

-
158. *Савельева, И. М.* Теория исторического знания / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. — СПб.: Алетейя: Историческая книга, 2006. — 523 с.
 159. *Северухин, Д. Я.* Любимый скульптор Государя / Д. Я. Северухин // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. — М.; СПб: Atheneum Феникс, 1993. — С. 246–259.
 160. Словарь историка / под ред. Н. Оффенштадта при участии Г. Дюфо и Э. Мазюреля; пер. с фр. Л. А. Пименовой. — М.: РОССПЭН, 2011. — 222 с.
 161. *Сокол, К. Г.* Монументальные памятники Российской империи. Каталог / К. Г. Сокол. — М., 2006. — 432 с.: ил.
 162. *Соловьев, Е. А.* Петр I в отечественной историографии конца XVIII–начала XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Соловьев Евгений Алексеевич. — М., 2006. — 39 с.
 163. *Соловьев, Е. А.* Петр Первый. Метаморфозы образа (конец XVIII–начало XX века) / Е. А. Соловьев. — М.: URSS, 2009. — 287 с.
 164. *Таирова-Яковлева, Т. Г.* Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства» / Т. Г. Таирова-Яковлева. — М.: Центрполиграф, 2011. — 525 [3] с.
 165. *Твардовская, В. А.* Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания) / В. А. Твардовская. — М.: Наука, 1978. — 280 с.
 166. *Тимощук, В. В.* Михаил Иванович Семевский, основатель журнала «Русская старина». Его жизнь и деятельность. 1837–1892. Биографический очерк / В. В. Тимощук. — СПб., 1895. — 340 с.
 167. *Тош, Д.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Д. Тош. — М.: Весь мир, 2000. — 296 с.
 168. *Уортман, Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии / Р. С. Уортман. — М.: О. Г. И., 2002. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. Материалы и исследования. — 608 с.: ил.
 169. *Федорова, М. М.* Новейшие идеологии и кризис исторического сознания модерна / М. М. Федорова // Философия и идеология: от Маркса до постмодерна. — М.: Прогресс-Традиция, 2018. — С. 169–179.

-
170. *Хальбвакс, М.* Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2–3. — С. 40–41.
 171. *Хуан Мин-Хун.* Образ Петра I в русском изобразительном искусстве XVIII–начала XX века: автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Хуан Мин-Хун. — М., 2010. — 26 с.
 172. *Цамутали, А. Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века / А. Н. Цамутали. — Л.: Наука, 1977. — 255 с.
 173. *Цимбаев, К. Н.* Феномен юбилеямани в российской общественной жизни конца XI–начала XX века / К. Н. Цимбаев // Вопросы истории. — 2005. — № 11. — С. 98–108.
 174. *Цимбаев, Н. И.* Сергей Соловьев / Н. И. Цимбаев. — М.: Молодая гвардия, 1990. — 366 с.
 175. *Цимбаев, Н. И.* Славянофильство. (Из истории русской общественно-политической мысли XIX века) / Н. И. Цимбаев. — М.: Изд-во МГУ, 1986. — 274 с.
 176. *Черепнин, Л. В.* Отечественные историки. XVIII–XX вв. Сборник статей, выступлений, воспоминаний / Л. В. Черепнин. — М.: Наука, 1984. — 343 с.
 177. *Черникова, Т. В.* Европеизация России во второй половине XV–XVII веках / Т. В. Черникова. — М.: МГИМО-Университет, 2012. — 944 с.
 178. *Чистякова, Е. В.* «Да будет потомкам явлено...». Очерки о русских историках второй половины XVII века / Е. В. Чистякова, А. П. Богданов. — М.: Изд-во ун-та дружбы народов, 1988. — 136 с.
 179. *Шевцова, О. Н.* Труды русских историков и писателей эпохи романтизма: образно-сюжетный строй, литературная стилистика и композиционное построение / О. Н. Шевцова. — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2017. — 102 с.
 180. *Шелохаев, В. В.* Либеральная модель / В. В. Шелохаев // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4 т. — Т. 3. Вторая половина XIX–начало XX в. — М.: РОССПЭН, 2016. — С. 476–610.
 181. *Шириняц, А. А.* Михаил Петрович Погодин / А. А. Шириняц, К. В. Рясенцев // Погодин М. П. Избранные труды. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 5–94.

-
182. *Шмурло, Е. Ф.* История России. IX–XX вв. / Е. Ф. Шмурло. — М.: Вече, 2005. — 448 с.: ил.
 183. *Шмурло, Е. Ф.* Петр Великий в оценке современников и потомства / Е. Ф. Шмурло. — СПб., 1912. — Вып. 1. (XVIII век). — 277 с.
 184. *Шнирельман, В. А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье / В. А. Шнирельман. — М.: Академкнига, 2003. — 592 с.
 185. *Эйдельман, Н. Я.* Герцен против самодержавия (секретная политическая история России XVIII–XIX веков и Вольная русская печать) / Н. Я. Эйдельман. — М.: Мысль, 1973. — 367 с.
 186. *Эйдельман, Н. Я.* Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта / Н. Я. Эйдельман. — М.: Сов. писатель, 1984. — 368 с.
 187. *Эйдельман, О.* Воцарение с междоусобицей. Новое прочтение дневника Николая Павловича / О. Эйдельман // Родина. — 2009. — № 5. — С. 66–70.
 188. *Riasanovsky, N.V.* The Image of Peter the Great in Russian History and Thought / N.V. Riasanovsky. — New York-Oxford: Oxford Press, 1985. — 331 p.

Научное издание

Айдунова Татьяна Юрьевна

**ПЕТР I В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ СЕРЕДИНЫ XIX—
НАЧАЛА XX В.**

Редактор

Корректор

Компьютерная верстка

А. А. Колесникова

А. А. Колесникова

А. А. Колесниковой